
Е. Пырлин
БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ЛАБИРИНТ

32
П-95
№98
74 м
14515

Е. Д. Пырлин

г. Владивосток
Фаер

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ЛАБИРИНТ

(О некоторых планах решения арабо-израильского конфликта в контексте борьбы за установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке)

Москва
"Группа Гросс"
1996

Дорогому другу "Аранису" -
Николаю Оганесовичу Оганесяну -
с чувствами глубокой симпатии и
искреннего уважения на добрую
память от автора -
Твой Е. Пырлин
5.07.2001

Пырлин Е.Д.
Ближневосточный лабиринт. - М.:
"Группа Гросс", 1996. - 144 с.

Книга известного востоковеда Евгения Дмитриевича Пырлина посвящена одной из наиболее острых проблем современности - ближневосточному конфликту. На основе глубокого анализа исторических реалий, современной геополитической ситуации, личных наблюдений автор показывает развитие, тенденции и перспективы процесса ближневосточного урегулирования. Книга содержит интересные факты, которые ранее не публиковались в отечественной и зарубежной печати.

Работа предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами международных отношений.

© "Группа Гросс", 1996.

Светлой памяти
безвременно ушедших друзей –
ближневосточников

И.П. Беляева,
В.Н. Визгунова,
Т.Г. Зумбадзе,
О.Ш. Каджая,
Г.П. Капустяна,
О.В. Ковтуновича,
Ш.Н. Курдгелашвили,
П.Е. Недосекина,
А.А. Оганьянца,
В.П. Румянцева,
А.С. Семиошкина,
И.В. Симантовского,
Ю.И. Смирнова,
В.Н. Спольникова,
П.Д. Шеина

посвящается эта книга.

От редакции

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, называемый некоторыми журналистами "отцом советского палестиноведения", Евгений Дмитриевич Пырлин хорошо знаком ближневосточникам– ученым и практическим работникам – как один из авторов советских планов ближневосточного урегулирования, знаток тонкостей и "подводных камней" этой сложнейшей проблемы. Его перу принадлежат многочисленные статьи и исследования на эту тему, публиковавшиеся в нашей печати под псевдонимом Е. Дмитриев, в частности широко известные монографии "Палестинский узел" (1978) и "Палестинская трагедия" (1986), которые в то время как бы "прорвали плотину", положили конец замалчиванию палестинской проблемы в нашей исторической и специальной литературе.

Сейчас Е.Д. Пырлин отошел от активной работы в этой области, тяжелая болезнь приковала его к постели. Однако предлагаемая читателям книга "Ближневосточный лабиринт" свидетельствует, что "есть еще порох в пороховницах"и читатели вправе ожидать новых публикаций этого автора – признанного знатока и неутомимого исследователя сложных, деликатных и очень интересных ближневосточных проблем.

Автор в своей книге приводит ряд фактов, неизвестных массовому читателю, что вызывает законный интерес к ней. Оправданными, по мнению редакции, являются и "филиппики" в адрес политики нашего государства на Ближнем Востоке, где Россия утрачивает и уже утратила ряд важных позиций, завоеванных упорным трудом многих востоковедов - практических работников внешнеполитических ведомств и ученых. Счастливое сочетание этих двух "ипостасей" позволило профессору Пырлину подготовить интересную монографию, которую редакция предлагает читателю. Работа предполагает, что читатель в общих чертах знаком с генезисом ближневосточной ситуации последних 30–40 лет; это дало возможность автору отказаться от неизбежных "общих мест", изложения известных фактов в хронологической последовательности, что сделало исследование более динамичным и познавательным. Несомненно, что оно будет одинаково полезно и для заинтересованного читателя, специально не занимающегося ближневосточной проблематикой, и для опытного аналитика, понимающего "пружины" и движущие силы происходящих в ближневосточном регионе событий.

Введение

Отчетливо вижу скептическую усмешку многих читателей: "Как: опять Ближний Восток? Сколько можно..."

Действительно, если следовать логике рассуждения этих читателей, то ни для кого не является секретом, что о ближневосточном конфликте написаны горы книг и статей, зачастую совершенно противоположного свойства; в одних вина за неурегулированность конфликтной ситуации в этом районе возлагается на Израиль и поддерживающие его внешние силы, в других красноречиво доказывается, что только арабы не хотят стабильного гарантированного мира в этом районе. Некоторые политологи вообще считают, что ближневосточный узел неразрешим, что характер предельно обостренных арабо-израильских отношений будет постоянно, на протяжении жизни многих поколений ввергать регион в кровавые столкновения, что ведущей тенденцией развития событий там было и остается скатывание к войне, причем на каждом "витке" этих событий арабо-израильские вооруженные столкновения будут все губительнее и ожесточеннее. Утверждают, в частности, что широкое и по сути дела неконтролируемое распространение в ближневосточном регионе ракетного и химического оружия, показавшего свою жестокую эффективность на заключительном этапе восьмилетней ирано-иракской войны, возможность появления у некоторых ближневосточных государств - причем не только у Израиля - ядерного оружия создают тупиковую ситуацию, прямо ведут к новой арабо-израильской войне, делают бессмысленными любые усилия, направленные на разблокирование конфликтной ближневосточной ситуации.

Так ли это? Неужели здравый смысл не возобладает над крупномасштабным политиканством и мелкотравчатыми амбициями? Где находится тот "магический золотой ключик", которым можно открыть заветный "ларец", в котором лежит приемлемый для всех план установления длительного, надежного, га-

рантированного, справедливого мира в регионе? Может быть, такого "ларца" и не существует?

Когда читатель прочтет эту публикацию до конца, вряд ли он останется при своем первоначальном мнении о том, что Ближний Восток - это скучная и избитая тема, что понятия опасной напряженности и военного противостояния являются трагически-традиционно неотделимыми от ближневосточной ситуации.

Автор хотел бы показать и доказать на конкретных примерах, что развитие событий в ближневосточном регионе, долгие годы шедшее по пути нагнетания напряженности в арабо-израильских отношениях, не могло оставаться в виде застарелого конфликтного очага, время от времени извергающего кровавую лаву военных столкновений с многотысячными жертвами среди военнослужащих и мирного населения, с многомиллиардными убытками как для Израиля, так и для арабских государств.

Создается впечатление, что ближневосточный регион как бы пробуждается от кошмарного сна, длившегося многие десятилетия, рассеивается кровавый туман многочисленных войн, который слепил глаза взаимной ненавистью, постоянно втягивал в орбиту смерти и разрушения новые миллионы людей, лишал будущего целые поколения. На смену политикам, мыслившим конфронтационными категориями, считавшим войну единственно возможным состоянием арабо-израильских отношений, приходят государственные и общественные деятели, для которых воспоминания о прошлом не возбуждают мысли о мести, не вызывают жажду взаимного уничтожения, а заставляют задуматься о том, как направить живые силы наций и народов, проживающих в ближневосточном регионе, на цели созидания, повышения жизненного уровня, как прекратить бессмысленную гонку вооружений, как напомнить арабам и евреям, что они, как говорил покойный Насер, "двоюродные братья", живущие бок о бок в одном доме, имя которому - Ближний Восток.

О планах установления мира на Ближнем Востоке и пойдет дальше речь. Планах самых разнообразных, подчас спорных, в чем-то может быть односторонних и не до конца продуманных. Но то, что такие планы были и есть, - лучшее доказательство стремления мировой общественности найти взаимоприемлемые пути конструктивного и долгосрочного решения конфликтной ближневосточной ситуации, основанные на соблюдении принципа справедливости для всех.

Автор выражает огромную благодарность владельцам и сотрудникам российской фирмы "Группа Гросс" за издание книги.

I. Что такое ближневосточный конфликт

Как возник ближневосточный конфликт? Что составляет его сущность, какие аспекты ближневосточной ситуации нуждаются в срочном решении, а какие могли бы и "потерпеть" до лучших времен, когда тенденция к нормализации всей мировой обстановки повсюду станет необратимой, когда война как средство решения споров между государствами и народами станет откровенным анахронизмом? Существует довольно распространенная точка зрения, что весь ближневосточный конфликт является порождением экспансионистской политики правящих кругов Израиля, лишившей палестинских арабов национальных прав, в том числе права на создание собственного государства. Если до конца следовать этой логике, надо будет признать, что если известная Резолюция 181/II от 29 ноября 1947 г. Генеральной Ассамблеи ООН о разделе бывшей территории английской подмандатной Палестины на два государства - арабское и еврейское - выполнена, то на Ближнем Востоке царили бы мир, спокойствие и порядок и весь регион нельзя было бы считать наиболее опасной "невралгической" точкой планеты.

Если встать на противоположные позиции, придерживаться официальной израильской точки зрения, то весь ближневосточный конфликт является следствием упорного стремления арабских государств уничтожить Израиль как "инородное тело" на Ближнем Востоке, не имеющее прав на существование, что ближневосточный конфликт является постоянным спутником развития израильской и арабской государственности, фактором, объясняющим и определяющим многие параметры национальной безопасности, практической политики государств, в него вовлеченных.

Хотелось бы посмотреть на проблему несколько шире, попытаться увидеть, что же скрывается за обоюдной враждебностью арабов и евреев именно в регионе Ближнего Востока, по-

скольку взятые "в другом контексте", пересаженные на иную "почву", арабы и евреи вполне могут уживаться и находить общий язык.

Значит, надо "копать" глубже. И здесь мы приходим к мысли, которая многое объясняет в современной, вчерашней и завтрашней ближневосточной ситуации. Дело в том, что на Ближнем Востоке мы имеем во многом классический и - увы! - нередкий в нынешних условиях пример столкновения и ожесточенного противоборства двух национализмов - арабского и еврейского, причем если первый возник давно, но начал активно развиваться с созданием в XX в. в регионе первых арабских национальных государств, то второй, также имеющий давнюю историю, приобрел воинственный, наступательный характер особенно с момента создания Государства Израиль.

Ближневосточный конфликт породил целый ряд других конфликтов, в тот или иной период выходивших на передний план в развитии событий в этом регионе, на долгие годы приковывавших к себе внимание мировой общественности и прессы, определявших направления политических курсов ряда государств. Разве внутриливанский кризис, который пятнадцать лет вел счет на многие тысячи жертв, который практически парализовал такую в прошлом процветающую страну, как Ливан, к которому по сей день применяют определение "многострадальный", не является порождением многочисленных арабо-израильских войн? Разве восьмилетняя ирано-иракская война не стала следствием неурегулированности ключевого ближневосточного конфликта - арабо-израильского? Разве операция "Буря в пустыне", т.е. война армий "многонациональной коалиции" во главе с США против Ирака, не имеет все тот же источник - арабо-израильское противостояние? Разве стремление западных держав разбить военную машину Ирака, нанести ему максимальный экономический урон, "задушить" политическими, военными и экономическими санкциями не вызвано желанием не столько наказать Саддама Хусейна за кувейтскую авантюру, сколько ликвидировать потенциальную угрозу для всего региона, который оказался бы вовлеченным в широкомасштабную войну, длительную и бесперспективную, в которой в очередной раз проявилась бы гибельная для Ближнего Востока арабо-израильская конфронтация? Именно эта конфронтация в глазах многих долгие годы определяла "лицо" региона.

Столкновения, вооруженная борьба, взаимоисключающий характер повседневных и перспективных целей, претензии на

господство в ближневосточном регионе, и в частности в "земле предков" , - все эти крайности арабского (в том числе палестинского) и еврейского (в первую очередь израильского), а точнее ивритского (т.е. проявляемого людьми, для которых родным языком является иврит) национализмов создали ту пеструю мозаику ближневосточной ситуации, где преобладающими цветами долгое время были красный - цвет крови - и черный - цвет разрушения и хаоса.

В борьбе двух национализмов свою роль сыграли, конечно, внешние и внутренние причины возникновения и развития арабо-израильского конфликта, их переплетение. Однако нельзя, как справедливо писал академик Е.М.Примаков, "либо ограничивать причины ближневосточного конфликта "внутренними" арабо-израильскими противоречиями, либо целиком переносить их на "глобальный уровень".

Если же подходить к оценке ближневосточной ситуации с заведомо упрощенной меркой геополитического противоборства России (СССР) и США, то тогда можно легко сделать вывод, что по мере нарастания позитивного потенциала в российско-американских отношениях, расширения областей согласия между Москвой и Вашингтоном напряженность на Ближнем Востоке будет прогрессирующе спадать. Но этого, как известно, не случилось. И хотя тенденция к поиску надежных, сбалансированных политических путей и взаимоприемлемых средств урегулирования медленно, но неуклонно набирает силу, приобретает новых влиятельных сторонников, до реального, устойчивого и должным образом гарантированного мира в регионе еще очень далеко.

Не надо также забывать, что глобальные интересы России и США, понимающих бесперспективность взаимного противоборства, отдающих себе отчет, что в случае возникновения широкомасштабного ядерного конфликта в нем не будет ни победителей, ни побежденных, стремящихся на основе такого с трудом выработанного понимания к поискам политических методов решения региональных конфликтов, зачастую вступают в противоречие с интересами государств, расположенных в ближневосточном регионе, и далеко не всегда руководствующихся заботами о сохранении всеобщего мира, делающих по-прежнему ставку на наращивание вооружений, не желающих отходить от конфронтационного мышления. Логика конкретных политических акций великих держав и государств ближневосточного региона, причины, подталкивающие руководителей этих стран к их проведению, далеко не однозначны и могут серьезно отличаться, даже вступать в проти-

воречия, что ведет к явной "эрозии" отношений между той или иной сверхдержавой и тем или иным внешне достаточно надежным и традиционным ее союзником в ближневосточном регионе.

Да и вообще о союзнических отношениях в обычном понимании в условиях существующих ближневосточных реалий говорить затруднительно. Смена политических приоритетов - неизбежный процесс в истории многих государств буквально нескольких последних лет, который многое изменил на Ближнем Востоке, расставил иные, подчас непривычные политические акценты, поломал или основательно поколебал стереотипы, выработавшиеся в течение десятилетий. Не мог этот процесс обойти и наше государство, которое ныне лихорадочно ищет свою, только ему присущую линию во внешнеполитических вопросах, действует при этом методом проб и ошибок, отходит от устоявшейся и положительно зарекомендовавшей себя линии в ряде вопросов, бездумно и нерасчетливо следует "добрым советам" новоприобретенных друзей, что ведет к серьезным провалам, подрывает авторитет России в мире, ведет к потере ею своего "лица".

Сейчас уже приходится говорить о том, что в мире сохранилась только одна "сверхдержава", что страны третьего мира, к числу которых могут быть отнесены ближневосточные государства, политически дезориентированы и ради своего спасения, ради выживания в бурном море международной политики вынуждены держаться на свет маяка, который светит с американского берега. Ушла в прошлое политика "равноудаленности", уже почти не вспоминается такая в недавнем прошлом значительная политическая сила, как движение неприсоединения, в котором заметную роль играли многие ближневосточные государства, а Египет был даже одним из его основателей. Институт сопредседательствования России и США на международной конференции по Ближнему Востоку стал простой ширмой, за которой ведутся - открыто или "под ковром" - переговоры Израиля с каждой из арабских стран, вовлеченных в конфликт, т.е. по сути дела реализована давнишняя израильская мечта о переговорах с арабами поодиночке, без предварительных условий, когда главным козырем израильтян служат удерживаемые ими с июня 1967 г. арабские территории. Мировая общественность во многом потеряла интерес к этим переговорам, где роль "незаинтересованного посредника" и "катализатора" взял на себя Вашингтон.

Американская администрация прекрасно понимает, что арабам сейчас "некуда деться", - отношения с Россией заметно ослаблены и подчас просто сведены до чисто формального уровня процессом смены политических ориентиров нынешнего российского руководства, и сама Россия не в состоянии как-то повлиять на эволюцию ближневосточной ситуации в ту или иную сторону. Арабская солидарность, время от времени "срабатывавшая" в нужном направлении, проявлявшаяся в практически единодушном осуждении линии А.Садата в вопросах ближневосточного урегулирования, в политической, моральной и экономической поддержке палестинского дела, ушла в историю.

В новых исторических условиях, когда поднявшаяся в результате победы иранской революции "исламская волна" стала видимым источником напряженности в отношениях между недавними друзьями (вспомним хотя бы, до какой остроты дошли в середине 1995 г. египетско-суданские отношения) и реальной опасностью для внутриполитической стабильности целого ряда ближневосточных государств, проблема ближневосточного урегулирования потеряла прежний ореол важнейшей или хотя бы первостепенной международной проблемы, она превратилась в локальный вопрос отношений нескольких арабских стран с "неудобным" соседом - Израилем.

Но все эти изменения не коснулись главного - Ближний Восток остается ареной противоборства и постоянной открытой борьбы самых разнообразных политических сил, взрывоопасный характер ближневосточного конфликта, на который накладывается настороженное и просто враждебное отношение ряда арабских государств к "опасно-импульсивной", "неуправляемой" политике иракского лидера, не может быть скрыт иллюзией спада напряженности. Актуальность поиска взаимоприемлемых путей решения различных, могущих вылиться в серьезные кризисы аспектов ближневосточной ситуации сохраняется. Следовательно, сохраняется и практический, отнюдь не умозрительный интерес к планам ближневосточного урегулирования, несмотря на то, что многие из них имеют весьма приличный "возраст". Но ведь не случайно говорится, что новое - это всего лишь хорошо забытое старое.

Когда читатель вслед за автором будет просматривать уже ставшие историей дипломатические документы, перелистывать газеты и журналы многолетней давности, пусть его не покидает ощущение сопричастности к бурной, противоречи-

вой, кровавой истории ближневосточного региона последних лет; ведь не прошло еще пятидесяти лет с момента принятия Генеральной Ассамблеей ООН (29 ноября 1947 г.) "Резолюции о разделе", которая многими специалистами-ближневосточниками, учеными и практическими политиками считается точкой отсчета всех бед, несчастий и потрясений, которые обрушились на Ближний Восток.

Рассматривая планы ближневосточного урегулирования, авторы многих из которых уже ушли в лучший мир, вспомним добрым словом тех тружеников дипломатического фронта, которые словом и делом способствовали если не реализации на практике, то хотя бы пропагандированию этих планов, каждый из которых казался его авторам и сторонникам "новым словом" ближневосточной политики, способным кардинально изменить ситуацию в регионе. Много было таких "новых слов"... Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что почти не подверглась "эрозии" актуальность целого ряда положений этих планов, что дает нам достаточные основания для их рассмотрения и анализа с позиций сегодняшнего дня, в свете тех глобальных задач, которые встают перед человечеством, готовым шагнуть в XXI в.

II. От Палестинской войны 1948-1949 гг. до "шестидневной войны" 1967 г.

Если мы согласны с тем, что арабо-израильские отношения детерминируются столкновением, противоборством и борьбой двух национализмов - арабского (палестинского) и еврейского (ивритского), на которые накладываются факторы внешнего вмешательства, то тогда легко прийти к выводу, что главным звеном ближневосточного урегулирования была и остается палестинская проблема, вопрос государственно-правового институирования палестинских арабов, поскольку, как известно, единственной "ветвью" арабов, не получивших реализации своих прав на создание национального государства, до сих пор остаются палестинцы. Нерешенность палестинской проблемы и нежелание арабских стран официально гарантировать безопасность Израиля практически всеми политическими наблюдателями признаются основными источниками конфликтности ближневосточной ситуации. Другие аспекты ближневосточной проблемы - границы, прекращение состояния войны, обуздание разорительной гонки современных вооружений, взаимные территориальные и материальные претензии, вопросы расселения и устройства беженцев и компенсации за утраченное ими имущество (речь идет, кстати, не только об арабских беженцах, но и евреях, после Палестинской войны 1948-1949 гг. покинувших большинство районов своего расселения в арабских странах - Египте, Йемене, Ираке, Марокко и др.) - являются составными частями ближневосточного урегулирования, во многом производными от нерешенности палестинской проблемы.

Характерно, что на первом периоде становления Палестинского движения сопротивления, когда палестинцы считали возможным и необходимым объединяться с другими арабскими странами для достижения своих политических целей в рамках общеарабской национально-освободительной борьбы, многие планы ближневосточного урегулирования не акцентировали внимание

общественности на пути решения исключительно палестинской проблемы. Таким был, в частности, план президента Туниса Бургибы, ставший достоянием гласности в 1965 г. Появление плана Бургибы именно в этот год имело целью, во-первых, отвлечь внимание арабских масс от возможных радикальных путей решения палестинской проблемы, к выработке и реализации которых на практике уже начала призывать только что созданная (в 1964 г.) Организация освобождения Палестины (ООП); во-вторых, в соображениях тунисского президента четко просматривалось желание не допустить новой арабо-израильской войны, исход которой трудно было бы предсказать, несмотря на все воинственные и зачастую безответственные заявления тогдашнего руководителя исполкома ООП Шукейри; в-третьих, выступая за осуществление Резолюции 181/II от 29 ноября 1947 г. Генеральной Ассамблеи о разделе Палестины на два государства - арабское и еврейское, Бургиба хотел показать своим друзьям на Западе, что отмахнуться от палестинской проблемы как якобы несуществующей невозможно и что ее решение может быть найдено исключительно на путях образования самостоятельной палестинской государственности. Главной идеей плана Бургибы было создание независимого палестинского государства в границах, определенных Резолюцией 181/II, т.е. на части территории бывшей подмандатной Палестины, что могло бы стать реальностью - по мнению автора плана, - если арабы признают факт существования Израиля и раздел Палестины на два государства. 6 марта 1965 г. на пресс-конференции в восточной (арабской) части Иерусалима в ходе своего официального визита в Иорданию Бургиба сказал: "Если бы арабы приняли предыдущие решения (имелись в виду решения ООН о разделе Палестины) и продолжали требовать их претворения в жизнь, трагедии бы не произошло".

План Бургибы был встречен в штыки в арабском мире, так как арабы отказывались от самой мысли, что Палестина может быть когда-то разделена, хотя к моменту выдвижения плана такой раздел уже являлся фактом. Израильское руководство, ссылаясь из "несуществование" арабского палестинского народа и не желая отказываться от территориальных "приращений", сделанных в период Палестинской войны, также не поддержало план Бургибы. "Яйцо, разбитое восемнадцать лет назад, нельзя склеить снова", - заявил тогдашний заместитель премьера-министра Израиля А.Эбан. В аналогичном плане высказался премьер-министр Эшкол: "Думаю, что кто-то должен сесть с картой в руках и объяснить Бургибе, что этот план нереален... Арабы должны научиться понимать, что возможно и что невозможно", -

заявил он газете "Давар".

Отвечая на почти повсеместную критику своего плана в арабском мире, тунисский президент указывал в одном из интервью, что на Бандунгской конференции 1955 г. он говорил во многом сходные вещи и ряд афро-азиатских стран одобрил такой подход. Сдержанно-негативный подход израильской системы в дальнейшем сменился резко отрицательными оценками, в которых преобладал тезис о невозможности для Израиля отказаться от захватов периода Палестинской войны. "Можно только удивляться, - говорилось в одном из комментариев правительственной печати Израиля, - что кто-нибудь будет так наивен, чтобы ожидать от Израиля или любой другой страны, находящейся в подобном положении, вступления в переговоры на основе заранее предрешенного "Мюнхена". Это привело бы Израиль к вынужденному отказу от территории, где проживает четверть его еврейского населения и где находится более 300 населенных пунктов (имелись в виду территории, захваченные Израилем в результате Палестинской войны), неужели кто-то ожидает, что Израиль всерьез будет вести переговоры об отказе от этих территорий?"

Убедившись в неосуществимости своих планов, Бургиба пришел к выводу, что достижение мирного урегулирования на Ближнем Востоке - дело весьма отдаленного будущего, что ни арабская, ни израильская стороны не готовы сесть за стол равноправных и конструктивных переговоров. В интервью журналу "Обсервер" он прямо сказал: "Мой компромиссный план провалился. Ни арабы, ни Израиль не хотят им заниматься. Я не намерен брать на себя руководство движением, чтобы настаивать на урегулировании. У меня нет для этого ни желания, ни позитивных инструментов. Вопрос надо оставить до лучших времен".

Некоторые историки отмечают, что план Бургибы был неофициально одобрен Насером, хотя спустя тридцать с лишним лет найти какие-то конкретные заявления покойного первого египетского президента на этот счет, видимо, вряд ли возможно. Вне всякого сомнения, официальная поддержка плана Бургибы со стороны насеровского Египта вдохнула бы в него жизнь и еще неизвестно, как пошло бы развитие событий на Ближнем Востоке в этом случае. Ясно, однако, что в тот период Насер не мог открыто выражать позитивное отношение к плану, даже если бы хотел это сделать, поскольку Египет в тот период по праву шел во главе прогрессивных сил арабского мира и отказываться от одного из самых весомых и, как казалось Насеру, беспроигрышных козырей - антиизраильских - значило бы в значительной степени подорвать свои позиции.

В свете дальнейших событий - прежде всего "шестидневной

войны" 1967 г. - незаслуженно забытый план Бургибы приобретает особое значение и звучание. Конечно, о возможностях его реализации в тот период говорить не приходилось, но даже возможное начало дискуссий вокруг этого плана - на правительственном или общественном уровне - неизбежно ослабило бы напряженность в арабо-израильских отношениях.

Однако парадоксальность ситуации заключалась в том, что в таком ослаблении в середине 60-х гг. не были заинтересованы ни арабские страны, ни Израиль. Первые исходили из того, что в случае нового вооруженного, широкомасштабного арабо-израильского столкновения неизбежно сработает межарабская солидарность, которая в сочетании с военной силой насеровского Египта нанесет поражение "сионистскому врагу". Израиль со своей стороны считал, что и в случае своего превентивного удара по арабским странам и в случае отражения арабского нападения израильские вооруженные силы в состоянии резко изменить ход борьбы в свою пользу и добиться военно-политического поражения своих противников. С учетом того, во многом решающего обстоятельства, что подготовка к возможному вооруженному столкновению шла в арабских странах и в Израиле по-разному и что не только арабские страны оставались разобщенными между собой (в частности, из-за непопулярной войны Египта в Йемене), но и в ведущих из них, прежде всего в Египте, не было достаточно прочного внутреннего единства, исход такого столкновения, казалось, должен быть предельно ясен заранее.

Здесь мы подходим к проблеме, беспристрастное рассмотрение которой поможет при анализе других аналогичных вопросов. Проблема заключается в следующем: если Советский Союз знал, что новая арабо-израильская война не за горами, почему не были предприняты заблаговременные меры по ее предотвращению, тем более что в тот период СССР поддерживал с Израилем обычные, хотя и далеко не дружественные дипломатические отношения. Здесь мне видятся три аспекта проблемы:

- во-первых, до поры до времени воинственная антиизраильская риторика арабских руководителей, прежде всего Насера, не воспринималась в Москве достаточно серьезно, считалось, что она во многом служит внутриполитическим целям, а в применении к Египту - задачам дальнейшего укрепления авторитета Египта и лично Насера на межарабском уровне;

- во-вторых, советская политика на Ближнем Востоке строилась в тот период по не оправдавшему себя в конечном итоге принципу "египтоцентризма", т.е. все многообразие событий и явлений в ближневосточном регионе воспринималось как бы

глазами Египта, т.е. явно односторонне. Широкого видения ближневосточной ситуации во всей ее многоликости, противоречивости и предельной сложности советское руководство в тот период не проявляло; к сожалению, не проявляет его российское руководство и сейчас, практически отдав весь Ближний Восток на откуп США и послушно следуя в фарватере американской ближневосточной политики. Вновь оправдывается мой горький афоризм, что у нас, по сути дела, никогда не было и нет ближневосточной политики, а есть политика, точнее жалкое подобие, слабая имитация политики на Ближнем Востоке, что, как понятно историку или политологу любого уровня, далеко не одно и то же;

- в-третьих, исподволь считалось, хотя об этом не было принято говорить вслух, что подготовка египетских вооруженных сил советскими военными советниками доведена до высокого уровня и вооруженное столкновение Египта с Израилем может закончиться в пользу Египта, что неизбежно приведет и росту престижа СССР в странах региона, так как возможная победа будет одержана его оружием. Неизбежное в этом случае ослабление позиций Израиля (о его полной ликвидации, как к тому призывали некоторые арабские горячие головы, речь, конечно, идти не могла) явилось бы, по той же логической схеме рассуждений, серьезным ударом по престижу США, главного израильского союзника, все глубже увязавшего в тот период во вьетнамской войне.

По указанным причинам у Советского Союза не было побудительных мотивов предлагать или разрабатывать какие-то серьезные и далеко идущие планы нормализации ближневосточной ситуации или подталкивать ведущие арабские страны к обдумыванию или разработке таких планов. Более того, указание "в пожарном темпе" обдумать и представить возможные сценарии развития событий в результате египетско-израильской войны (о войне Израиля с тремя арабскими странами, как это в дальнейшем произошло, речь не шла) некоторые сотрудники соответствующих подразделений Министерства иностранных дел, Первого главного управления Комитета госбезопасности и ГРУ Минобороны получили в то время, когда в воздухе уже явственно "запахло порохом", но даже тогда все разработанные сценарии как минимум исходили из того, что война закончится "вничью". Равным образом, советские оценки причин напряженного положения на Ближнем Востоке до июня 1967 г. были весьма односторонними, откровенно проарабскими. В том, что касается палестинского вопроса, проявлялась удивительная сдержанность, граничащая с его преднамеренным игнорированием и замалчи-

ванием в силу его запутанности и деликатности. Наиболее далеко идущая формулировка содержалась в совместном заявлении об итогах визита Н.С.Хрущева в ОАР, подписанном 24 мая 1964 г., где говорилось следующее: "Советский Союз выражает полную поддержку борьбе арабских государств против агрессивных происков империалистических сил, стремящихся использовать палестинскую проблему для усиления напряженности на Ближнем Востоке и препятствующих урегулированию этой проблемы в соответствии с решением ООН и с учетом законных и неотъемлемых прав палестинских арабов".

Арабо-израильская "шестидневная война" в июне 1967 г. поэтому справедливо считается не только точкой отсчета нового этапа арабо-израильских отношений, но и началом длительного и трудного этапа борьбы за ближневосточное урегулирование, основанного на необходимости соблюдения принципа справедливости для всех, этапа, на котором все страны, в той или иной степени вовлеченные в арабо-израильский конфликт, имели свои победы и поражения, отходили от годами укоренявшихся стереотипов, ходом событий подталкивались к таким компромиссам, которые, казалось бы, не вписывались в контекст их привычной и устоявшейся политики. Это в равной степени относится к арабским странам, Израилю и великим державам.

III. "Пять пунктов" президента Джонсона. Резолюция 242 Совета Безопасности, ее значение и эффективность

Одним из первых заявлений, где содержались возможные, в общей форме сформулированные принципы, на которых должна основываться структура мирных отношений между государствами Ближнего Востока, явились "Пять пунктов" Джонсона. Эти положения, изложенные тогдашним президентом США, сводились к следующему:

- каждое государство на Ближнем Востоке имеет право на существование и это право должно уважаться его соседями;
- сотрудничество арабов и Израиля в деле справедливого решения проблемы беженцев;
- право свободного судоходства по международным водным путям региона для всех государств;
- все нации должны взять на себя ответственность, чтобы положить конец гонке вооружений на Ближнем Востоке. ООН должна требовать отчета о всех поставках оружия;
- уважение политической независимости и территориальной целостности государств Ближнего Востока и признание особых интересов трех религий в святых местах Иерусалима.

Появление указанных "Пяти пунктов" Джонсона вписывалось в американскую оценку ситуации, сложившейся в результате "шестидневной войны" и с позиций сегодняшнего дня может быть расценено как первое проявление с годами ставшей превалирующей в американской ближневосточной стратегии тенденций переложить основной груз поисков решения конфликтной ситуации на страны, непосредственно вовлеченные в конфликт. Характерно, что в "Пяти пунктах" не содержалось упоминания о возможном прохождении арабо-израильских границ и о необходимости вывода израильских войск с арабских территорий, захваченных в результате войны 1967 г. Известный американский ученый-ближневосточник Уильям Квандт объясняет эту странную "забывчивость" главы американской администрации тем, что,

во-первых, израильский удар по трем соседним арабским странам с американской точки зрения был оправданным и, во-вторых, по мнению Вашингтона, Израилю следовало бы разрешить удерживать захваченные территории до тех пор, пока его арабские соседи не дозреют до понимания важности мирных отношений с ним, т.е. США откровенно признавали удержание Израилем арабских земель важной и может быть даже решающей картой для будущего политического торга, в ходе которого должен быть рассмотрен и решен вопрос об арабо-израильских границах. Палестинская проблема сводилась к необходимости справедливого решения проблемы беженцев.

Советская позиция по урегулированию сразу же после июньской войны 1967 г. была изложена в решениях соответствующих пленумов ЦК КПСС, в выступлениях на V чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН главы советской делегации председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина. Главный упор в этих документах делался на требовании о выводе израильских войск с захваченных территорий, на что Израиль пойти и не собирался, с полным основанием рассчитывая на прямую поддержку Вашингтона.

События 1967 г. показали, что ни одна из сторон в конфликте не готова на урегулирование, которое может дать преимущество или арабским странам или Израилю. Арабские страны стремились к нахождению таких формулировок, где не содержались бы прямые указания на необходимость признания ими Израиля как государства. Со своей стороны, Израиль стремился к достижению такого признания в качестве одной из гарантий своей безопасности и не выражал желания четко зафиксировать такой вопрос как прохождение будущих арабо-израильских границ, надеясь на закрепление за собой всех или большей части захваченных в результате войны территорий.

Именно поэтому Израиль длительное время, фактически три года, не высказывал своего отношения к Резолюции 242 от 22 ноября 1967 г. Совета Безопасности, в которой провозглашался принцип недопустимости приобретения территории путем войны, подтверждалась необходимость добиваться справедливого и прочного мира в районе Ближнего Востока, указывалось на необходимость вывода израильских войск с арабских территорий, оккупированных Израилем в результате июньской войны 1967 г., указывалось также на необходимость прекращения всех претензий или состояний войны и уважения и признания суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в районе Ближнего Востока и их права жить в мире, в безопасных и признанных границах, не

подвергаясь угрозам силой или ее применению. В Резолюции также содержалась просьба к Генеральному секретарю ООН "назначить специального представителя, который должен выехать на Ближний Восток для установления и поддержания контактов с заинтересованными государствами в целях содействия достижению соглашения и в целях поддержки усилий, направленных на достижение мирного и приемлемого урегулирования в соответствии с положениями и принципами настоящей Резолюции".

Единогласное одобрение Резолюции 242 Советом Безопасности было достигнуто потому, что ее формулировки носят во многом сбалансированный и обтекаемый характер, а отдельные положения в зависимости от языка, на который она переведена с языка оригинала английского проекта, могут трактоваться поразному. Как и в "Пяти пунктах" Джонсона в Резолюции ни слова не было сказано о национальных правах арабского народа Палестины и лишь упоминалось о необходимости "справедливого решения проблемы беженцев".

Это отражало устоявшийся стереотип мышления, согласно которому вся палестинская проблема может быть решена, если будет решена проблема беженцев на базе их возвращения "к родным очагам" или расселения в других странах (по преимуществу арабских) с необходимой компенсацией. Такая интерпретация палестинской проблемы устраивала многие арабские страны, которые считали Организацию освобождения Палестины орудием в руках насеровского Египта, одним из инструментов его межарабской политики.

Египет признал Резолюцию 242 с тем, чтобы использовать ее положения как платформу своей дальнейшей борьбы за справедливое урегулирование. Израиль, устами своего министра иностранных дел Эбана, указал, что, по его мнению, Резолюция была принята "не вместо соответствующего соглашения, а в качестве перечня принципов, которые стороны могли положить в основу своего соглашения". "Центральными вопросами" этого перечня Эбан назвал "установление постоянного мира и достижение соглашения об определении безопасных и признанных границ", ни словом не упомянув о проблеме вывода израильских войск. Другими словами, израильская позиция вскоре после окончания июньской войны сводилась к тому, что мирное урегулирование может стать возможным только в случае отвечающего интересам Израиля решения некоторых "предварительных условий".

Первым крупным международно-правовым документом, основанным на положениях Резолюции 242, явился согласованный с египетской стороной советский "План-расписание" выполнения указанной Резолюции. Этот план отвечал главной цели:

будучи в целом сбалансированным документом, основанным на принципе "пакетности", он указывал пути достижения урегулирования на Ближнем Востоке политическими средствами, через поэтапный вывод израильских войск, неразрывно связанный с другими аспектами урегулирования. Советский план предусматривал целый ряд конкретных практических мер: поэтапный вывод войск Израиля с территорий, захваченных им в 1967 г., выражение арабскими странами и Израилем их официальной готовности пойти на прекращение состояния войны между ними после вывода израильских войск, достижение договоренности по всем конкретным аспектам урегулирования, упомянутым в Резолюции 242: установление границ, включая вопрос о создании демилитаризованных зон, обеспечение свободы судоходства по международным водным путям региона, справедливое решение проблемы беженцев и т.д.

Хотя советский план был по сути дела "заморожен" западными державами (его поддержало только правительство Франции, сделавшее официальное заявление о своей готовности принять этот план в качестве основы для обсуждения ближневосточного вопроса), он, безусловно, сыграл свою роль как в плане привлечения внимания мирового общественного мнения к необходимости конструктивного решения проблемы ближневосточного урегулирования, так и в плане оживления интереса руководителей арабских стран к этой проблеме. Немаловажная деталь: в ходе переговоров А.А.Громыко с Насером в Каире в декабре 1968 г., когда уточнялись положения этого плана, с нашей стороны было высказано предложение, чтобы с этим планом выступил Египет. Насер отклонил такое предложение, видимо, опасаясь обвинений со стороны других арабских стран в ненужной уступчивости, объяснив свой отказ тем, что этот план, если с ним выступит Каир, будет расценен как проявление слабости Египта, как предложение для торга, от которого египетская сторона может при случае и отказаться. Вместе с тем Насер обещал официально выступить в поддержку этого плана и попытаться убедить другие арабские страны в необходимости его принятия.

Основным слабым местом "Плана-расписания" было продолжение его достоинств - откровенная сфокусированность на необходимости исключительно поэтапного выполнения Резолюции 242 Совета Безопасности. Однако поскольку в тот период Резолюция 242 многим представлялась как вполне сбалансированный документ, претензии к "Плану-расписанию" мы вправе предъявлять лишь "задним числом". Важность "Плана-расписания" в момент его появления заключалась также и в том, что его

положения могли помочь специальному представителю Генерального секретаря ООН на Ближнем Востоке - послу Швеции в Москве Яррингу - в разработке процедуры выполнения Резолюции 242, так как предпринимавшиеся им попытки в этом направлении, в частности, предложенная весной 1968 г. "формула Ярринга" отвергались Израилем, а без его сотрудничества вся миссия специального представителя Генерального секретаря ООН обрекалась на пробуксовку на месте.

Официальной датой появления "Плана-расписания" считается 31 декабря 1968 г. Именно в канун нового, 1969 г. он был доведен до сведения заинтересованных правительств. Весьма характерно, что ответ западных держав на советское предложение был хотя и отрицательным, но далеко не идентичным. США в своем ответе сделали упор на необходимости "борьбы против терроризма", под которым они подразумевали заметно активизировавшуюся после июньской войны антиизраильскую деятельность палестинских организаций.

Английский ответ указывал на равную ответственность арабских стран и Израиля за сохранение опасной напряженности в ближневосточном регионе, но вместе с тем в нем разделялась озабоченность советской стороны отсутствием ощутимого прогресса в деле урегулирования.

Французский ответ, как указывалось выше, был в целом положительным; в нем содержалось также предложение начать консультации представителей четырех великих держав в Совете Безопасности с целью нахождения взаимоприемлемых путей осуществления Резолюции 242. Советский Союз незамедлительно согласился с этим предложением, в дальнейшем к нему присоединились Великобритания и США, и такие консультации - правда, безрезультатные - некоторое время имели место.

Новые советские предложения по урегулированию, также согласованные в предварительном порядке с египетской стороной, появились в июне 1969 г. и в июне 1970 г. Предложения, датированные июнем 1969 г., появились "по горячим следам" очередного визита Громыко в Каир, а также учитывали содержание неофициальных консультаций с американской стороной (зам. госсекретаря Сиско - посол СССР в Вашингтоне Добрынин), которые имели место весной того же года, были продолжены летом, во время визита Сиско в Москву и осенью того же года, когда они фактически завершились в Вашингтоне. Как и чем - к этому вопросу мы еще вернемся.

Новый советский план урегулирования - "Основные положения" - предварительно был изложен президенту Насеру, который, в отличие от переговоров в декабре 1968 г., был значитель-

но более скептически настроен в отношении реальности осуществления этого плана. От некоторых предложений он просто отказался, считая их слишком серьезной уступкой Израилю.

Нельзя, кстати, считать, что переговоры советских представителей с Насером всегда шли "как по маслу". Сложность и высочайшую ответственность своего положения как признанного лидера арабской нации он прекрасно сознавал и подчас его возражения на те или иные соображения советской стороны были не только аргументированными, но и довольно эмоциональными.

В "Основных положениях" содержались следующие основные моменты:

- фиксировалась необходимость признания Израилем и арабскими странами - возможными участниками урегулирования - готовности выполнить Резолюцию 242 во всех ее положениях;

- участники процесса урегулирования призывались признать принцип недопустимости приобретения территорий путем войны и важность установления справедливого и прочного мира в регионе, при котором каждое ближневосточное государство могло бы жить в условиях безопасности, не подвергаясь угрозам применения силы;

- излагались конкретные соображения о будущих арабо-израильских границах, которые должны были совпадать с линиями межгосударственного разграничения между арабскими странами и Израилем по состоянию на 4 июня 1967 г.;

- предусматривались взаимосвязь и взаимозависимость между выводом израильских войск и прекращением состояния войны между Израилем и арабскими государствами. Вывод израильских войск предлагалось начать в день депонирования сторонами в конфликте согласованного между ними через посредство посла Ярринга итогового документа по урегулированию, в этот день и должно было бы прекратиться состояние войны де-факто. Официально - де-юре - прекращение состояния войны в полном объеме было бы провозглашено как только израильские войска отойдут за линию, на которой они находились до 5 июня 1967 г.;

- предлагалось гарантировать будущие арабо-израильские границы либо Советом Безопасности, либо его четырьмя постоянными членами (в то время законное место КНР в Совете Безопасности еще занимал представитель Тайваня);

- предлагалось установить демилитаризованные зоны в обе стороны будущих арабо-израильских границ, причем их режим должен был содержать ограничения чисто военного характера и они не должны были дать никаких преимуществ ни одной из

сторон;

- предлагалось (с согласия Египта) разместить войска ООН в Газе и в районе Шарм-аш-Шейха;

- предусматривалось обеспечение специальным решением Совета Безопасности свободы судоходства по международным водным путям региона, а по Суэцкому каналу, суверенитет Египта над которым обеспечивается Константинопольской конвенцией 1888 г., израильские суда получили бы право прохода сразу же после завершения вывода израильских войск со всех арабских территорий, захваченных во время июньской войны;

- рекомендовалось выполнить решения ООН относительно возвращения палестинских беженцев к родным очагам;

- предусматривалось восстановление положения в Иерусалиме, существовавшее до войны 1967 г., т.е. из его восточной части (Старый город) должны были быть выведены израильские войска;

- предусматривалась необходимость рассмотреть вопрос о прекращении или сокращении поставок вооружения сторонам в конфликте после решения в комплексе проблемы урегулирования. В "Основных положениях" содержался специальный раздел, посвященный роли Совета Безопасности как главного органа, ответственного за руководство операциями ООН по поддержанию мира на Ближнем Востоке, если такие операции были бы сочтены целесообразными. Предлагалось, в частности, сформировать группу военных наблюдателей и контингент войск ООН с соблюдением принципа сбалансированного политического и справедливого географического представительства.

В ходе разработки указанных предложений и документов трудно было отрешиться от мысли, что они носят несколько оторванный от жизни характер, невольно вспоминалась добрая русская пословица, что "гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить". Степень остроты арабо-израильских отношений в конце 60-х гг. была столь высокой, что не верилось в действенность этих предложений.

Особенно заметным в известной мере схоластический характер обсуждений различного рода идей и предложений для меня стал очевидным в ходе советско-американских неофициальных консультаций в Москве и Вашингтоне. Впечатление о некоей "академичности" и самих переговоров и обсуждавшихся на них предложений сторон усиливалось от того, что между Египтом и Израилем продолжалась так называемая война на истощение, ежедневно велись артиллерийские дуэли, палестинские борцы сопротивления наращивали удары по израильским оккупантам, в ответ следовали израильские "акты возмездия", дру-

гими словами, ежедневно и с израильской, и с арабской стороны гибли люди, разрушались материальные ценности, но это было как бы невидимым "подтекстом" внешне вполне дружеских и содержательных разговоров неких сытых "Авгуров", которых отделяли от места событий, о которых они вели свои неторопливые беседы, тысячи и тысячи километров.

Но все-таки надо сказать хотя бы два слова об этих консультациях, тем более что в осеннем их раунде в Вашингтоне, в котором мне довелось участвовать, и советская и американская стороны выдвинули некоторые новые встречные соображения, не потерявшие, как мне кажется, определенной актуальности вплоть до сегодняшнего дня. Более того, указанные беседы оказали явное воздействие на американскую сторону, активность которой в деле поисков решения арабо-израильского конфликта в дальнейшем заметно усилилась. Конечно, не надо переоценивать значение этих переговоров в деле подталкивания Вашингтона на некие новые инициативы, побудительных мотивов в этом плане вполне хватало - тут и провал израильских планов нанесения авиационных ударов в глубину египетской территории, и явное усиление выучки и мастерства египетской армии, и появление в воздушном пространстве в зоне соприкосновения египетской и израильской армий новых истребителей-перехватчиков с советскими пилотами, которым удалось достаточно надежно прикрыть боевые порядки и тылы египетских вооруженных сил, не говоря уже о глубинных районах страны. Но и переговоры сыграли свою роль, убедив американских представителей в серьезности намерений советской и египетской сторон в том, что касается возможностей использования политических методов разрешения ближневосточного конфликта. Не могли американские представители не оставить без внимания и высокую степень советско-египетского согласия и доверительности советско-египетских отношений по ключевым аспектам урегулирования. Кто бы мог подумать, что меньше чем через год не станет президента Насера и начнется период явного охлаждения в отношениях двух стран, а США попытаются - и не без успеха - стать "единоличными посредниками" между Египтом и Израилем...

Характерно, что в тот период, о котором мы ведем речь, одной из основных сложностей, в значительной степени затруднявших достижение советско-американской договоренности, была проблема формы переговоров. Арабская сторона категорически отказывалась от прямых переговоров с Израилем, соглашаясь лишь на контакты по "Родосской формуле" (через посредника). Трудности проистекали также из различного подхода к вопросу

о возможном размещении демилитаризованных зон в случае достижения договоренности об урегулировании, из разницы в подходе к проблеме судоходства по международным водным путям региона (американцы настаивали, чтобы обе стороны сами заявили о международном характере Тиранского пролива и Акабского залива и о свободе судоходства в них, советские представители, щадя самолюбие Египтян, считали возможным, что такое заявление должен сделать Совет Безопасности, что сделает его обязательным для сторон). Американцы активно настаивали на включении в возможный документ по урегулированию упоминания о необходимости "обеспечения того, чтобы не имели места акты враждебности и войны со стороны правительственных органов, персонала, и частных лиц и организаций" одной стороны в отношении другой стороны, причем заместитель госсекретаря Сиско прямо указал, что США конкретно имеют в виду действия палестинских партизан. В советских предложениях делалось различие между окончанием состояния войны между арабскими странами и Израилем де-факто (когда начнется вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий) и де- юре, когда этот вывод будет закончен, против чего категорически возражали американцы. Американские представители в ходе переговоров отмечали, что ссылок на Константинопольскую конвенцию 1888 г., регламентирующую принципы свободы судоходства по Суэцкому каналу, явно недостаточно, что необходимо на этот счет специальное решение Совета Безопасности, поскольку в статье 10 конвенции Египту предоставляется возможность предпринимать меры для обеспечения своей собственной безопасности и поддержания общественного порядка, среди которых фигурирует возможность закрытия канала.

Договоренности в ходе переговоров достигнуто не было, хотя с позиций сегодняшнего дня многие взаимные критические замечания представителей двух стран в ходе указанных переговоров выглядят во многом "высосанными из пальца".

Однако остается фактом, что советско-американские контакты по урегулированию весной и осенью 1969 г. побудили американскую сторону уже в декабре того же года выступить с так называемым планом Роджерса, названным по имени тогдашнего государственного секретаря. Выступая 9 декабря 1969 г. в вашингтонском отеле "Шератон-парк", У.Роджерс изложил некоторые соображения правительства США по вопросам урегулирования. Констатируя, что "призывать к выводу израильских войск, как предусмотрено в Резолюции Совета Безопасности ООН, без достижения соглашения о мире означало бы быть на стороне арабов, а призывать арабов к миру без вывода израильских войск

означало бы быть на стороне Израиля". Роджерс попытался сформулировать некоторые общие принципы ближневосточного урегулирования в американском понимании, в частности в вопросах мира, безопасности сторон после достижения урегулирования и вывода войск, т.е. в тех вопросах, где шли основные советско-американские споры весной, летом и осенью 1969 г. В вопросе, касающемся установления мира между сторонами, Роджерсом было справедливо указано, что возможное в будущем "мирное соглашение между сторонами должно основываться на ясных и открыто провозглашенных ими намерениях и готовности внести существенные перемены в позиции и условия, характерные сегодня для Ближнего Востока". В заявлении четко указывалось на то, что "США - не сторонники экспансионизма". Роджерс особо подчеркивал, что "хотя признанные политические границы должны быть установлены и согласованы между сторонами, всякие изменения в ранее существовавших линиях не должны отражать результаты захвата и должны ограничиваться несущественными изменениями, требуемыми интересами взаимной безопасности".

Историческое значение плана Роджерса заключается в том, что он наметил контуры принципа "земля в обмен на мир", который положен в основу договоренностей (уже имевших место и возможных в будущем) между арабскими странами и Израилем. Заявление Роджерса отражало формировавшееся в американской администрации понимание необходимости арабо-израильских компромиссов по всему комплексу вопросов урегулирования как единственно возможном пути к установлению прочного, справедливого и гарантированного мира в регионе. Конечно, в декабре 1969 г. рано было говорить о том, что такая точка зрения стала превалирующей в американских правящих кругах; "первая ласточка", каковой представляется план Роджерса, отнюдь "не делала весны", но сам факт его появления внушал определенный оптимизм, позволял надеяться, что когда стороны в конфликте "дозреют" до понимания важности взаимных уступок, достижение мира на Ближнем Востоке станет одной из целей политики Соединенных Штатов.

К линии на разработку и достижение необходимых компромиссов стороны в конфликте в тот период не были готовы; Израиль еще пребывал в эйфории в связи со своей победой в "шестидневной войне", арабы готовились к реваншу. Поэтому план Роджерса был сдержанно-настороженно встречен в арабских странах и крайне негативно в Израиле, по мнению руководства которого он отражал чуть ли не отход США от традиционного курса на его поддержку. Заместитель премьер-министра И.Алон, имя которого носит один из израильских планов урегулирования, высказывая официальную точку зрения израильского руководства, указывал на "бесславный характер" американского плана, "который вошел в историю под названием плана Роджерса и который якобы был "ошибочен по двум важным обстоятельствам: во-первых, в силу самого факта представления его сторонам вместо того, чтобы предоставить им самим вступить без предварительных условий в переговоры по разделяющим их вопросам; во-вторых, потому, что в нем совершенно не принимались во внимание потребности безопасности Израиля... Если бы этот план не был положен на полку, вряд ли бы удалось достигнуть какого-либо позитивного продвижения на Ближнем Востоке". События, которыми была наполнена история ближневосточных государств, это период между двумя арабо-израильскими войнами - 1967г. и 1973 г., в частности, подавление королевскими вооруженными силами отрядов палестинского движения сопротивления в Иордании, начавшийся отход Египта от согласованных с другими арабскими странами позиций в вопросах антиизраильского противостояния и превращения Палестинского движения сопротивления в серьезнейший компонент общей ближневосточной политической мозаики и др., вызвали к жизни целый ряд соображений и планов урегулирования.

Наиболее известным из них, кстати, не потерявшим определенной актуальности вплоть до нашего времени, хотя и фактически в чем-то дезавуированным своим автором, остается план короля Иордании Хусейна, который сосредоточивал внимание на палестинской проблеме и предусматривал создание так называемого Объединенного арабского королевства. Этот план был изложен королем в его речи во дворце Басман 15 марта 1972 г.

В начале своего выступления король напомнил, что в результате арабо-израильской войны 1948-1949 гг. иорданская армия, несмотря на свою малочисленность, смогла спасти от израильской оккупации часть Палестины и арабский Иерусалим. "От всей Палестины, - указал король, - арабам остался лишь район, который стал известен под названием "Западного берега", а также узкая полоска, называемая теперь "сектор Газы".

Король изложил официальную иорданскую версию присоединения Западного берега к Трансиордании как проявление свободного волеизъявления всего арабского народа Палестины, видевшего в этом объединении "национальную необходимость и гарантию перед лицом постоянно расширяющейся израильской угрозы", как "первый реальный шаг в современной арабской истории на пути к единству, провозглашенному арабской революцией на заре своего зарождения". Король при этом особо

подчеркнул, что "первейшей реальностью союза двух берегов было то, что живущее в нем население представляло один народ, а не два народа". Указывая на важную роль палестинцев в экономической и социальной жизни всех районов Иордании, Хусейн заявил о постепенном стирании различий между палестинцами и иорданцами. "Пришел день, - сказал король, - когда стало невозможно отличить, кто с Западного, а кто с Восточного берега, несмотря на то, что в других частях арабского мира палестинца отличают от непалестинца. Единство крови и судьбы между народами обоих берегов достигло высшей точки в 1967 году, когда сыны обоих берегов стояли из земле Западного берега.., орошая священную землю своей общей кровью".

Король говорил далее о надвигавшейся на Иорданию "внутренней катастрофе", подразумевая под этим события 1970-1971 гг., о том, что все попытки вызвать "подрывные действия" внутри страны "разбились о скалу твердого национального единства". Лейтмотивом заявления короля было утверждение о том, что "Иордания всегда понимала размер трагедии палестинцев", что "израильская оккупация западного берега... сохраняется в результате разобщенности арабского фронта, отсутствия координации, в результате борьбы за насаждение противостоящих друг другу направлений и лагерей, предания забвению существа палестинской проблемы, ведения разговоров вместо соответствующих действий, а также попыток захвата власти определенными группами путем внутренней борьбы".

Указав на особую роль Иордании, которую она, по его мнению, призвана играть в конструктивном решении палестинской проблемы, в восстановлении законных прав палестинского народа, король объявил следующие основные принципы своего плана: "1. Иорданское Хашимитское Королевство станет Объединенным арабским королевством и будет носить это название.

2. Объединенное арабское королевство будет состоять из двух районов:

а) Палестинского района, который будет включать Западный берег и любые другие палестинские территории после их освобождения, население которых изъявит желание присоединиться к нему;

б) Иорданского района, который будет включать Восточный берег.

3. Амман станет центральной столицей королевства и одновременно столицей Иорданского района.

4. Иерусалим станет столицей Палестинского района.

5. Король будет главой государства и возьмет на себя центральную исполнительную власть. Помощь ему в этом будет оказывать центральный совет министров. Центральной законодательной властью будут наделены король и национальное собрание, члены которого будут избираться прямым тайным голосованием.

Национальное собрание будет иметь равное количество членов от каждого из двух районов.

6. Центральной судебной властью будет наделен верховный центральный суд.

7. Королевство будет иметь единые вооруженные силы, а король будет их верховным командующим.

8. Ответственность центральной исполнительной власти будет ограничена вопросами, относящимися к королевству как суверенному международному образованию и обеспечивающими безопасность союза, его стабильность и развитие.

9. Исполнительной властью в каждом районе будет наделен генеральный губернатор района и региональный совет министров.

10. Законодательной властью в каждом районе будет наделен народный совет, который будет избран прямым тайным голосованием. Этот совет будет избирать генерального губернатора.

11. Судебной властью в каждом районе будут наделены суды района, и никто не будет иметь над ними власти.

12. Исполнительная власть в каждом районе будет нести ответственность за все вопросы, за исключением тех, за которые по конституции будет ответственна центральная исполнительная власть".

По мнению короля, осуществление его плана по созданию Объединенного арабского королевства (ОАК) "будет гарантировать переустройство иордано-палестинского дома таким образом, чтобы обеспечить ему силу и способность осуществления наших надежд и чаяний". Кроме того, этот план "укрепит братство обоих берегов.., положит конец сомнениям относительно прав любого человека палестинского происхождения в Иорданском районе и любого человека иорданского происхождения в Палестинском районе". Король Хусейн особо указал в своей речи, что его план "собирает, а не рассеивает, укрепляет, а не ослабляет, объединяет, а не разобщает".

За несколько дней до официального выдвижения плана создания ОАК король по дипломатическим каналам обратился к главам великих держав, объяснив политическую структуру предполагаемого государства. Король в своих посланиях выражал уверенность, что осуществление его плана внесет "вклад в ...

общие усилия по установлению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке". Во многие арабские государства были направлены авторитетные иорданские делегации с личными посланиями короля главам этих государств, в которых объяснялись мотивы, приведшие иорданское руководство к выдвижению такого плана, подробно излагался и комментировался сам план.

Надо прежде всего отметить, что, с точки зрения тактической, время выдвижения плана Хусейна было выбрано иорданским руководством в целом весьма удачно. События 1970-1971 гг. в Иордании, значительно ослабившие ПДС, привели к стремлению среди определенных групп палестинцев найти общий язык с иорданским королевским режимом. Более того, отсутствие в тот период достаточно реальных перспектив создания самостоятельной палестинской государственности вынуждало некоторых палестинских деятелей искать такие пути решения проблемы, которые хоть в какой-то степени могли отвечать задаче достижения палестинцами самоопределения.

План преследовал разнообразные цели: привлечь внимание мировой общественности к необходимости прекращения израильской оккупации Западного берега как непременного условия реализации на практике идеи создания ОАК; вновь подтвердить притязания Иордании на эту территорию, дав тем самым "умеренным", по выражению западной пропаганды, палестинцам практическую возможность ориентации на королевский режим как на силу, способную вывести палестинскую проблему из трясины пустопорожних дискуссий; снять критику в адрес королевского режима в связи с событиями 1970-1971 гг.

Иорданская печать и радио, активно пропагандировавшие план создания ОАК, основной упор делали на исключительной роли Иордании в деле решения палестинской проблемы. "Эта инициатива, - указывала газета "Ар-Рай", - приведет к ликвидации всех несостоятельных претензий и стремлений на право представлять палестинский народ. Кто имеет право выступать от его имени? Это естественное и законное право на представительство палестинского народа имеет Иорданское Хашимитское Королевство, в составе двух районов - Палестины и Иордании. Палестина - это Иордания, а Иордания - это Палестина".

Однако резкая реакция большинства арабских государств и ведущих палестинских организаций на план Хусейна доказала, что, с точки зрения политической, условия для его выдвижения не были должным образом подготовлены. Суммируя критические замечания в адрес плана, их можно разбить на три основные категории.

С одной стороны, отмечалось, что выдвижение (не говоря

уже о реализации) такого плана вряд ли могло стать возможным без априорного "молчаливого согласия" израильтян на возвращение Иордании Западного берега. Американская печать в этой связи указывала, что, по мнению палестинцев, проживающих на захваченных в 1967 г. Израилем территориях, "между королем Хусейном и израильскими оккупантами было достигнуто секретное соглашение с целью урегулировать статус палестинских территорий, захваченных у Иордании в "шестидневной войне" 1967 года". В арабских странах при этом обращали особое внимание на в целом положительную оценку плана на Западе. Отмечался, в частности, комментарий в "Нью-Йорк Таймс", где говорилось, что "план короля Хусейна относительно создания полуавтономного палестинского государства на западном берегу Иордана несомненно стоит того, чтобы его рассматривать как возможный путь к миру на Ближнем Востоке". В аналогичном духе высказывалась и влиятельная "Вашингтон пост", где говорилось, что план Хусейна "может привести в движение длительный процесс в направлении мирного урегулирования". С другой стороны, критики плана Хусейна с тревогой указывали на то, что в случае осуществления он фактически зачеркнет палестинскую проблему и вообще снимет вопрос о независимом государственном существовании арабского народа Палестины. Каирская печать, в частности, отмечала, что "намерение короля Хусейна создать федеральное государство, включив в его состав палестинскую территорию, грозит выхолащиванием подлинного смысла палестинской проблемы". В интервью каирскому радио Я.Арафат предупредил, что "любой, согласившийся с этим планом, будет рассматриваться как предатель палестинской революции и не избежит справедливого возмездия".

Наконец, многие политические наблюдатели в арабском мире указывали на то, что план Хусейна откроет еще большие возможности для проникновения империалистического влияния на Арабский Восток, что он нанесет удар по стремлению к созданию единого фронта арабских стран, противостоящих Израилю.

Наиболее полно критические замечания в адрес плана Хусейна были изложены в специальном заявлении президентского совета Федерации арабских республик (ОАР, Сирия, Ливия), где говорилось:

"1. План, выдвинутый королем Хусейном, представляет собой практическую основу для действий империализма и сионизма и достижения их целей, направленных на ликвидацию палестинской проблемы, раскол арабского отечества и открытие каналов для империалистско-сионистского проникновения с целью возрождения господства империализма над всем районом.

2. Этот план решает судьбу палестинского арабского народа за него, в его отсутствие и даже в отрыве от всей арабской нации.

3. Этот план является новой формулой проекта создания Государства Палестина, стремящегося полностью ликвидировать палестинскую проблему через создание палестинского государственного образования в районе, усиления политического и экономического влияния Израиля перед лицом движения палестинского и арабского народов и его организаций и институтов, борющихся за освобождение своей земли.

4. Этот план рассчитан на то, чтобы нанести удар по общенациональному характеру проблемы путем отхода арабского освободительного движения от его национального курса, превращения палестинской проблемы и вытекающей из нее оккупации других арабских территорий после агрессии 1967 г. в простой пограничный конфликт регионального масштаба.

5. США - со своей историей ведения заговоров против арабской нации, со всей военной, политической и экономической помощью, оказываемой агрессивным сионистским силам, и со всеми средствами обмана и лжи - стоят за этим планом, чтобы усилить раскол наших сил, помешать каждому усилию, направленному на выработку единой арабской позиции против агрессии.

6. Этот план защищает регионализм, углубляет пропасть между представителями одной нации, разделенными на палестинцев и иорданцев, возникшую в результате сентябрьской резни, препятствует попыткам арабов найти формулу для возвращения палестинских борцов на свои базы, с тем чтобы они могли осуществить свое законное право сыграть свою роль в битве за освобождение.

... Президентский совет Федерации арабских республик заявляет о том, что он решительно отвергает этот план...".

Несмотря на многочисленные резко критические высказывания в адрес плана со стороны большинства арабских стран (кроме Судана), король Хусейн в одном из интервью весной 1972 г. сказал, что он не намерен отказываться от своей идеи создания ОАК. Он отметил, что "арабский мир впервые выступил автором проекта, который создан в результате детального изучения реального положения и который удовлетворяет большинство иорданцев, палестинцев и передовых людей арабского мира".

Реакция в Израиле на план Хусейна не была однозначно отрицательной. Голда Меир - тогдашний премьер-министр - в своей речи в кнессете 16 марте 1972 г. сделала основной упор

на то, что в речи короля "не была проявлена готовность к переговорам" с Израилем, что речь якобы "способна вызвать только возбуждение экстремистских элементов, ставящих своей целью ведение войны против Израиля". Такая во многом неожиданная оценка была вызвана, судя по всему, нежеланием г-жи Меир ставить под сомнение правомерность удержания за Израилем оккупированных в 1967 г. арабских территорий, в том числе Западного берега, о котором неоднократно упоминал в своем выступлении 15 марта 1972 г. Хусейн. Отбросив всякую дипломатию, Голда Меир в той же речи прямо заявила: "Король рассматривает как свою собственность территории, которые не находятся под его контролем. Только с целью камуфляжа Хусейн представил свой план как внутреннее дело Иордании. В действительности этот план затрагивает жизненные интересы Израиля. Со стороны Иордании было бы страшной ошибкой разжигать страсти палестинских экстремистов. А план, объявленный королем Хусейном, не может служить основой для соглашения с Израилем. Те, кто пытается создать ложное впечатление, что этот план был согласован с нами или предварительно обсуждался с нами, просто смешны". В том же духе были выдержаны и резолюции кнессета.

Однако некоторые весьма авторитетные израильские политические деятели увидели в плане короля Хусейна нечто большее, чем просто стремление навсегда закрепить за Иорданией Западный берег р. Иордан. Такие политики, как И.Аллон, нашли план короля вполне подходящим решением палестинской проблемы, поскольку двуединое иордано-палестинское государство под верховенством иорданского монарха, естественно, устраивает Израиль куда больше, чем чисто палестинское государство на Западном берегу. Именно поэтому, сделав ряд оговорок по поводу возможных границ Палестинского района будущего Объединенного арабского королевства и Иерусалима как столицы этого района, И.Аллон подтвердил, что предложение короля Хусейна вовсе не обязательно противоречит его собственным взглядам на урегулирование арабо-израильского конфликта.

Одновременно, прежде всего в США, появлялись планы урегулирования, составленные представителями общественных, научных кругов. Определенный интерес вызвала книга профессора Гарвардского университета Р.Фишера, носившая весьма симптоматичный заголовок: "Уважаемые израильтяне, уважаемые арабы. Деловой подход к миру". Фишер неоднократно привлекался Киссинджером к разработке целого ряда аспектов ближневосточной политики США, его оценки ближневосточного конфликта были не умозрительными, они основывались на глубо-

ких и достаточно конкретных знаниях проблемы. В предисловии известный американский юрист-международник Филипп Джессеп указывал, что книга Фишера "необычна". Это - книга "советника по вопросам бракосочетания двух неженатых, даже антагонистичных государств, причем этот советник указывает как на ошибки той и другой стороны, так и на возможные их позитивные инициативы". Фишер, по словам Джессепа, выступает в качестве полностью незаинтересованного лица, а не как чей-либо сторонник; он якобы показывает и доказывает в своей книге, что основная задача мирового сообщества заключается "не в том, чтобы говорить о конфликте, а в том, чтобы им вплотную заниматься".

Р.Фишер указывает, что оценки причин арабо-израильского конфликта, составляющих его компонентов подчас весьма противоречивы и субъективны. Вместе с тем, анализируя позиции стран - участниц конфликта и великих держав, автор приходит к выводу, что существует некий "пакет" ближневосточных проблем, охватывающих все аспекты вопроса и нуждающихся в согласованном между всеми сторонами разрешении. Вот какие моменты, по мнению Р.Фишера, должны входить в этот "пакет":

"1. Соглашение между Египтом и Израилем об определении их окончательных границ на Синае.

2. Израильско-египетское соглашение определяет размер демилитаризованных зон вдоль их границ, а также какие участки территории не должны входить в эти зоны, какой международный и иной персонал будет проводить наблюдение за статусом зон, как будут решаться при этом спорные вопросы, где и когда соответствующие положения войдут в силу, как они будут осуществляться, когда истечет их срок.

3. Если будет привлечен иностранный персонал, нужны согласованный текст Резолюции Совета Безопасности, а также соглашения с различными правительствами, которые предоставит персонал, необходимые средства и все, что потребуется.

4. Соглашение между Израилем и Египтом относительно прав израильских судов и судоходства в Суэцком канале.

5. Соглашение между четырьмя государствами, имеющими выход на Акабский залив (Израиль, Иордания, Саудовская Аравия и Египет), определяющее права судов в заливе и самолетов в воздушном пространстве над ним, процедуры разрешения споров, процедуры для проведения в жизнь, осуществления и пересмотра указанного соглашения,

6. Соглашение с государствами-гарантами или согласованный текст Резолюции Совета Безопасности, содержащий положения, касающиеся судоходства по Акабскому заливу.

7. Соглашение между Иорданией и представителями палестинского народа о согласии на суверенитет Иордании на Западный берег р. Иордан и обеспечивающее их права в рамках Иордании.

8. Соглашение между Израилем и Иорданией о границах сектора Газы, определяющее и регулирующее свободу доступа (передвижения) между Газой и Западным берегом (имеется в виду через территорию Израиля).

9. Соглашение между Иорданией и палестинскими представителями в Газе, регулирующее взаимоотношения между Газой и Иорданией.

10. Соглашение между Иорданией и Израилем, определяющее границы между ними.

11. Соглашение между Израилем и Иорданией, определяющее размер демилитаризованных зон вдоль их границ, какие участки территории не должны входить в эти зоны, какой международный и иной персонал будет проводить наблюдение за статусом зон, как будут решаться при этом спорные вопросы, где и когда соответствующие положения войдут в силу, как они будут осуществляться, когда истечет их срок.

12. Соглашение между Израилем и Иорданией, определяющее границы Иерусалима, наличие израильских и арабских районов в нем, международные соглашения относительно этих районов. Подобное соглашение должно включать:

а) документ, определяющий политическое лицо арабского района в Иерусалиме, уточняющий объем его юрисдикции, правила и положения, действующие в нем;

б) документ, определяющий политическое лицо израильского района в Иерусалиме, уточняющий объем его юрисдикции, правила и положения, действующие в нем;

в) документ, определяющий политическое лицо объединенного Иерусалима, включающего оба района, а также правила и положения, действующие для всего города;

г) документ, определяющий границы "святых мест" в Иерусалиме, правила и другие положения, касающиеся их, включая вопросы доступа к этим местам, их охраны, властей, могущих изменить их статус;

д) согласованный текст законодательных или конституционных положений, которые должны быть приняты Израилем в отношении Иерусалима;

е) согласованный текст законодательных или конституционных положений, которые должны быть приняты Иорданией в отношении Иерусалима;

к) согласованный текст Резолюции Генеральной Ассамблеи

или Совета Безопасности, подтверждающей и одобряющей соглашения в отношении Иерусалима.

13. Соглашение между Израилем и Иорданией, определяющее вопросы экономики и таможенных процедур, имея в виду торговлю с Иерусалимом.

14. Соглашение между Израилем и Сирией, определяющее границы между ними.

15. Соглашение между Израилем и Сирией определяет статус района Голанских высот, а также какие участки территории не должны входить в демилитаризованные зоны, какой международный и иной персонал будет проводить наблюдение за статусом зон, как будут решаться при этом спорные вопросы, где и когда соответствующие положения войдут в силу, как они будут осуществляться, когда истечет их срок.

16. Если будет привлечен иностранный персонал в район Голанских высот, нужны согласованный текст Резолюции Совета Безопасности, соглашения с различными правительствами, которые предоставят персонал, необходимые средства и т.д.

17. Соглашение между Израилем и Ливаном, подтверждающее прохождение границы между ними, снимающее взаимные требования при уважении всех других вопросов, по которым между ними достигнуто соглашение.

18. Израильское законодательство, определяющее права палестинцев, проживавших в 1948 г. в той части Палестины, которая стала Израилем, и тех, кто покинул эти районы в 1948 г. и позднее, при уважении права возвратиться в Израиль и не возвратиться, но получить компенсацию; законодательство, определяющее процедуру предъявления взаимных требований.

19. Соглашение между Израилем и международным банком (каким, автор не уточняет) о создании фонда международного развития, который должен использоваться для создания новых городов, разработки проектов экономического развития, предоставления займов тем палестинцам, которые в силу тех или иных причин не намерены селиться в Израиле.

20. Соглашение между международным банком и государствами, согласными участвовать в создании международного фонда развития для палестинцев.

21. Соглашение между Израилем и руководителями палестинских организаций, подтверждающее статус и границы Израиля, финансовые и иммиграционные меры израильского руководства, содержащее отказ от требований или претензий к Израилю, в том числе и таких, которые могли бы возникнуть в связи с новыми соглашениями.

22. Соглашение между Израилем, Ливаном, Сирией и Иорданией об использовании вод р. Иордан и ее притоков.

23. Соглашение между Египтом и Израилем, регулирующее претензии евреев, которые выехали из Египта в Израиль.

24. Соглашение между Сирией и Израилем, регулирующее претензии евреев, которые выехали из Сирии в Израиль.

25. Соглашение между Иорданией и Израилем, регулирующее претензии евреев, которые выехали из Иордании в Израиль.

26. Соглашение между Израилем и Ираком, регулирующее претензии евреев, которые выехали из Ирака в Израиль.

27. Соглашение между Израилем и всеми арабскими государствами, участвующими в арабском бойкоте компаний, торгующих с Израилем, официально признающее существование Израиля, призывающее эти государства жить в мире с Израилем и формально прекращающее бойкот".

Во всех 27 пунктах не говорится о том, где должны проходить будущие арабо-израильские границы, как должен быть осуществлен вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий. Значит, можно предположить, что Р.Фишер априорно исходил из необходимости достижения соглашений между Израилем и каждой из арабских стран, вовлеченных в конфликт, по всему комплексу их отношений порознь и до решения вопроса о выводе войск. Другими словами, он заранее отбрасывал как неприемлемую идею международной конференции по Ближнему Востоку, считая, что Израиль вправе добиться от арабских стран подписания мирных соглашений в ходе двусторонних прямых переговоров.

Еще четче проявляется политическая позиция автора при подходе к палестинской проблеме. Из 27 только 6 пунктов в какой-то мере касаются этой проблемы.

В цитированных выше соображениях Р.Фишера в связи с палестинскими делами ни слова не сказано о возможности создания самостоятельного палестинского государства, а все сводится к решению палестинской проблемы в рамках иорданского государства - к проблеме возвращения палестинцев к родным очагам или их расселения с компенсацией.

Заранее соглашаясь с израильским законодательством в том, что касается статуса палестинских арабов, автор практически закрывал глаза на аномалии этого законодательства по отношению к арабам, проживающим в Израиле, и тем более к арабам на оккупированных территориях.

Р.Фишер пытался смоделировать отношение каждой из стран, непосредственно вовлеченных в конфликт, к отдельным его аспектам, в том числе и к палестинскому. Посмотрим, в какой

мере это у него получилось.

В "египетской модели" подхода к палестинской проблеме содержался в целом правильный тезис о том, что палестинский аспект является важной стороной межарабской политики Египта. Но из этого тезиса делается вывод, что в интересах Египта заставить палестинцев уяснить себе египетскую точку зрении, согласно которой "решение палестинской проблемы... связано с тем, чтобы помочь палестинцам взять на себя ответственность за участие в решении их собственного будущего". В этой довольно расплывчатой формуле, внешне, казалось бы, безобидной, было одно место, которое раскрывало позицию Р.Фишера. Он говорил об "участии" палестинцев в тех решениях, которые должны определить их судьбу, отказывая им самим в праве разрабатывать и принимать подобные решения. Кроме того, в том же разделе он утверждал, что палестинцы стремятся к изменению характера Израиля как чисто еврейского государства и что возможным методом такого изменения они считают войну. Сказано откровенно бездоказательно. А что автор предлагал палестинцам в этой "египетской модели" подхода к решению палестинской проблемы? Конечно, только переговоры с израильтянами. "Так или иначе, - утверждал Р.Фишер, - Египет найдет возможность продемонстрировать, что любой палестинец, который намерен с позиций реализма иметь дело с Израилем или с будущим палестинцев, не будет за это подвергаться критике Каиром".

В "израильской модели" Р.Фишер справедливо указывал, что перерастание палестинской проблемы узких рамок проблемы беженцев ведет к тому, что Израилю придется самым серьезным образом считаться с этой проблемой и, учитывая сложность положения на Ближнем Востоке, стремиться к тому, чтобы палестинские арабы получили от Израиля согласие на удовлетворение их требований и обеспечение их прав. "Понимание чувств палестинцев предпочтительнее, чем их отрицание, и только такой подход поможет Израилю превратить палестинских арабов в хороших соседей и добрых граждан". По мнению Фишера, палестинская проблема для Израиля распадается на три части:

- гуманный аспект (в собственных интересах Израиля, подчеркивал автор, видеть палестинцев не в лагерях для беженцев);
- политическая сторона, заключающаяся, по мнению автора, в необходимости изыскания возможностей возвращения палестинских арабов к родным очагам;
- необходимость "участия палестинцев... в выработке их мирного будущего вместе с Израилем".

Р.Фишер признавал, что палестинские арабы вряд ли согласятся с той мизерной квотой возвращения, на которую сможет пойти Израиль, однако сколько-нибудь радикального решения проблемы по существу не предлагал, ограничиваясь упоминанием о желательности максимально возможного абсорбирования палестинцев на Западном берегу. При этом автор отмечает важность обращения Израиля к международному сообществу государств за финансовой и, может быть, административной помощью, которая, вероятно, понадобится при решении проблемы расселения палестинских беженцев. Важным было указание автора, что Израилю рано или поздно придется иметь дело непосредственно с палестинцами и, даже ставя вопрос о необходимости признания палестинским руководством Резолюции 242 Совета Безопасности ООН, где говорится о "справедливом решении проблемы беженцев", Израиль не должен противодействовать значительно более широкому подключению палестинцев к проблеме урегулирования. Однако о возможных формах такого подключения Фишер ничего не говорил. Моделируя "палестинский подход" к решению палестинской проблемы, Р.Фишер делал упор на нереалистичности идеи о замене израильского государства палестинским. Возможности добиться этого военным путем "сегодня имеют меньше шансов на успех, как и через год и через сто лет". Автор настаивал на необходимости для палестинцев согласиться с существованием Израиля и вступить в переговоры с его руководством, отказавшись от акций военного характера, что должно повысить заинтересованность Израиля в достижении прогресса в деле решения палестинского вопроса на компромиссной основе

Признавая трудности в достижении единства действий всех палестинских организаций, Р.Фишер считал необходимым, чтобы палестинцы сосредоточили свое внимание на достижении неких промежуточных целей, реальных в практическом плане. К числу таких целей он отнес создание представительства ООП в Нью-Йорке, обеспечение палестинского представительства в миссии Иордании при ООН, назначение специального представителя Совета Безопасности по палестинским делам, работу по созданию коалиционного иордано-палестинского правительства в Иордании, формирование временного палестинского правительства и, наконец, проведение прямых переговоров с Израилем. Перечисляя промежуточные цели, достижение которых может быть поставлено в качестве одной из ближайших задач палестинцев, Р.Фишер указал и на борьбу за уважение гражданских прав палестинцев в условиях израильской оккупации.

В "иорданской модели" подхода к палестинской проблеме Фишер делал главный упор на необходимость более глубокого

и далеко идущего включения палестинцев в политическую и экономическую жизнь Иордании.

Не составляет трудности доказательство известной односторонности соображений, высказанных Фишером. Но не в этом дело. Значительно важнее, что мысли и идеи автора, высказанные еще в 1972 г., в известной степени опередили время. Это подтверждает реалистический характер прогностических высказываний Р.Фишера, делает их интересными и в наши дни. Следует отметить, что в ходе арабо-израильских контактов по вопросам урегулирования, которые ведутся в настоящее время, некоторые идеи из книги Фишера вполне заслуживают того, чтобы быть "эксгумированными".

Достаточно любопытным был другой документ, подготовленный профессором Нью-Йоркского университета Готлибом незадолго до Октябрьской (1973) арабо-израильской войны. Его официальное название "Схемы урегулирования конфликта: конфликт на Ближнем Востоке. Палестинский вопрос. Израиль и Иордания". Автор подчеркивал в начале своей работы, что "примирение между арабами и евреями в Палестине требует, чтобы были предусмотрены мир и справедливость, основанные на справедливом решении проблемы беженцев, уважении прав всех арабских и еврейских жителей Палестины в целом и взаимном признании и подтверждении прав еврейского и арабского народов Палестины на самоопределение, свободное от угрозы силой, захвата территории и изгнания".

Примирение, предусматривающее установление справедливого и длительного мира, не может быть навязано силой или путем угрозы силой, а любые задержки в деле установления справедливого и длительного мира способствуют возникновению угрозы миру и нарушениям мира в данном районе.

Прогресс на пути к достижению справедливого и длительного мира может быть, по мнению профессора Готлиба, обеспечен с помощью усилий по перестройке существующих структур и нормализации отношений между еврейским и арабским народами Палестины на основе следующих принципов:

"1. Объединение всей Палестины (Фаластын и Эрец Израэль) на обоих берегах р. Иордан в одно государство в рамках, определенных мандатом Лиги наций.

2. Район Палестины к западу от р. Иордан является национальным очагом двух народов: арабского и еврейского.

3. Согласно нормам международного права, в рамках одной страны возможно создание двух суверенных и равноправных государств.

4. Арабский народ Палестины определяет природу и характер арабского государства или государств в тех частях Палестины на Западном берегу, в секторе Газы и в Трансиордании, которые не являются частью Государства Израиль.

5. Стороны, вовлеченные в палестинский конфликт, признают создание юридически суверенного образования, являющегося субъектом международного права и основанного на использовании арабским и еврейским народами Палестины права на самоопределение под названием Содружество наций Палестины (Палестина), состоящего из суверенных и равноправных государств: Иордании и (или) Палестинского арабского государства, а также Государства Израиль. Содружество наций Палестины, Иордании и (или) Палестинского арабского государства, а также Государства Израиль одновременно являются членами Организации Объединенных Наций.

6. Ничто в настоящем соглашении не препятствует образованию независимого Палестинского арабского государства в качестве дополнительного арабского государства в Палестине, которому будет предоставлено членство в ООН, или созданию других форм ассоциации между Западным берегом и Иорданией.

7. Национальный и этнический характер государств, которые войдут в состав Содружества, уважается и обеспечивается соответствующими законодательными актами, которые будут приняты в обеспечение желания жить раздельно и без вмешательства извне, высказанного этими национальными и этническими общинами.

8. Вопрос о полноте власти, юрисдикции и полномочиях правительства Содружества нации Палестины, равно как и взаимоприемлемые действия в экономической области, обсуждается и решается правительствами входящих в него государств в соответствии с принципами, изложенными в предыдущем параграфе.

9. Справедливое решение проблемы беженцев, вопрос о безопасных и признанных границах государств, входящих в Содружество в районе Западного берега и сектора Газы, равно как и вопрос о статусе города Иерусалима, будут определены другими соглашениями на основе готовности сторон добросовестно выполнять все положения Резолюции 242 Совета Безопасности, базируясь на указанных принципах.

10. Любой палестинский араб или еврей, в каком бы месте Содружества наций Палестины к западу от р. Иордан он ни поселился, находится у себя на родине. За каждым государством, входящим в состав Содружества, сохраняется право решать вопросы, связанные с местом жительства, на основе соб-

ственного законодательства и изложенных принципов, беспристрастно и в целях справедливого решения проблемы беженцев.

11. Граждане отдельных государств, входящих в состав Содружества, живущие в соответствующих государствах не менее семи лет, могут одновременно являться гражданами Содружества наций Палестины (наподобие того, как граждане Канады и Новой Зеландии являются также и британскими подданными). Еврейское и арабское население Палестины свободно в выборе гражданства среди государств, входящих в состав Содружества, и сохраняет при этом паспорт Содружества наций Палестины.

12. Ни один из арабских или еврейских граждан Палестины не имеет статуса иностранца в любом из государств, входящих в состав Содружества к западу от р. Иордан, где он временно проживает, независимо от его гражданства. Подобные лица, постоянно проживающие на территории государств, входящих в состав Содружества, пользуются равными правами с гражданами этих государств.

13. Меры по обеспечению безопасности территорий, с которых в безопасные и признанные границы отводятся израильские вооруженные силы, принимаются комиссиями по обеспечению безопасности с участием самостоятельных частей Содружества в соответствии с отдельными соглашениями".

Прямо скажем, своеобразная концепция. Но стоит отметить и другое: идея Содружества наций Палестины очень уж напоминала израильский план экономической унии Израиля с Западным берегом и Газой. Здесь эта идея трактовалась расширительно: речь шла о возможности включения в ее состав также и Иордании.

Далее автор останавливался на необходимости введения в действие системы специальных гарантий Совета Безопасности, которые могли бы способствовать облегчению проведения некоторых мер в период, предшествующий установлению справедливого и длительного мира. Нам нет нужды подробно разбирать все стороны этого вопроса, но один момент сразу же обращает на себя внимание: американский автор вполне сознательно шел на исключение представителей палестинцев из числа практических организаторов и исполнителей тех мер, которые он предлагал разработать и поручить исключительно представителям Иордании и Израиля.

Видимо, почувствовав известную фальшь в своих рассуждениях, Готлиб предлагал читателю специальный раздел "Участие палестинских арабов в переговорах о будущем Па-

лестины". Однако в этом разделе, во-первых, содержалось противопоставление представителям палестинских организаций представителей палестинцев Западного берега, а во-вторых, палестинцам предлагалось включить своих представителей в состав иорданской делегации на будущих многосторонних арабо-израильских переговорах на международной конференции, но автор отказывал им в праве формировать самостоятельную делегацию.

"Своеобразие" подхода профессора Готлиба проявилось и в целом ряде других аспектов его документа. Так, в разделе "Предварительные принципы справедливого решения проблемы беженцев" он ставил на одну доску проблему арабских палестинских беженцев и проблему тех граждан еврейской национальности, которые после 1948 г. выехали из арабских стран в Израиль.

Указывая, что "круг жизненных интересов" Израиля и палестинцев подчас не только соприкасается, но и может входить в отдельных случаях в непримиримое противоречие, Готлиб предлагал включить в "Круг жизненных интересов" Израиля следующие вопросы:

"1. Соглашение о безопасности, предотвращающее использование территорий Западного берега в Палестине и вблизи от израильских поселений враждебными арабскими силами с противоположного берега р. Иордан и партизанами, угрожавшими безопасности Израиля в границах, существовавших до войны 1967 г., безопасности линии коммуникаций, водных и других необходимых ресурсов.

2. Действенные меры безопасности, не подверженные:

а) политическим изменениям и внутреннему давлению, оказываемому в арабском мире;

б) политическим изменениям и внутреннему давлению в ООН;

в) изменениям в политике великих держав;

г) нарушениям обещаний; твердое обеспечение мероприятий должно быть такого характера, чтобы в случае нарушений Израиль смог и сам их изменить, не полагаясь на другие державы или ООН.

3. Политическое урегулирование, гарантирующее существующий этнический характер Государства Израиль.

4. Политическое урегулирование, сохраняющее единство Иерусалима и гарантирующее всем доступ к "святым местам" их религий и признающее Иерусалим столицей Израиля.

5. Политическое урегулирование для Палестины, которое было бы приемлемо для всех элементов и организаций, спо-

собных создать угрозу миру и безопасности в районе.

6. Политическое урегулирование, содержащее все основные вопросы, не оставляющее нерешенной ни одной главной проблемы, которая могла бы угрожать развитию мирных отношений между всеми государствами и народами района и препятствовала бы экономическим или социальным сношениям сторон.

7. Недопустимость отвода войск до осуществления действенных мер безопасности и принятия на себя обязывающего договорного согласия на безопасные и признанные границы в мирных соглашениях, которые будут заключены.

8. Территориальное урегулирование, изменяющее стратегическое и прочие ненормальности, сохранившиеся на линиях перемирия 1949 г. с Иорданией.

9. Политическое урегулирование, подтверждающее недопустимость вмешательства в дела, подпадающие под внутреннюю юрисдикцию Израиля, такие как вопрос иммиграции и гражданства.

10. Сохранение Израилем довоенного (до войны 1967 г.) территориального и политического статус-кво как "план-минимум".

11. Политическое урегулирование, торжественно признающее право Израиля на национальное существование в рамках безопасных и признанных границ".

Целый ряд пунктов этого "круга жизненных интересов" Израиля не мог не вызвать возражений. Например, предложение о сохранении "единства" Иерусалима и признание его столицей Израиля (п.4) нельзя рассматривать как вариант для обсуждения в силу его откровенно произраильской сущности.

Не говоря о других пунктах намеченного Готлибом "круга жизненных интересов" Израиля в палестинском вопросе, укажем на принимаемый им официальный израильский тезис о возможности отвода израильских войск только на согласованные границы, причем это согласование должно проходить в условиях сохранения оккупации Израилем основных арабских территорий. Об этом (правда, в других, более "деликатных" выражениях) сказано в п.7. Наконец, Готлиб прямо санкционировал возможность израильских территориальных приращений, когда утверждал, что отход Израиля с оккупированных территорий - это всего лишь его "план-минимум" (п.10).

В отношении палестинцев "круг их жизненных интересов", в том что касается решений палестинской проблемы, Готлиб ограничивал следующими вопросами:

"1. Признание права арабского народа Палестины на национальное существование в Палестине.

2. Уход Израиля с территорий, оккупированных в 1967 г.

3. Справедливое решение проблемы беженцев на основе Резолюции ООН (что нельзя смешивать с правом палестинского арабского народа на свое национальное существование).

4. Признание личных прав всех палестинских арабов во всем палестинском отечестве на осуществление их политических, гражданских, экономических и социальных прав.

5. Признание права арабских жителей Западного берега определить свои будущие отношении с Иорданским Королевством и другими арабскими государствами.

6. Меры безопасности против территориальной экспансии Израиля.

7. Политические меры, защищающие арабский народ Палестины от подчинения его экономическому и культурному господству Государства Израиль.

8. Восстановление прав арабов в Иерусалиме и арабского контроля над "святыми местами".

9. Поддержание чести и достоинства арабского народа Палестины.

10. Политическое урегулирование, подтверждающее недопустимость вмешательства в дела, находящиеся под местной юрисдикцией палестинского арабского государства".

Профессор Готлиб считает, что поиски решения палестинской проблемы должны вестись примерно в следующем круге вопросов:

"а) меры безопасности, позволяющие или дающие возможность арабским вооруженным силам или партизанам вступить на эвакуированные территории к западу от Иордана и действовать с них;

б) меры безопасности, зависящие от доброй воли или стабильности заинтересованных сторон;

в) политическое урегулирование, включающее учреждение федерального или двунационального государства, либо государства многих религий или многих рас по типу Северной Ирландии, Канады, Бельгии, Индии, Кипра, Нигерии или центрально-африканских образцов;

г) политическое урегулирование, угрожающее существующему национальному или этническому характеру арабского или еврейского государства, предусматривающее передвижение больших масс населения через государственные границы;

д) аннексия Израилем территорий, оккупированных в

1967 г.;

е) раздел города Иерусалима или его односторонняя аннексия одной из сторон".

Заслуживают несомненного признания попытки автора в общих чертах наметить круг вопросов, которые должны быть рассмотрены и разрешены теми, кто намерен серьезно заниматься поисками справедливого урегулирования палестинской проблемы.

Вот еще один документ, автором которого является гражданин Израиля Эмнон Рафаэль, - так называемые предложения по мирному урегулированию на Ближнем Востоке, опубликованные в 1972 г. в журнале "Орбис". Эти предложения (при всех их весьма многочисленных недостатках) заслуживают разбора потому, что они изложены в виде юридически оформленного документа, являются попыткой разработать проект мирного договора между конфликтующими сторонами. Основной, принципиальный недостаток исследования Рафаэля заключается в сведении существа палестинской проблемы исключительно к вопросу о судьбе беженцев и отсутствии даже малейшего упоминания о необходимости какого-то государственно-правового институирования палестинцев.

Рассмотрим более подробно предлагаемые автором положения будущего мирного договора.

После краткой преамбулы, содержащей ссылку на принципы, изложенные в Резолюции 242 Совета Безопасности, идет статья 1 "Отказ от угрозы силой и ее применения", где весьма подробно перечислены действия, от которых должны отказаться будущие участники договора в контексте мирных отношений между ними; характерно, что наиболее разработанной частью статьи 1 является раздел Р, где говорится, что государства - участники договора будут воздерживаться в отношениях между собой от "организации, поддержки, предоставления убежища, поощрения, помощи или проявления терпимости к вооруженным формированиям, группам или организациям на своей территории, которые вторгаются на территорию другой стороны - участницы настоящего договора или заявляют о намерении вторгнуться или совершить террористические или диверсионные акты на территории другой стороны - участницы настоящего договора; или отказа после получения официального заявления любой стороны - участницы настоящего договора предпринять все имеющиеся в ее власти меры по лишению подобных формирований, групп и организаций какой бы то ни было поддержки, помощи, покровительства, поощрений или убежища". Антипалестинский характер этого положения очевиден.

Статья 2 предлагаемого израильским автором проекта мирного договора носит название "Мирное решение споров". Рафаэль видит путь возможного выхода из сложных отношений, которые неизбежно сохраняются между сторонами в конфликте даже после заключения мирного договора между ними, в процедуре международного арбитража или в привлечении к разрешению споров с помощью "незаинтересованного арбитра, назначаемого председателем Международного суда после консультаций с участниками спора", причем автор считает, что решение указанного арбитра должно быть "окончательным и обязательным для сторон, участвующих в споре".

Статья 3, названная "Особый статус вооруженных сил", концентрирует внимание на необходимости сохранения так называемых израильских сил обороны "таким образом и в таком количестве, как будет решено правительством Государства Израиль", и не упоминает о возможных сроках и стадиях вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий.

Статья 4 "Передача гражданской власти" проводит идею о необходимости демилитаризации всех арабских территорий, оккупированных Израилем в 1967 г. Автор предполагает, что на Западном берегу р. Иордан может быть создано самостоятельное государство. Рафаэль стремится доказать необходимость сохранения израильских войск в этом районе "до тех пор, пока между всеми заинтересованными сторонами не будет достигнуто окончательное соглашение", и обосновать тезис о том, что "размеры и вооружение армии будущего палестинского государства должны быть минимальными, что они не должны иметь тяжелого вооружения и что Израиль имеет право ежегодной проверки оснащенности вооруженных сил нового государства". Разумеется, никакое суверенное государство никогда не согласится на какую-то форму проверки своих вооруженных сил, тем более недавним противником. Все эти и аналогичные рассуждения Рафаэля носили сугубо умозрительный характер, они были оторваны от жизни и построены на "зыбком песке" предположений и догадок, хотя автор в начале своей статьи оговаривается, что некоторые положения его проекта уже содержались в ряде документов, имеющих международный характер.

Статья 5 проекта Рафаэля называется "Статус района". Под этим своеобразным названием у автора фигурирует Западный берег р. Иордан. Он считает, что этот статус должен определиться в ходе плебисцита, проводимого "комиссией по

плебисциту" в составе представителей верховных судов Израиля, Иордании, Египта, Сирии, Ливана и шести членов Международного суда. Ограниченность политической концепции автора проявилась не только в определении им круга лиц, могущих принять участие в референдуме, но прежде всего в вопросах, которые автор предлагал вынести на референдум: возможность существования независимой палестинской государственности на Западном берегу или создание конфедерации этого района с Иорданией. Автор как о вполне само собой разумеющемся деле говорил о необходимости сохранения израильских вооруженных сил на этой территории.

В статье 6 "Статус города Иерусалима" предлагалось зафиксировать, что Иерусалим "становится столицей независимого государства или провинции, созданной в районе в зависимости от результатов плебисцита". По мысли автора, "суверенитет над городом Иерусалимом разделяют Государство Израиль и независимое государство, которое будет создано в районе, либо Государство Израиль и Конфедерация Иордании в зависимости от результатов плебисцита". Ответственность "за соблюдение гарантии свободного доступа для всех постоянных жителей города Иерусалима и для лиц, приезжающих в город ко всем святым, историческим и религиозным местам в пределах города Иерусалима" автор предлагал возложить на смешанный муниципалитет города, при этом Э.Рафаэль исходил из того, что смешанный муниципалитет Иерусалима будет действовать по израильским законам и обладать "полномочиями, которыми законодательство Государства Израиль наделяет муниципалитеты в самом Государстве Израиль".

Статья 7 проекта Рафаэля "Беженцы" содержала предложения о возможном расселении палестинских беженцев на территории Иордании и предоставлении компенсации за утерянное ими имущество в результате военных действий в Палестине. При этом автор имел в виду только первую арабо-израильскую войну. Что касается средств, из которых должна выплачиваться компенсация, то Рафаэль считал возможным создание для этой цели специального "фонда возвращения и расселения палестинских беженцев" с капиталом в 500 млн. долл., который мог бы быть создан взносами правительств Израиля и сопредельных с ним арабских стран. Ни слова не сказал автор о каких-либо государственно-правовых институтах для палестинцев, полностью отказывая им в праве на самостоятельную государственность.

Давняя мечта израильских политиков и экономистов о проникновении на арабские рынки нашла в лице Рафаэля убежденного сторонника и пропагандиста, что наглядно проявилось в статье 8 его проекта "Права граждан одной стороны настоящего договора на территории другой стороны". В соответствии с концепцией Рафаэля экономическая (а значит, и политическая) экспансия Израиля в соседние арабские страны должна быть облегчена изменением соответствующего законодательства. Один из подпунктов статьи 8 автор формулировал, основываясь на необходимости отмены арабского бойкота Израиля: "Стороны - участницы настоящего договора к дате вступления договора в силу настоящим обязуются отменить все законы, имеющие силу на их соответствующей территории, которые были приняты специально для ограничения въезда граждан одной стороны на территорию другой стороны, торговлю между гражданами одной стороны и другой стороны..." Вопросы развития сотрудничества между Израилем и сопредельными арабскими странами, включая установление дипломатических отношений между ними, Рафаэль разбирает в статьях 12 "Экономическое сотрудничество", 13 "Сотрудничество в области культуры и образования" и 14 "Дипломатические отношения".

Из других вопросов арабо-израильских отношений, затронутых в проекте Рафаэля, отметим предлагаемые автором планы сокращения вооруженных сил и вооружений Израиля и соседних арабских стран, а также "всеобъемлющий и откровенный обмен информацией о размерах вооружений, сухопутных, военно-морских и военно-воздушных средств.., состоянии таких отраслей промышленности, которые легко можно приспособить для военных целей".

Не соглашаясь с автором проекта договора в целом ряде пунктов, нельзя отрицать важности самой попытки Рафаэля задуматься над будущим арабо-израильских отношений. События, последовавшие после появления документа Рафаэля (он был опубликован весной 1972 г.), со всей силой подтвердили, что альтернативой каким-то формам сосуществования Израиля и его арабских соседей может быть только война.

Курс на политическое урегулирование ближневосточного конфликта в период между двумя арабо-израильскими войнами - 1967 г. и 1973 г. - завоевал новых сторонников, но императивом поведения для многих политических и государственных деятелей еще не стал, хотя опасная напряженность и постоянная нестабильность в ближневосточном регионе выглядели явным анахронизмом на фоне поворота к разрядке, характерного для международных отношений начала 70-х гг.

Военно-политические итоги октябрьской (1973) арабо-израильской войны явились отражением далеко не однозначных процессов в арабо-израильских отношениях, они навсегда ликвидировали ситуацию победителей и побежденных, к консервации которой стремилось израильское руководство. Октябрьская война создала реальные условия проведения курса на взаимные уступки, на достижение взаимоприемлемого компромисса, предпосылки для поисков гарантированного и прочного урегулирования на Ближнем Востоке, она явилась точкой отсчета для новых идей и предложений в отношении всего многоаспектного комплекса проблем ближневосточного урегулирования.

Именно после октябрьской войны реализм и жизненность планов урегулирования всей проблемы ближневосточного конфликта или отдельных ее компонентов проверялись наличием предложений по решению палестинской проблемы на путях осуществления на практике национальных прав палестинских арабов, включая право на самоопределение. Отныне от этого вопроса нельзя было просто отмахнуться, поскольку решение палестинской проблемы стало справедливо связываться с гарантией права Израиля на существование, права, в котором арабские страны фактически отказывали еврейскому государству ранее под различными надуманными предлогами. Перед всеми арабскими государствами встал вопрос о формах признания Израиля.

IV. Женевская мирная конференция 1973 г.; соглашения о разъединении войск

Одним из важнейших политических итогов октябрьской войны был созыв Женевской мирной конференции, проведенный во исполнение соответствующих резолюций Совета Безопасности, проекты которых вносились совместно СССР и США. Ожидалось, что в ходе конференции ее участники выступят с какими-то достаточно развернутыми соображениями и предложениями по урегулированию. Однако "скоротечность" конференции, низведение ее до заседаний египетско-израильской военной рабочей группы, что было сделано согласованными усилиями США, Израиля и Египта, дали возможность сторонам лишь изложить свои принципиальные позиции, заверить мировое общественное мнение в приверженности всех участников конференции к мирному решению ближневосточных конфликтных проблем... и вернуться к состоянию взаимной конфронтации.

Мирная конференция была заменена двусторонними египетско-израильскими переговорами при американском посредничестве о разъединении войск, "челночная дипломатия" доктора Киссинджера на какой-то период восторжествовала и заменила столь желательные и, как казалось в то время, вполне возможные согласованные международные усилия по разблокированию конфликтной ближневосточной ситуации. В январе 1974 г. было заключено первое египетско-израильское соглашение о разъединении войск из Синайском полуострове. Оно неоднократно было описано и часто цитировалось самыми различными авторами. Не считая возможным повторяться и исходя из того, что это соглашение практически никак не затронуло проблему ближневосточного урегулирования в целом, скажем лишь о двух его аспектах - чисто военном и военно-политическом.

В соответствии с положениями этого соглашения израильские войска выводились с западного берега Суэцкого канала и получали взамен значительно более удобные позиции на Синае.

Из многих тысяч египетских солдат, находившихся на восточном берегу канала на момент прекращения огня, соглашение оставляло только 7000 человек, а также 36 танков из той египетской танковой армады, которая была брошена на Синай в первые же дни октябрьской войны. Все египетские системы ПВО, находившиеся на восточном берегу канала, были выведены, а те, что находились на западном берегу - отодвинуты в глубь египетской территории. Таковы военные аспекты первого соглашения о разъединении египетских и израильских войск.

Политические аспекты соглашения были куда более впечатляющими: Египет оказался выведенным из состояния военной конфронтации с Израилем в то время, как сирийские Голанские высоты, сектор Газы, большая часть принадлежащего Египту Синая, восточная часть Иерусалима оставались под израильской оккупацией. Не было сделано никаких шагов в направлении решения палестинской проблемы.

И, наконец, главное - первое соглашение о разъединении войск было своеобразным рубежом, после которого стал заметно падать интерес мировой общественности к ближневосточным делам. Руководители многих не только западных, но даже неприсоединившихся стран сочли, что появление на Ближнем Востоке США в качестве неких "незаинтересованных посредников" снимает угрозу новой войны в этом районе и, следовательно, лишает актуальности всю проблему ближневосточного урегулирования.

Второе соглашение о разъединении войск Египта и Израиля от 4 сентября 1975 г. пошло еще дальше в плане отключения Египта от единого антиизраильского фронта арабских государств. Оно также явилось итогом очередного этапа "челночной дипломатии" тогдашнего государственного секретаря США Киссинджера.

Для придания необходимого декорума участниками переговоров было решено подписать второе "синайское" соглашение в Женеве и считать его как бы выработанным в рамках Женевской конференции. Это, конечно, не отвечало истине и поэтому неудивительно, что Советский Союз и Сирия не участвовали в церемонии подписания соглашения в Женеве, справедливо полагая, что это ни что иное как попытка прикрыть очередную сепаратную договоренность авторитетом конференции, сделать ее более приемлемым для арабского и мирового общественного мнения. Стало известно, что Египет и Израиль при американском посредничестве достигли и кое-каких секретных договоренностей. Подобного рода договоренности были достигнуты также между Израилем и США.

Статья I второго соглашения о разъединении войск представляла собой важное политическое заявление декларативного характера двух правительств - Египта и Израиля: "Конфликт между ними и на Ближнем Востоке будет урегулирован не с помощью военной силы, а мирными средствами". Такое миролюбивое заявление об отказе от применения военной силы можно было бы только приветствовать, если бы Египет и Израиль были равны в том, что касается их взаимных военных претензий. В принципе, принятие сторонами в недавнем конфликте на себя обязательств не прибегать к военной силе вполне логично, если у сторон в момент подобного заявления нет спорных моментов. Бывает, что обе стороны продолжают находиться в конфликте, но уже согласны в том, как этот конфликт может быть разрешен к взаимному удовлетворению. В обеих случаях обязательство не прибегать к военной силе было бы оправданным. Но конфликт между Египтом и Израилем не подпадал ни под первый, ни под второй вариант, поскольку обе страны находились в совершенно различном положении с точки зрения их взаимных претензий. Израиль со своей стороны захватил силой оружия всегда принадлежавшую Египту территорию - Синайский полуостров. Поэтому претензии Египта на Синай - бесспорны, а Израиль удерживал исконную египетскую территорию силой, не заявляя о готовности ее вернуть законному владельцу даже в случае выполнения Египтом каких-либо предварительных условий.

Конечно, египетское руководство было вправе идти на ограничение своего суверенитета, делая официальное заявление об отказе от применения вооруженной силы для обеспечения законных прав своей страны. Но что получил Египет взамен? Израиль по соглашению также отказывался от использования военной силы для урегулирования своего конфликта с Египтом. Но ведь Израиль применял свою вооруженную силу для удержания египетской территории, а не для отстаивания своей собственной территориальной целостности.

Добровольный отказ Египта от применения военной силы без каких-либо обязательств Израиля вернуть все, что было захвачено им у Египта силой означало крупную политическую уступку Египта принципиального характера.

В общеарабском плане подобное заявление было расценено как отход Египта от совместной с другими арабскими странами борьбы за освобождение оккупированных территорий, поскольку в статье I соглашения говорится об отказе от применения военной силы на Ближнем Востоке. Строго говоря, такое заявление не могло считаться правомочным, поскольку Египет и Израиль никогда не составляли весь Ближний Восток и никакое

другое арабское государство, находящееся в состояний конфликта с Израилем, не уполномочивало египетское руководство брать на себя такое обязательство. Арабская общественность сделала правильный вывод: это обязательство Египта как ведущей военно-политической силы Арабского Востока означало выход Египта из числа государств, могущих в военном плане противостоять Израилю.

В этой же статье содержалось следующее явно неправомерное утверждение: "Соглашение, заключенное сторонами 18 января 1974 г. (т.е. первое соглашение о разъединении войск) в рамках Женевской мирной конференции, представляет собой первый шаг на пути к справедливому и прочному миру в соответствии с положениями Резолюции 338 Совета Безопасности от 22 октября 1973 г." Очевидно, что два участника Женевской конференции - Египет и Израиль - не могут выступать от имени других ее участников, т.е. Сирии, Иордании, СССР, США, не говоря уже о палестинцах.

Статья II соглашения содержала обязательство сторон не прибегать к угрозам силой или ее применению или к военной блокаде друг против друга. В принципе и это положение вполне допустимо с точки зрения международного права, если между сторонами нет никаких споров и существует состояние мира. Но в конкретных условиях того периода такая формулировка интерпретировалась как объявление Египта о прекращении состояния войны с Израилем без получения обратно не только удерживавшихся тогда Израилем египетских территорий, но даже без получения с израильской стороны обещаний об их полном возврате. Естественно, что израильская сторона "с легким сердцем" согласилась на эту формулировку.

Согласившись с положениями статьи III соглашения ("стороны будут и далее неукоснительно соблюдать прекращение огня на суше, на море и в воздухе и будут воздерживаться от всяких военных или аналогичных военным действий друг против друга"), Египет пошел на бессрочное и безусловное прекращение огня и состояния войны с Израилем в условиях, когда значительные арабские территории находились под израильской оккупацией.

Статья IV говорила о новом прохождении линий расположения основных воинских контингентов сторон, о расположении зон с ограниченными вооружениями и буферной зоны, где предполагалось размещение Чрезвычайных вооруженных сил ООН. Более детально эти вопросы рассматривались в специальном приложении к соглашению, из которого можно было сделать следующие выводы:

- для Египта ни в какой мере не расширялась зона его военного присутствия на его же суверенной территории - на Синайском полуострове. Израильские войска были отведены несколько дальше их расположения в момент заключения соглашения, но их передовые части оставались на расстоянии 30 - 50 км от Суэцкого канала. Была несколько расширена зона, где должны были находиться войска ООН. Расположение египетских передовых частей фиксировалось соглашением в 15 -18 км к востоку от канала, а главные силы располагались к западу от канала без права перехода через него;

- зона египетских войск с ограниченными вооружениями фиксировалась значительно более широкой, чем такая же зона для израильских войск. Главные силы египетских войск должны были находиться за каналом, а израильские располагались на расстоянии примерно 20 км от своих передовых постов всего 2-5 км;

- египетская сторона согласилась, чтобы на территории, охватывающей передаваемые Египту нефтяные промыслы на Синае, не было египетских вооруженных сил, а эти территории были бы со всех сторон окружены израильскими войсками;

- явно нежелательным и имеющим серьезные последствия прецедентом стало и затверженное соглашением американское военное присутствие на Синае, создание в районе перевалов Гидди и Митла станций раннего оповещения, обслуживаемых исключительно американским персоналом, который освобождался от местной (т.е. египетской) уголовной, гражданской, налоговой и таможенной юрисдикции.

Право отзыва американского военного персонала фиксировалось только за американской стороной. Формально было отмечено, что если обе стороны обратятся к США с просьбой об отзыве американского персонала, то США пойдет на удовлетворение этой просьбы. Но каждой отдельной стороне права отзыва американского персонала предоставлено не было.

Принципиальной уступкой Египта явилось его согласие на проведение американской стороной воздушной разведки над всей территорией Синая вплоть до Суэцкого канала, т.е. практически на американскую инспекцию своих вооруженных сил на своей суверенной территории. Что касается расположения главных израильских вооруженных сил, то США заявили, что не будут инспектировать с воздуха районы их расположения;

- в зоне с ограниченными вооружениями (на Синае) Египту было разрешено иметь всего 75 танков и 72 орудия дальнобойностью не свыше 12 км и всего 8000 военного персонала. Аналогичные по размерам силы разрешалось иметь Израилю, но,

во-первых, ширина израильской полосы с ограниченным вооружением была в два раза меньше, чем аналогичная египетская полоса; во-вторых, у израильтян эта полоса переходила сразу же в зону расположения главных сил. У египтян полоса с ограниченным вооружением отделялась от главных сил активно функционирующим Суэцким каналом;

- Египет согласился не устанавливать системы ПВО в пределах 10 км к западу от Суэцкого канала, оставив таким образом без противовоздушного прикрытия крупнейшие народнохозяйственные центры на канале - Суэц, Порт-Саид и Исмаилию. Аналогичная формулировка применительно к Израилю не равноценна, ведь у израильтян никогда не было жизненно важных центров на Синае и до границы самого Израиля расстояние оставалось весьма значительным.

Статья V соглашения отмечала, что ЧВС ООН "будут продолжать выполнение своих функций, а их мандат будет продлеваться ежегодно". Подобное положение тоже нельзя было признать правомерным, поскольку Египет и Израиль могли только выразить пожелание о возможности использования ЧВС ООН или соответствующим образом сформулировать свое обращение к Совету Безопасности. Соглашение не определяло конечный срок использования ЧВС ООН, указание на то, что их мандат будет ежегодно продлеваться, являлось также неправомерным, поскольку такого рода решения имеет право принимать только Совет Безопасности.

Согласившись на подобного рода формулировки, Египет отказался от важного рычага давления на Израиль в плане сроков продления мандата ЧВС ООН и в затруднительное положение поставил Сирию - своего недавнего союзника в октябрьской войне.

Статья VI создавала совместную египетско-израильскую комиссию "на срок действия" соглашения, что явилось шагом Египта на пути к признанию Израиля де-юре, признания, являвшегося нарушением всех общеарабских договоренностей на этот счет.

В статье VII содержалось согласие Египта на провоз по Суэцкому каналу невоенных грузов для Израиля или отправленных из Израиля. В соответствии с положениями Константинопольской конвенции 1888 г., которая регулирует правила международного судоходства по каналу, Египет имеет право запрещать провоз по каналу грузов стран, с которыми он находится в состоянии войны. Дав согласие на провоз израильских грузов по каналу, Египет де-факто заявил о прекращении состояния войны с Израилем.

Статьи VIII и IX говорили о временном характере соглашения, о том, что со временем оно будет заменено новым соглашением.

Если обобщить вышесказанное, то можно сделать следующие выводы:

- для Египта выгода второго "синайского" соглашения была в том, что Израиль согласился отодвинуть свои войска в глубь Синая и возвратить нефтепромыслы в Абу-Рудейсе, а также взял на себя обязательство не применять военную силу в отношениях с Египтом;

- для Израиля выгода соглашения состояла в том, что он не брал на себя обязательство освободить всю оккупируемую египетскую территорию, но получал официально зафиксированное обязательство Египта не применять вооруженную силу для решения конфликта с Израилем и всего ближневосточного конфликта вообще. Большое практическое значение имело для Израиля сохранение жестких ограничений военного присутствия Египта на небольшой полосе на Синае и даже к западу от Суэцкого канала (применительно к расположению систем ПВО). Явно к выгоде Израиля были положения соглашения о расположении на Синае систем раннего оповещения, укомплектованных американским персоналом, а также зафиксированная договоренность об американской инспекции с воздуха расположения египетских подразделений на Синае. Наконец, Израиль получил право, которого он добивался практически с момента своего создания, на провоз грузов по Суэцкому каналу как на судах третьих государств, так и на своих собственных судах.

Несложный анализ второго "синайского" соглашения показывает, это его фактически можно назвать односторонним соглашением, имевшим крен явно в пользу Израиля, если учесть также и то обстоятельство, что оно не только вывело Египет из единого противостоящего Израилю фронта арабских государств, но и породило серьезнейшие раздоры и разброд в арабском лагере, оставив в одиночестве Сирию и Иорданию и, естественно, палестинцев.

Помимо того, что Египет вышел из конфронтации с Израилем, в "актив" израильской политике следует отнести и то, что Тель-Авиву удалось получить от США - как следствие "вынужденного" согласия израильского руководства на столь выгодное ему соглашение - далеко идущие обязательства Вашингтона перед Израилем, зафиксированные в секретных соглашениях, часть из которых была опубликована в американской печати. Одно из главных обязательств американской стороны перед Израилем состояло в согласии поддерживать военную мощь на "должном" уровне путем поставок новейших самолетов F-16, ракет

дальнего действия "поверхность - поверхность" и т.п. Внешне это звучало в известной мере парадоксально - обвиняя Советский Союз в "накачивании" вооружением Египта и других арабских стран, заявляя о том, что подписанием второго "синайского" соглашения стороны сделали серьезный шаг к подлинному миру в регионе, США взяли на себя обязательство в новых, значительно более крупных по объему и качеству поставках вооружения израильской стороне. США обязались также гарантировать бесперебойное снабжение нефтью Израиля в качестве компенсации за возвращение нефтепромыслов Абу-Родейс (на Синае) египетской стороне. Американцы без труда получили согласие иранского шаха на регулярное снабжение Израиля дешевой и высококачественной иранской нефтью без ограничения сроков таких поставок.

В политической области США дали прямое обязательство Израилю не допускать ООП к участию в любых шагах, направленных на разрешение ближневосточного конфликта по крайней мере до того, как ООП согласится с необходимостью признания ею Израиля.

Обращала на себя внимание и готовность США, выраженная в одном из секретных соглашений с Израилем, действовать совместно с израильской стороной в случае появления угрозы Израилю со стороны... "другой великой державы".

Обратило на себя всеобщее внимание заявление американской стороны о том, что США считают "обязательства Египта в соответствии с египетско-израильским соглашением, его претворение в жизнь, законность и срок действия" не зависящими "ни от каких актов или обстоятельств, имеющих место между другими арабскими государствами и Израилем". В переводе на обычный язык данное положение означало, что Египет дал Соединенным Штатам обязательство не оглядываться в своих действиях на другие арабские страны, действовать исключительно сепаратным образом вне зависимости от состояния отношений Израиля с другими арабскими странами, даже если между ними вновь возникнет война.

В печати появился в то время и другой интересный документ-меморандум США и Израиля о Женевской конференции.

В статье 1 меморандума говорилось, что дата возобновления конференции "будет согласована между США и Израилем", т.е. возможные соображения других участников ими в расчет просто не принимались.

Статья 2 повторяла тезис о непризнании Соединенными Штатами ООП и фиксировала необходимость консультаций и согласования "своей позиции и стратегии" США и Израилем в том,

что касается линии обеих сторон по палестинскому вопросу в ходе Женевской конференции, если она будет возобновлена.

Статья 3 меморандума говорила о том, что США будут добиваться в ходе конференции, "чтобы все переговоры по важным вопросам велись на двусторонней основе".

В статье 4 было сказано, что США будут препятствовать, вплоть до применения права вето, обсуждению перспектив созыва международной конференции по Ближнему Востоку в рамках Совета Безопасности.

Согласно статьи 5 меморандума, США дали Израилю обязательство обеспечить, чтобы роль США и СССР на конференции "соответствовала тому, о чем была достигнута договоренность о взаимопонимании между правительством США и правительством Израиля от 20 декабря 1973 г." Этот пункт проливает, таким образом, свет на содержание американо-израильской конфиденциальной договоренности, достигнутой накануне открытия Женевской конференции, согласно которой Вашингтон, судя по всему, обязался приложить максимум усилий в целях "сдерживания" Советского Союза в вопросах урегулирования.

Статья 6 вновь возвращалась к идее согласования действий США и Израиля в случае возобновления Женевской конференции и подчеркивала, что установление мира на Ближнем Востоне должно быть достигнуто "путем переговоров между Израилем и соседними странами", т.е. на двусторонней основе.

Октябрьская арабо-израильская война 1973 г. вызвала к жизни забытый многими план Аллона, выдвинутый его автором - заместителем премьер-министра Израиля - еще в 1968 г. Однако тогда, после победоносного окончания "шестидневной войны" израильское руководство не сочло возможным позитивно отнестись к инициативе одного из членов правительства.

По сообщению французской печати, в соответствии с планом Аллона предусматривалось:

- провозглашение израильским правительством, что р. Иордан и середина Мертвого моря представляют собой границу Израиля с Трансиорданией;
- установление коридора безопасности шириной от 15 до 25 км вдоль всей р. Иордан и коридора, идущего от р. Иордан в районе Иерихона;
- установление на этих территориях около 20 пунктов, выбранных по соображениям безопасности Израиля, и населенных исключительно израильтянами;
- разработке общего плана для решений проблемы арабских беженцев;
- официальная аннексия сектора Газы;

- открытие переговоров с представителями палестинских арабов, имея в виду создание палестинского автономного района (на оккупированных Израилем палестинских территориях);

- физическое присутствие Израиля на севере Синая до эль-Ариша и на юге - до Шарм-аш-Шейха;

- предложение Иордании транзитного пути к израильским портам.

План Аллона в таком виде был направлен на то, чтобы както "узаконить" территориальные захваты 1967 г. После октябрьской войны, когда началась сначала закулисная, а потом достаточно открытая возня вокруг сепаратных египетско-израильских соглашений о разъединении войск, в своем прежнем виде план Аллона уже, естественно, "не срабатывал". Поэтому в октябре 1976 г. автор плана выступил с его модифицированным вариантом, учитывавшем произошедшие к тому времени изменения в египетско-израильских отношениях.

В основу измененного плана Аллона был положен тезис о том, что при любом варианте ближневосточного урегулирования границы Израиля должны быть "защитимыми". В статье, опубликованной в октябрьском номере (1976) американского журнала "Форейн афферз", Аллон выступил за "решение, основанное на честном политическом компромиссе", при котором "Израиль в контексте мирного урегулирования отказался бы от значительного большинства районов, которые оказались в его руках во время войны 1967 г." Аллон предложил некоторые конкретные изменения линий межгосударственного разграничения, существовавших накануне войны 1967 г. и установление "абсолютного израильского контроля над стратегической зоной.., лежащей между р. Иордан на востоке и восточными отрогами Самарийских и Иудейских гор, на западе... Площадь этой пустынной зоны составляет всего лишь около 700 кв.миль, и она почти лишена населения. Решение такого типа оставило бы почти все палестинское арабское население Западного берега под арабским управлением".

Модифицированный план предусматривал возвращение Газы некоему "иордано-палестинскому образованию", которое может возникнуть к востоку от Израиля, т.е. здесь была совершенно очевидной может быть в чем-то и случайная, но весьма симптоматическая "состыковка" плана Хусейна и плана Аллона. Иерусалим предлагалось оставить полностью под израильским суверенитетом, но разработать "специальный статус для представителей различных вероисповеданий в святых для них местах" "вечного" города.

В своей статье Аллон неоднократно возвращался к мысли о

том, что "защитимые границы жизненно важны для Израиля не из стремления к аннексии территорий как таковой, не из стремления к территориальной экспансии и не по каким-либо историческим или идеологическим мотивам". По мнению автора плана, "исправления границ, существенно важные для безопасности Израиля и для стабильности во всем районе, в течение длительного времени должны быть связаны с взаимно эффективными мерами безопасности, призванными предотвратить внезапное нападение одной стороны на другую или, по меньшей мере, свести до минимума опасность такого нападения"; кроме того, в качестве взаимной гарантии безопасности автором плана предлагалась демилитаризация целого ряда районов, из которых будут в ходе урегулирования выведены израильские войска.

Модифицированный план Аллона вызвал в Израиле резкую критику справа. Тогдашний лидер оппозиционного блока Ликуд, менее чем через год ставший главой израильского кабинета, М.Бегин потребовал отставки Аллона. Израильское правительство пошло на поводу у крайне правых, указав в специальном заявлении, что план Аллона отражает лишь позицию его автора, но не позицию израильского руководства в целом.

Однако при всех недостатках плана Аллона, который, в частности, обходил полным молчанием пути решения палестинской проблемы, следовало бы обратить внимание на три обстоятельства, связанные с его повторным выдвижением:

- указание автора плана на возможную готовность Израиля уйти почти со всех арабских территорий, удерживаемых после 1967 г., отражало точку зрения "голубей" из израильской Партии труда (к которым принадлежал и генерал Аллон), которые считали, что в наши дни территориальные захваты и приращения не только не могут обеспечить безопасность, но становятся серьезным препятствием на пути гарантирования и поддержания этой безопасности;

- высказанное Аллоном признание необходимости учета палестинского фактора, даже без какой-либо детализации этой мысли, было достаточно симптоматичным;

- публикация статьи Аллона прежде всего в американской прессе не только имела в виду снять наиболее резкую критику положений его плана внутри самого Израиля, но и должно было означать фактически наметившееся некое "наведение мостов" с американской администрацией в плане совместных американо-израильских поисков выхода из тупиковой ближневосточной ситуации.

Кроме того, как писала американская печать, план Аллона "искусно избегал дилемму, которую представляют собой арабы

Западного берега. Если бы Израиль целиком оккупировал их земли, арабы составляли бы до 40% населения страны, а учитывая более высокую рождаемость, стали бы составлять большинство к 2000 году".

Вскоре после октябрьской войны 1973 г. появление новых идей в вопросах урегулирования, публикация интересных документов прогностического характера, посвященных этой проблеме, стали более частым делом.

Прежде всего, следует вспомнить, что в пункте 2 одобренной XII сессией Национального совета Палестины (Каир, июнь - июль 1974 г.) программы действий говорилось о возможности утверждения палестинского суверенитета над любой, пусть самой незначительной частью Палестины, которая в ходе урегулирования будет освобождена от израильской оккупации. XIII сессия НСП записала в своих решениях, что в этом случае речь может идти о создании палестинского государства даже на незначительной части территории палестинской родины. Появление указанных положений в официальных решениях высшего законодательного органа ПДС свидетельствовало - пусть всего лишь косвенно - о готовности большей части палестинских организаций согласиться с существованием Израиля и возможностью создания палестинского государства наряду, а не вместо Израиля и о фактическом признании ими Резолюции 242 Совета Безопасности. Но до официальных заявлений такого рода со стороны руководства ПДС было еще очень далеко.

Некоторые новые идеи стали появляться в американских публикациях. Так, вызвал определенный интерес изданный в конце 1975 г. в Вашингтоне доклад специальной группы Брукингского исследовательского института. В эту группу входили видные политологи З. Бжезинский, У.Квандт, Ч.Иост, их доклад широко комментировался в американской печати, тем более что с приходом в Белый дом Картера многие из указанных лиц заняли солидные посты в администрации демократов.

Президент института К.Гордон указывал в предисловии, что данное исследование было проведено группой видных американских ученых, "знающих Ближний Восток и желающих, чтобы США помогли этому району достигнуть мира".

Главными составными частями урегулирования на Ближнем Востоке авторы считали "взаимную терпимость и мирные отношения" (сторон в конфликте), палестинскую проблему, вопрос о границах, проблему Иерусалима, разработку вопроса о последовательных стадиях выполнения мирного соглашения.

Авторы указали, что право палестинцев на самоопределение должно быть в принципе признано и удовлетворено на практике при условии, если палестинцы признают суверенитет и территориальную целостность Израиля. По мысли авторов исследования, палестинская проблема может быть решена или на путях создания "независимого палестинского государства, которое возьмет на себя все обязательства, вытекающие из мирных соглашений (с Израилем)", или в случае "добровольного объединения на федеральных началах палестинского образования с Иорданией с правом широкой политической автономии, предоставленной королем Хусейном". Авторы подчеркнули необходимость справедливого решения проблемы беженцев.

В исследовании признавалось, что проблема Иерусалима является, пожалуй, наиболее сложной, что "по целому ряду причин ее решение будет в высшей степени символичным для обеих сторон". Подход к урегулированию проблемы Иерусалима должен, по мысли авторов исследования, отвечать трем главным критериям: "а) необходимо обеспечить беспрепятственный доступ ко всем "святым местам", причем каждое из них должно находиться под охраной представителей соответствующей религии; б) не должно быть препятствий, разделяющих город, который должен сохранить свободу передвижения; в) каждая национальная (точнее сказать, этническая) группа в рамках города будет обладать, если пожелает этого, реальной политической автономией в пределах района, где она является доминирующей". Авторы исследования указывали в этой связи, что, по их мнению, "не может быть достигнуто решение, которое полностью удовлетворяло бы требованиям каждой из сторон". Они особо подчеркивали свою убежденность в том, что "изобретательность и терпение окажутся способными найти компромисс, который станет справедливым и в конечном счете приемлемым, даже если он не будет идеальным с точки зрения каждой из сторон в конфликте".

Примерно в аналогичном ключе был выдержан другой американский документ - так называемый меморандум Сондерса. Так было названо заявление заместителя помощника государственного секретаря Гарольда Сондерса перед комиссией по иностранным делам палаты представителей, сделанное 12 ноября 1975 г. В меморандуме было четко сказано, что "во многих отношениях напряженность арабо-израильского конфликта зависит от решения палестинского вопроса". Приведя цифры расселения палестинцев и даже не побоявшись воспользоваться не пользующимся популярностью у американских должностных лиц выражением "оккупированный Израилем Западный берег", Сондерс подчеркнул: "Сегодня мы признаем, что кроме удовлетворения человеческих потребностей и законных личных требова-

ний беженцев необходимо учитывать и другой фактор. Это то, что многие из трех миллионов людей, называющих себя палестинцами, все больше рассматривают себя как народ и хотят иметь голос в определении своего политического статуса... В целом палестинцы - это политический фактор, который необходимо учитывать, если говорить о мире между Израилем и его соседями".

Рассмотрев далее различные варианты государственно-правового институирования палестинцев, проблему возможной репатриации палестинцев в прежние места их проживания или получения ими необходимой компенсации, Сондерс отметил отсутствие должной ясности во всех этих вопросах, что затрудняет четкие выводы. "Как первый шаг, - указывал далее Сондерс, - необходим дипломатический процесс, который поможет выдвинуть разумное определение интересов палестинского народа, - позиция, с которой могут начаться переговоры о решении палестинских аспектов проблемы. Вопрос заключается не в том, должны ли быть выражены интересы палестинского народа при достижении окончательного урегулирования, а в том, как они будут выражены. Не может быть мира, пока не будет найден ответ". Сондерс признал, что известные Резолюции 242 и 338 Совета Безопасности "не затрагивают политическую сторону палестинской проблемы". При этом он повторил известную американскую позицию, заключающуюся в том, что палестинцы должны признать эти Резолюции как "рамки, общую базу для переговоров".

В полном соответствии с тогдашней официальной американской позицией непризнания ООП Сондерс поставил под сомнение право ООП представлять палестинцев на переговорах, утверждая, что "Иордания является логической стороной в переговорах по палестинским вопросам", и повторил мысль о необходимости признания Израиля со стороны ООП.

Однако главным содержанием заявления Сондерса следует признать выраженное им намерение "искать любое приемлемое решение", его слова о том, что "палестинская проблема важна сама по себе".

Положения меморандума Сондерса были подвергнуты резкой критике и в США и в Израиле, автор необоснованно и бездоказательно был обвинен в "предательстве интересов Америки", "потворствовании арабскому терроризму" и в конечном итоге был вынужден уйти из госдепартамента на научную работу.

Доклад исследовательской группы Брукингского института и меморандум Сондерса продемонстрировали появление некоторых "подвижек" в позиции США по вопросам ближневосточного урегулирования, прежде всего в том, что касается необходимости учета палестинского фактора - ключевого аспекта урегулирования.

Значимость указанных документов видится прежде всего в том, что их авторы увидели главное - бесперспективность американской политики, основанной на принципе "что хорошо для Израиля, то хорошо и для Штатов".

Если нефтяное эмбарго арабов, введенное после октябрьской войны, вынудило американскую администрацию идти на уступки в отношениях с ведущими нефтедобывающими арабскими государствами, а провозглашенная Картером политика защиты прав человека вынуждала администрацию, хотя бы на словах, проявлять гибкость, то вполне естественным было предположение, что американское руководство постарается не упустить серьезную политическую карту - проблему ближневосточного урегулирования. Так и случилось. Середина 70-х гг. запомнилась многочисленными официальными заявлениями представителей США о важности скорейшего возобновления Женевской конференции по Ближнему Востоку, о необходимости предоставления "отечества" палестинцам, но цена подобного рода заявлений оказалась весьма низкой, так как они не подкреплялись конкретными делами, которые могли бы свидетельствовать о начале сколько-нибудь серьезной и далеко идущей переоценки ценностей в американской ближневосточной политике.

V. Кэмп-дэвидские договоренности

При всех недостатках достигнутых в сентябре 1978 г. при американском посредничестве египетско-израильских так называемых кэмп-дэвидских договоренностей (сюда следует отнести и египетско-израильский мирный договор) - их откровенном сепаратизме, стремлении навязывать свою точку зрения другим потенциальным и реальным участникам процесса ближневосточного урегулирования, фактическим игнорированием ООН, неконструктивном характере предложений по решению палестинской проблемы - американские авторы считают их, пожалуй, единственным весомым внешнеполитическим достижением администрации Картера. Конечно, на эти недостатки "закрываются глаза", а на передний план выдвигается тезис о том, что в результате реализации кэмп-дэвидских договоренностей между Египтом и Израилем установились нормальные, хотя и весьма "прохладные" дипломатические отношения, и что Египет, несмотря на трагический уход Садата, в целом проводит устраивающий Вашингтон курс в вопросах урегулирования, являясь своеобразным стабилизирующим началом в шквале ближневосточных политических страстей.

Вполне естественно, что кэмп-дэвидские соглашения не возникли сами по себе, они явились продолжением политической линии в ближневосточных делах, которой придерживались Египет, Израиль и США. К этому времени уже состоялся "сенсационный" визит Садата в Израиль, показавший, что египетское руководство готово к договоренности с Израилем по широкому кругу ближневосточных проблем, невзирая на негативную реакцию других арабских стран.

Американская сторона в течение всего 1977 г., до визита Садата и после этого визита, энергично подталкивала Египет и Израиль к достижению взаимоприемлемых компромиссов в надежде, что достижение договоренности между ними послужит "сигналом" для других арабских стран, прежде всего Иордании,

побудит их примкнуть к "миротворческому процессу", ведущую роль в котором играли бы США, создаст благоприятные условия для позитивных сдвигов в решении палестинской проблемы. 27 июня 1977 г. на еженедельной пресс-конференции в Госдепартаменте было зачитано официальное заявление, в котором особо подчеркивалась необходимость скорейшего установления "договорного мира на Ближнем Востоке". В заявлении отмечалось, что "подлинную безопасность... может обеспечить подлинный мир, установленный путем переговоров между заинтересованными сторонами", что стороны в конфликте должны пойти на "нелегкие компромиссы". В заявлении представителя Госдепартамента повторялась ранее неоднократно высказанная тогдашним президентом США Картером мысль "о необходимости какого-то отечества для палестинцев, точный характер которого должен быть определен путем переговоров между заинтересованными сторонами". Считать указанное заявление каким-то развернутым планом действий не было оснований, однако оно достаточно четко указывало направление, по которому намеревалась действовать американская администрация и на котором она ожидала встречных шагов от сторон, вовлеченных в конфликт, прежде всего от Египта и Израиля.

Визит Садата в Иерусалим предоставил сторонам практическую возможность изложить программы своих действий в вопросах ближневосточного урегулирования. В ходе состоявшихся во время визита египетско-израильских переговоров глава израильского правительства М.Бегин изложил свой план предоставления самоуправления палестинским арабам, проживающим на территории Западного берега и в Газе, который был бы введен в действие с момента установления мира между Израилем и Иорданией, хотя ее представителей не было в Кэмп-Дэвиде. Документ ясно свидетельствовал, что израильское руководство не только не идет на диалог с палестинцами, но и желает ограничить их выбор только израильским гражданством или иорданским подданством. По сути дела в предложениях Бегина не было упоминания о самоопределении палестинцев, об их самоуправлении на оккупированных территориях или об автономии, которую предлагалось ввести не для территорий, а для жителей.

Понимая бесперспективность и тупиковый характер ближневосточной ситуации, что было чревато непредсказуемыми последствиями, американская сторона форсировала проведение египетско-израильской встречи на высшем уровне на американской территории и при прямом посредничестве и участии в переговорах президента США. Так стороны в конфликте подошли к Кэмп-Дэвиду.

О несомненном противоречии кэмп-дэвидских договоренностей задаче достижения всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта сказано и написано очень много. Наша задача в другом - на основании конкретных ссылок на положения этих договоренностей показать, что никакого "универсального" характера они не имели и не могли иметь и что намерение американской администрации как-то подключить к ним другие арабские страны (прежде всего Иорданию) с самого начала не имело шансов быть реализованным на практике.

Как известно, 18 сентября 1978 г. в загородной резиденции американских президентов Кэмп-Дэвиде Садат и Бегин подписали два документа - "Рамки для мира на Ближнем Востоке" и "Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем". Подписи Садата и Бегина были скреплены подписью президента Картера.

В первом документе, призванном зафиксировать "рамки" будущего ближневосточного урегулирования, не было даже упоминания о необходимости вывода израильских войск с Западного берега р. Иордан, из находившегося до июня 1967 г. под египетским административным управлением сектора Газы, с сирийских Голанских высот и из восточного Иерусалима. Не могло придать "универсальности" этому документу полное отсутствие признания права арабского народа Палестины на самоопределение и малейшего упоминания об Организации освобождения Палестины (говорилось лишь о неких "представителях населения" Западного берега р. Иордан и сектора Газы). В документе была нарочито обойдена проблема восточного Иерусалима, а глава израильского кабинета Бегин в своих заявлениях после Кэмп-Дэвида неоднократно отмечал, что Иерусалим при всех вариантах развития событий в вопросах урегулирования останется единым, "объединенным навечно" городом и официальной столицей Израиля. Документ не содержал также положений, касающихся необходимости прекращения создания израильских поселений на оккупированных арабских территориях.

Некоторые политические наблюдатели усматривают "универсальность" кэмп-дэвидских "Рамок для мира" в следующей формулировке: "Стороны (Египет и Израиль) согласились, что выработанные ими общие положения должны стать рамками мира не только между Египтом и Израилем, но и между Израилем и каждым из его соседей, который выразит готовность вести переговоры о мире с Израилем на этой основе". Но ведь никто не уполномочивал покойного Садата выступать от имени других арабских стран.

Положения, касающиеся палестинской проблемы, также были

достигнуты в отсутствии представителей палестинцев. Полное игнорирование прав палестинцев проявили участники кэмп-дэвидских договоренностей, излагая свой подход к возможному участию палестинцев в "миротворческом процессе". Так, включение неких палестинских представителей в состав египетской или иорданской делегации (на трехсторонних переговорах об "административной автономии") ставилось в зависимость от согласия правительств Египта и Иордании. Выбор палестинских представителей на эти переговоры должен был производиться из тех лиц, кого бы предложили не сами палестинцы, а арабские правительства (к тому же только после одобрения этих кандидатур израильскими представителями). В ходе переговоров любое предложение, с которым мог бы выступить палестинский представитель, подлежало предварительному одобрению арабских и израильской делегаций, если бы то или иное предложение, внесенное в ходе переговоров, не отвечало интересам палестинцев, оно могло бы быть отклонено только в случае несогласия с ним правительства соответствующей арабской страны - участницы переговоров.

Кэмп-дэвидские договоренности предусматривали проведение "свободных выборов" на Западном берегу и в Газе при сохранении израильской оккупации в условиях, когда израильская военная администрация оставалась бы в этих районах единственным имеющим реальную власть политическим институтом.

Кроме того, в кэмп-дэвидских договоренностях была сделана произвольная попытка разделить палестинцев на три категории: "жители Западного берега и Газы", "перемещенные с Западного берега и из Газы в 1967 году", "беженцы". Три группы палестинцев остались вне этих дефиниций - палестинцы, бежавшие или административно высланные израильскими оккупационными властями с Западного берега и из Газы после 1967 г.; палестинцы, бежавшие из этих районов, начиная с 1948 г. (во время и после окончания палестинской войны), но отказавшиеся зарегистрировать свой статус беженцев; наконец, палестинцы, проживающие непосредственно в Израиле.

Таким образом, "универсальность" кэмп-дэвидских соглашений виделась только непосредственным участникам этих соглашений.

Во втором документе, который, как казалось, должен был возвратить Египту Синайский полуостров и восстановить над ним египетский суверенитет, в действительности этот суверенитет максимально ущемлялся, о чем свидетельствуют следующие моменты:

- согласно достигнутой в Кэмп-Дэвиде египетско-израиль-

ской договоренности Синайский полуостров, протяженность которого с востока на запад около 200 км, превращался в демилитаризованную зону, за исключением его западной части - полосы глубиной 50 км к востоку от Суэцкого канала, где Египту разрешалось дислоцировать всего одну дивизию. Разумеется, одна дивизия на Синае не могла обеспечить ни безопасности полуострова, ни безопасности Египта. Более того, превращение Синая в демилитаризованную зону глубиной в 150 км означало на практике, что именно на такое расстояние сместились на запад от международно-признанных государственных границ восточные границы Египта. По соглашению в Израиле не создавалось каких-либо демилитаризованных зон, лишь зона с ограниченным числом войск (до четырех батальонов) глубиной всего лишь 3 км;

- согласно кэмп-дэвидской договоренности предусматривалась интернационализация некоторых районов Синайского полуострова в Шарм-аш-Шейхе и около Рафаха;

- кэмп-дэвидские договоренности по сути дела лишили большую часть Синая каких-либо средств обороны. Тем самым Египет гарантировал Израилю безопасность, не обеспечив себе никаких гарантий безопасности на будущее. Это положение недвусмысленно обыгрывалось Бегином в одном из его посланий преемнику Садата - Мубараку, когда глава израильского правительства отмечал, что для израильских танковых соединений достаточно одних суток, чтобы преодолеть синайские пески и выйти в случае необходимости на Суэцкий канал;

- согласно кэмп-дэвидским договоренностям, нормализация египетско-израильских отношений, что включает в себя установление дипломатических, экономических и культурных отношений между двумя странами, снятие всяческих ограничений на свободу передвижения лиц и товаров, взаимную защиту граждан обеих сторон, должна была быть осуществлена до полного вывода израильских войск с Синая и до выполнения возможных аналогичных соглашений Израиля с другими арабскими странами (в Тель-Авиве в тот момент надеялись, как показало дальнейшее развитие событий, тщетно, что египетский пример окажется "заразительным" для некоторых других арабских стран, в частности, Иордании);

- по кэмп-дэвидским соглашениям египетские ВВС лишались права пользования аэродромами на Синае в то время как США обязались соорудить на территории Израиля, на границе с Синаем, современные крупные базы для израильских ВВС.

В ходе кэмп-дэвидских переговоров в обмен на восстановление ограниченного суверенитета Египта над Синайским полуостровом Садат фактически согласился с "планом Бегина" о так называемой административной автономии для палестинцев. В основу указанного плана были положены следующие положения:

- автономия Западного берега р. Иордан и сектора Газы должна основываться на юридическом статусе граждан этих территорий, а не являться автономией самих территорий;

- правовой стороной, которая предоставит статус автономии, является Израиль, который будет представлен военной администрацией этих территорий;

- "Исполнительный совет", который должен быть избран в результате проведения выборов на палестинских территориях (на Западном берегу и в секторе Газа) будет не законодательным, а чисто административным органом.

В подробном анализе кэмп-дэвидских договоренностей, с которыми "по горячим следам" выступила Национально-прогрессивная партия Египта, особо отмечалось, что гарантии безопасности, разработанные в этих договоренностях, не носили взаимного характера, так как в них шла речь о создании демилитаризованных зон и размещении станций раннего оповещения только на египетской территории - на Синае, - но не на территории Израиля. Фактически "военные" границы Египта должны были проходить по Суэцкому каналу; впервые в истории военные границы Египта решено было удалить на значительное расстояние - практически на всю глубину Синая - от его международно-признанных политических границ, причем на практически неограниченное время.

Отсутствие "универсальности" кэмп-дэвидских договоренностей подтверждается и тем обстоятельством, что они противоречили ряду решений Генеральной Ассамблеи ООН, в частности в том, что касается неотъемлемого права арабского народа Палестины на определение своей собственной судьбы. Все это дало Бегину основание заявить, что в Кэмп-Дэвиде ему удалось "избежать трех главных опасностей" (естественно, в израильском понимании) - организации референдума среди палестинцев на Западном берегу р. Иордан относительно их дальнейшей судьбы, создания в любой форме палестинского государства и допуска ООП к участию на равной основе (в соответствии с имевшимися решениями XXIX сессии Генеральной Ассамблеи) в переговорах по ближневосточному урегулированию. Он же (Бегин) назвал мирный договор от 26 марта 1979 г. между Египтом и Израилем, который явился одним из результатов кэмп-дэвидских договоренностей, "лучшей декларацией сионизма и иудаизма". Кэмп-дэвидские договоренности и договор 26 марта 1979 г. ста-

ли серьезным внешнеполитическим достижением правительства, сформированного Бегином после победы возглавлявшегося им правонационалистического блока Ликуд на парламентских выборах в мае 1977 г. Дело было и в том, что своими практическими шагами и заявлениями уже после марта 1979 г. Бегин продемонстрировал истинный подход к проблеме палестинской автономии, заключавшийся в предложении о предоставлении "личной автономии" палестинцам на оккупированных Израилем палестинских территориях, а не самим территориям. Поэтому если при правительствах Партии труда (которая находилась у власти с момента создания Израиля до 1977 г.) в различных соображениях по урегулированию, исходивших от израильской стороны, говорилось о необходимости уступки части Западного берега, Газы или Голанских высот в обмен на политические уступки арабской стороны, то правительство Бегина с самого начала сделало упор на том, что Западный берег, включая восточный Иерусалим, Газа и Голанские высоты должны быть полностью исключены как объекты для возможных арабо-израильских переговоров и только "израильская добрая воля" будет определять, какую окончательную форму примет статус этих территорий, когда и если будет достигнуто всеобъемлющее урегулирование. В пропагандистском плане были сделаны активные попытки доказать мировому общественному мнению, и также убедить американскую администрацию, что план Бегина является максимумом возможных уступок Израиля. Как указывали многие политические наблюдатели, если бы план Бегина был полностью реализован и Израиль навечно сохранял свой контроль над оккупируемыми с 1967 г. территориями (из этого перечня исключался Синайский полуостров, так как его судьба решалась в соответствии с положениями египетско-израильского договора 1979 г.), то в один прекрасный день израильское руководство столкнулось бы с "перерождением" Израиля как государства из еврейско-арабского в арабско-еврейское.

Встречные соображения высказывались руководством Партии труда, которое вернулось к идее Аллона относительно "защитимых границ" Израиля. В этих целях предлагалось создать несколько зон безопасности вдоль гряды гор и холмов на Западном берегу р. Иордан, в районе Хеброна, где расположен "блок" чисто израильских поселений, и в южной части Газы. В этих зонах безопасности сохранялся бы полный израильский контроль, но формально они не подпадали бы под израильский суверенитет.

Внимательный анализ кэмп-дэвидских договоренностей до-

казывает, что в основе идеи "административной автономии" по сути дела лежал ставший известным в конце 1977 г. план Бегина, согласно которому Израиль соглашался отказаться от всего Синайского полуострова в обмен на гарантии свободы мореплавания для своих судов в международных водных путях региона, включая в первую очередь Суэцкий канал, и на молчаливый отказ Египта от поддержки палестинского дела. Хотя участники кэмп-дэвидских соглашений обошли молчанием план Бегина, ряд его положений - создание демилитаризованной зоны на Синае, установление там станций раннего предупреждения, предоставление жителям оккупированных территорий выбора между полным израильским гражданством и иорданским подданством, что было бы равносильно "трансферу" палестинцев в Иорданию - вошли в эти договоренности, что дало основание президенту Картеру заявить: "Мое мнение таково, что постоянное урегулирование будет основано главным образом на предложении о самоуправлении, выдвинутым премьер-министром Бегином". Действительно, Бегину удалось "продать" Синай за возможность сохранения израильского военно-политического контроля над Западным берегом и сектором Газа.

VI. Саудовский "план мира", план Рейгана, Фесская инициатива, план Брежнева

Кэмп-дэвидские договоренности и египетско-израильский договор создали новые реалии на Ближнем Востоке, которые требовали не только критического осмысления, но каких-то встречных соображений конструктивного порядка. Одним из наиболее последовательных критиков кэмп-дэвидских соглашений явилось саудовское руководство. Поэтому не случайно, что именно саудовская сторона выдвинула интересные и реалистичные идеи, получившие название план Фахда (по имени их автора - тогда наследного принца, а ныне короля Саудовской Аравии Фахда Ибн Абд эль-Азиза). Восемь принципов саудовского "плана мира", выдвинутые в августе 1981 г., включали следующие предложения:

- эвакуировать Израиль со всех арабских территорий, включая арабскую часть Иерусалима, оккупированных им в 1967 г.;
- ликвидировать поселения, возведенные Израилем на арабских территориях после 1967 г.;
- гарантировать свободу вероисповедания и отправления обрядов всех религий;
- подтвердить право палестинского народа на возвращение и право на компенсацию тем, кто не пожелает вернуться;
- поставить Западный берег и сектор Газа под контроль ООН на переходный период в несколько месяцев;
- создать независимое палестинское государство со столицей Иерусалим (речь в данном случае шла о восточной части Иерусалима, так называемом Старом городе, которая после окончания Палестинской войны и до окончания июньской войны 1967 г. находилась под иорданским контролем. *Е.П.*);
- подтвердить право государств региона жить в мире;
- ООН или некоторые государства - члены ООН выступят гарантами выполнения этих принципов".

Как мы видим, план достаточно подробный и далеко идущий, несмотря на свою краткость. Он включал в себя не только упоминание важности создания палестинского государства (как разъяснил впоследствии король Фахд, имелось в виду создание палестинского государства с Организацией освобождения Палестины во главе), но и фактическое, хотя и косвенное признание Израиля. "Я не представляю себе, - подчеркнул Фахд в одном из интервью, - что палестинское государство может быть образовано без согласия ООП. И это не только наше убеждение, но и убеждение всего мира, включая тех, кто до сих пор отказывался признавать ООП и сотрудничать с ней".

План Фахда был крайне негативно встречен сирийской стороной, которая упрекала автора в том, что он призывает арабские страны согласиться с существованием Израиля и признать его. Характер советско-сирийских отношений в тот период, сирийский "моноцентризм" советской политики на Ближнем Востоке привели к тому, что негативное отношение сирийцев к плану Фахда передалось советской стороне, хотя с самого начала было ясно, что негативизм Дамаска - это откровенная позиция для торга, для подкрепления той энергично афишируемой политики непримиримости по отношению к Израилю, которая принесла сирийскому руководству немного политических дивидендов.

Слепое следование за сирийской позицией в оценке плана Фахда в конечном итоге обернулось очередным просчетом советской дипломатии. Когда посол СССР в Вашингтоне А.Ф.Добрынин высказал намерение провести беседу со своим саудовским коллегой и более подробно выяснить позицию саудовцев, причем толчком к такой беседе - и это вполне естественно - могло бы стать обсуждение плана Фахда, он тут же получил строгий окрик из Москвы от министра Громыко - встречаться и беседовать с саудовским послом, конечно, можно, но ни в коем случае в беседе не обсуждать положения плана.

"Подвешенное" состояние, в котором оказался план Фахда, его непринятие арабскими странами (все под тем же влиянием сирийцев) на первом раунде межарабского совещания в верхах в Фесе (ноябрь 1981 г.) были бы в принципе не так опасны, если бы они не отражали разброд и разброс в точках зрения арабских государств на пути решения арабо-израильского конфликта. Такой разброд не мог не повлиять крайне негативно на процесс выработки единой арабской позиции, когда в повестку дня встал вопрос о принятии неотложных мер по отражению израильского экспансионизма, который на этот раз нашел свое выражение в агрессии против Ливана летом 1982 г.

По мнению американской стороны, удаление отрядов и руководящих институтов ООП из Ливана в результате израильской

агрессии, полное нежелание арабских стран как-то поддержать Ливан и палестинцев создали благоприятные возможности для выдвижения американской инициативы. За несколько дней до начала второго раунда межарабского совещания в верхах в Фесе, когда многие политические наблюдатели убедились в том, что арабские страны смогут выработать единую позицию, основывающуюся на несколько видоизмененных положениях плана Фахда, на свет появился план Рейгана. Его основные положения были сформулированы американским президентом в "обращении к нации" 1 сентября 1982 г.

Одной из причин появления плана Рейгана следует считать неудачу с планами создания на Ближнем Востоке антисоветского "стратегического консенсуса", о чем было сделано несколько официальных заявлений высокопоставленных представителей республиканской администрации, сменившей администрацию демократа Картера в результате очередных президентских выборов. Рейган и его окружение рассчитывали, что, активно прибегая к военно-силовым методам, США смогут преодолеть разногласия между Израилем и проамериканскими режимами в арабском мире и, объединив их в рамках единой военной стратегии, коренным образом изменить соотношение сил в регионе в свою пользу, навязать свое "видение" проблем урегулирования. Новый президент не разделял точку зрения своего предшественника, который считал, что если будет создаваться впечатление о поступательном движении вперед процесса ближневосточного урегулирования, то позиции США будут соответственно укрепляться. Рейган ошибочно считал, что ситуация в ближневосточном регионе находится под американским контролем и что прежде всего нужно принять меры по укреплению двусторонних отношений с Израилем, Египтом и Саудовской Аравией.

США не смогли с помощью произраильских деклараций укрепить военное сотрудничество и политические отношения с Тель-Авивом. Наоборот, американская линия помогла вновь победить на выборах блоку Ликуд; правительство вновь возглавил М.Бегин, взявший курс на большую самостоятельность от США, что, в частности, нашло свое выражение в израильской авантюре в Ливане.

Сложности возникли в отношениях рейгановской администрации с Саудовской Аравией (из-за препятствий, которые чинило произраильское лобби в сенате поставкам Саудовской Аравии самолетов с системой АВАКС) и с Египтом (убийство Садата). Поэтому США пошли на определенные коррективы своего ближневосточного курса, что было необходимо сделать, чтобы "овладеть ситуацией". Не отказываясь от усилий по достижению "стратегического консенсуса", США попытались спасти и "кэмп-дэвидский миротворческий процесс". Этим целям и служил план Рейгана.

Прежде всего, указав на постоянную приверженность США к миру на Ближнем Востоке, Рейган в этом обращении отметил, что хотя ливанская война и была трагической, но она "создала для нас новую благоприятную возможность в отношении установления мира на Ближнем Востоке... проблема состоит сейчас в том, как согласовать законные интересы безопасности Израиля с законными правами палестинцев. А ответ на это можно получить лишь за столом переговоров. Каждая из сторон должна осознать, что конечный результат должен быть приемлем для всех и что подлинный мир потребует компромиссов от всех". Рейган предложил ввести переходный период, в течение которого палестинцы получат полную автономию в отношении своих собственных дел. "Необходимо, - подчеркнул американский президент, - уделить должное внимание принципу самоуправления, осуществляемого жителями этих территорий, и законным интересам безопасности участвующих сторон". Переходный период был определен в выступлении Рейгана протяженностью в пять лет с момента избрания органов палестинского самоуправления. Цель этого периода - "доказать палестинцам, что они могут сами устраивать свои дела и что палестинская автономия не представляет собой никакой угрозы для безопасности Израиля". "Мирная и организованная" передача власти палестинцам не должна, по словам президента, "препятствовать осуществлению законных требований Израиля в области обеспечения его безопасности".

Рейган выступил за прекращение строительства израильских поселений на оккупированных территориях и высказался в том плане, что "самоуправление палестинцев, живущих на Западном берегу и в Газе, в рамках ассоциации с Иорданией, сулит самую большую надежду на достижение прочного, справедливого и надежного мира". Президент США недвусмысленно указал в этой связи, что американская сторона "не будет поддерживать создание независимого палестинского государства на Западном берегу и в Газе", но одновременно подчеркнул, что Вашингтон не намерен "поддерживать аннексию и постоянный контроль Израиля в отношении этой территории". Другими словами, Рейган высказался за соблюдение в ходе урегулирования принципа "территории в обмен на мир" и подтвердил, что Резолюция 242 Совета Безопасности должна, по мнению американского руководства, оставаться в силе "в качестве фундамента, на котором строятся усилия Соединенных Штатов, направлен-

ные на достижение мира на Ближнем Востоке".

Президент США высказался также за расширение числа участников возможных переговоров по урегулированию и особо оговорился, что "США будут против любого предложения.., создающего угрозу для безопасности Израиля. Приверженность Америки обеспечению безопасности Израиля тверда и непоколебима", - подчеркнул Рейган.

Западные органы массовой информации справедливо отмечали, что план Рейгана "интерпретировался многими арабами как попытка американцев вновь обрести политические позиции, потерянные во время израильского вторжения в Ливан".

Кроме того, Вашингтон рассчитывал создать в некоторых арабских столицах иллюзию, что реализация плана Рейгана приведет в конечном итоге к возвращению Западного берега и Газы под арабский суверенитет.

Главный рассчет при этом делался на Иорданию, от которой американская администрация ждала не только заявлений, но и конкретных действий в поддержку плана Рейгана. Однако иорданское руководство отказалось вести переговоры от имени палестинцев и заявило, что ООП и арабский народ Палестины сами могут выбирать те пути и средства решения палестинской проблемы, которые их устраивают. Это заявление было справедливо расценено мировой общественностью как отказ Иордании последовать за планом Рейгана.

В атмосфере, созданной израильской агрессией в Ливане и выдвижением плана Рейгана, родилась Фесская инициатива - согласованный на арабском совещании в верхах план урегулирования, основные положения которого повторяли положения плана Фахда. Пункты Фесской инициативы формулировались следующим образом:

- уход Израиля со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 г., включая арабскую часть Иерусалима;
- уничтожение израильских поселений, созданных на оккупированных арабских территориях после 1967 г.;
- обеспечение гарантий отправления религиозных обрядов для представителей всех вероисповеданий в святых местах;
- подтверждение права палестинского народа на самоопределение и осуществление его неотъемлемых национальных прав под руководством Организации освобождения Палестины - его единственного законного представителя;
- выплата компенсаций тем палестинцам, которые не пожелают вернуться;
- установление для Западного берега р. Иордан и сектора Газа переходного периода под наблюдением ООН, продолжительность которого не будет превышать нескольких месяцев;
- создание независимого палестинского государства со столицей в восточной части Иерусалима;
- гарантирование Советом Безопасности мира между всеми государствами региона, включая палестинское государство;
- гарантирование Советом Безопасности осуществления данных принципов.

Очень важно отметить, что в решениях Фесского совещания отмечалась необходимость многостороннего, комплексного подхода к проблеме урегулирования, ни один из пунктов Фесской инициативы не может рассматриваться изолированно от других.

Фесская инициатива была справедливо расценена как сбалансированный и достаточно конструктивный документ. На встрече 3 декабря 1982 г. советских руководителей с арабской делегацией, направленной в столицы великих держав для разъяснения Фесской декларации и возглавлявшейся королем Иордании Хусейном, "было с удовлетворением отмечено, что подход Советского Союза к проблеме всеобъемлющего мирного урегулирования на Ближнем Востоке... и одобренные общеарабским совещанием в Фесе принципы такого урегулирования фактически совпадают".

В отличие от позиции Советского Союза позиция США попрежнему исходила из непризнания роли ООП и отказа от создания независимого палестинского государства, хотя в пропагандистском плане Вашингтоном предпринимались активные и последовательные усилия с целью доказать наличие "точек соприкосновения" в плане Рейгана и Фесской инициативе.

Вскоре после появления Фесской инициативы советская позиция была изложена в известном выступлении Брежнева 15 сентября 1982 г. Достойно сожаления, что эти соображения появились спустя более чем год после появления плана Фахда и после, а не накануне Фесской инициативы, хотя они всего лишь повторяли в обобщенном виде ранее излагавшиеся идеи. Вряд ли следовало ожидать специального повода для выступления с этими предложениями - таким поводом явился официальный визит южно-йеменской партийно-правительственной делегации, хотя общеизвестно, что Южный Йемен слишком далеко отстоит от эпицентра ближневосточных бурь и проблема ближневосточного урегулирования, палестинская проблема и необходимость ее конструктивного решения интересовали его постольку, поскольку руководители Южного Йемена стремились подчеркнуть свою приверженность общеарабской позиции по этим вопросам.

В советских предложениях от 15 сентября 1982 г. особо от-

мечалось, что действительно справедливое и по-настоящему прочное ближневосточное урегулирование должно основываться на общепризнанных принципах и нормах международного права, иметь в качестве основы конкретные решения Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи по различным аспектам положения на Ближнем Востоке.

В первом пункте советских предложений говорилось, как известно, о необходимости соблюдения принципа недопустимости захвата чужих земель путем агрессии. Полный вывод израильских войск со всех территорий, оккупированных во время агрессии 1967 г., а также безусловный вывод израильских войск из Ливана, возвращение арабам их исконных территорий, оказавшихся под израильской оккупацией после июня 1967 г., предусматриваются известными решениями Совета Безопасности, в том числе и теми, за которые голосовали США. Разумеется, за полный вывод израильских войск с территорий, отторгнутых у арабов в ходе июньской агрессии 1967 г. и в последующее время, выступают все арабские страны. Очень важным моментом в первом пункте советских предложений является указание на важность нерушимости арабо-израильских границ. Фактически до настоящего времени таких границ не существует, есть только линии межгосударственного разграничения, линии прекращения огня.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что вывод израильских войск на позиции, которые они занимали до июня 1967 г., может рассматриваться лишь как ликвидация одного из наиболее серьезных последствий израильской агрессии 1967 г. Ведь в решениях ООН закреплены только те арабо-израильские границы, которые появились на свет как итог "плана раздела" 1947 г. Палестины на арабское и еврейское государства, а арабское государство на политической карте мира, как известно, так и не появилось.

Второй пункт советских предложений четко и недвусмысленно говорил о необходимости решения палестинской проблемы на путях удовлетворения законных национальных прав арабского народа Палестины, включая реализацию на практике его права на самоопределение и создание собственного государства на палестинских землях, освобожденных от израильской оккупации. Это положение означает, что палестинское государство может быть создано не вместо Израиля, а наряду с Израилем. Почему имеют свою государственность арабы Сирии, Йемена, Туниса и других государств - членов Лиги арабских стран и почему в таком праве должно быть отказано палестинским арабам?

В этом же пункте советских предложений повторены положения известной Резолюции 194/III Генеральной Ассамблеи ООН о праве палестинских беженцев вернуться к родным очагам и получить необходимую компенсацию за утраченное в результате насильственного удаления из родных мест и многолетних скитаний имущество.

Необходимости решения проблемы Иерусалима с учетом интересов и арабов, и израильтян посвящен третий пункт советских предложений. Незаконность действий израильских властей по искажению исторического, религиозного, демографического характера "святого города" общеизвестна.

Четвертый пункт советских предложений говорит о необходимости обеспечения права всех государств региона на безопасное и независимое существование и развитие, разумеется, при соблюдении полной взаимности.

Пятый пункт советских предложений подчеркивал необходимость прекращения состояния войны между Израилем и арабскими государствами, для многих из которых состояние войны с Израилем не завершилось окончанием палестинской войны, решение возникающих между Израилем и арабскими государствами споров и конфликтов путем переговоров, о чем говорится в этом пункте советских предложений, подразумевает равноправные переговоры, исключающие диктат.

Прочное и конструктивное ближневосточное урегулирование не может быть эффективным без должных международных гарантий. Шестой пункт советских предложений указывал на необходимость выработки таких гарантий или со стороны пяти постоянных членов Совета Безопасности, или Совета Безопасности в целом. На практике это означало бы, что любые серьезные нарушения мира и безопасности на Ближнем Востоке автоматически вели бы к вмешательству Совета Безопасности, который в соответствии с положениями Устава ООН наделен достаточными полномочиями по поддержанию мира в любых районах земного шара.

Оживление внимания мировой общественности к проблемам ближневосточного урегулирования сказалось на израильском подходе к различным аспектам этой проблемы, прежде всего к поискам решения палестинского вопроса. Понимание бесперспективности продолжения оккупации Западного берега и Газы все более утверждалось в сознании многих государственных и общественных деятелей Израиля, чему безусловно способствовали начавшееся в декабре 1987 г. палестинское восстание на этих территориях - интифада - и провозглашение 15 ноября 1988 г. Государства Палестина - важный на перспективу политический демарш руководства ПДС.

Среди появившихся в конце 80-х гг. документов, в большинстве своем явившихся итогом усиливавшегося палестино-израильского обмена мнениями на общественном уровне, обратил на себя внимание доклад, подготовленный исследовательской группой Яффского центра стратегических исследований Тель-Авивского университета. В докладе подчеркивалась неотложная необходимость начала палестино-израильских переговоров, подвергалась резкой критике близорукая политика правительства в вопросах урегулирования, которая, отвергая любой диалог с ООП, становится нежизнеспособной. В пользу прямых переговоров между Израилем и палестинцами, которые несомненно были бы связаны с ООП, высказывалась и американская администрация. Характерным было признание информированного журнала "Интеллидженс дайджст" (24 мая 1989 г.): "Американское общественное мнение, представляющее как евреев, так и неевреев, находится в процессе изменения своей позиции и благожелательно рассматривает вопрос о переговорах Израиль - ООП. Традиционная позиция Шамира, заключающаяся в том, что Израиль никогда не откажется от контроля над оккупируемыми территориями, находится в противоречии с точкой зрения администрации Буша и большинства американцев".

Наиболее подходящей "крышей" для переговоров Израиль - ООП должна была стать, по всеобщему признанию, новая мирная ближневосточная конференция.

VII. В поисках магической "формулы мира"

Как известно, израильская агрессия в Ливане значительно осложнила положение Организации освобождения Палестины, отбросила вспять все усилия найти сбалансированную "формулу" ближневосточного урегулирования. Политика откровенного невмешательства в события, связанные с израильской агрессией в Ливане, которой придерживались по сути дела все арабские страны, за исключением может быть только Сирии, усилила раскол арабских рядов. В этих условиях одним из руководящих императивов арабской политики в вопросах урегулирования после 1982 г. стали действия по налаживанию контактов между отдельными палестинскими организациями по сплочению ООП. Но в этом случае Сирия выступала как фактор раскола палестинского движения, известный антиарафатовский "мятеж" Нимр Салеха и Абу Мусы был вызван, помимо внутренних палестинских причин, действиями сирийской стороны.

Борьба за восстановление единства действий палестинцев, за сближение позиций различных отрядов ПДС вписывалась в усилия по углублению поисков политического решения конфликтной ближневосточной ситуации. В этой связи заслуживают быть отмеченными уточненные и несколько модифицированные советские предложения по урегулированию, опубликованные в "Правде" 20 июля 1984 г. Особенностью этой советской инициативы было то, что в ней подробно говорилось о цели созыва, составе участников и организации работы широкоформатного международного форума по вопросам ближневосточного урегулирования - мирной конференции по Ближнему Востоку. В этих достаточно развернутых предложениях многие политические наблюдатели сразу же обратили внимание на то, что советская сторона по сути дела сняла возражения против прямых арабо-израильских переговоров в рамках мирной конференции и ее рабочих групп (комиссий). Идя навстречу пожеланиям некоторых других возможных участников мирной конференции, совет-

ская сторона в своих новых предложениях не делала особого упора на регулярности и частоте пленарных заседаний конференции, ограничившись упоминанием о необходимости их созыва только по мере необходимости.

Но главным содержанием новых советских предложений были, естественно, подробно разработанные принципы ближневосточного урегулирования. Они сводились к следующему:

1. Должен быть строго соблюден принцип недопустимости захвата чужих земель путем агрессии. Соответственно арабам должны быть возвращены все оккупированные Израилем с 1967 г. территории - Голанские высоты, Западный берег р. Иордан и сектор Газа, ливанские земли, поселения, созданные Израилем на арабских территориях после 1967 г., должны быть ликвидированы. Границы между Израилем и его арабскими соседями должны быть объявлены нерушимыми.

2. Должно быть на практике обеспечено неотъемлемое право палестинского народа, единственным законным представителем которого является Организация освобождения Палестины, на самоопределение, на создание собственного независимого государства на палестинских землях, которые будут освобождены от израильской оккупации, - на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. Как это предусматривается решением общеарабского совещания на высшем уровне в Фесе и при наличии согласия с этим самих палестинцев, Западный берег р. Иордан и сектор Газа могут быть переданы Израилем на короткий переходный период, не превышающий несколько месяцев, под контроль Организации Объединенных Наций.

После создания независимого палестинского государства оно, естественно, будет само - в силу присущих каждому государству суверенных прав - определять характер своих отношений с соседними странами, включая возможность образования конфедераций.

Палестинским беженцам должна быть предоставлена предусмотренная решениями ООН возможность возвратиться к своим очагам или получить соответствующую компенсацию за оставленное ими имущество.

3. Должна быть возвращена арабам и стать неотъемлемой частью палестинского государства восточная часть Иерусалима, которая была оккупирована Израилем в 1967 г. и где расположена одна из главных мусульманских святынь. Во всем Иерусалиме должна быть обеспечена свобода доступа верующих к почитаемым местам трех религий.

4. Должно быть реально обеспечено право всех государств района на безопасное и независимое существование и развитие, - разумеется, при соблюдении полной взаимности, ибо нельзя обеспечить подлинную безопасность одних, попирая безопасность других.

5. Должно быть прекращено состояние войны и установлен мир между арабскими государствами и Израилем. Это означает, что все стороны в конфликте, в том числе Израиль и палестинское государство, должны взять обязательства взаимно уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность друг друга, решать возникшие споры мирными средствами, путем переговоров.

6. Должны быть выработаны и приняты международные гарантии урегулирования - роль гаранта могли бы взять на себя, например, постоянные члены Совета Безопасности ООН или же Совет Безопасности в целом.

Вторая половина 80-х гг. отмечена также заметным усилением внешнеполитической активности большинства палестинских группировок.

Достижение достаточной степени единства действий ООП на XVIII сессии Национального совета Палестины в апреле 1987 г., что стало возможным благодаря усилиям ряда арабских стран и Советского Союза, вызвало к жизни появление новых соображений по урегулированию, с которыми выступили США, Израиль и Египет.

Весьма характерно, что появлению в начале марта 1988 г. так называемого плана Шульца, названного по имени тогдашнего государственного секретаря США, предшествовала подробная проработка целого ряда аспектов урегулирования сотрудниками Брукингского института, итогом которой стало появление доклада "К арабо-израильскому миру", который был назван руководителем работы Квандтом "свежим взглядом на арабо-израильский мирный процесс". Сославшись на реальные и потенциальные опасности, которые могут угрожать мирному процессу на Ближнем Востоке, авторы доклада указали на важность постоянного проявления инициативы американской стороной в деле поддержания "накала" этого процесса, "подпитывания" его новыми идеями, постоянного учета меняющихся реалий ближневосточной ситуации.

Говоря о новых реалиях, возникших в ближневосточном регионе, авторы доклада упомянули прежде всего особый характер американо-израильских отношений, хотя "новизны" в этом вопросе было как раз и немного - стратегический характер союза двух государств общеизвестен. Ничего принципиально нового не увидели читатели доклада и в указании на то, что "любая американская администрация обязана в силу ранее принятых

обязательств и учитывая внутренние политические реалии разрабатывать свою мирную стратегию на Ближнем Востоке, находясь в тесном контакте с правительством Израиля". К числу новых реалий авторы доклада отнесли то обстоятельство, что "Израиль глубоко расколот по важным деталям будущего урегулирования, а также в отношении соответствующих методов сохранения мира", хотя этот важный вопрос затронут как бы вскользь, только со ссылкой на расхождения между Ликудом и Партией труда. "Новой реальностью" обстановки авторы доклада сочли также то обстоятельство, что в рамках ООП наибольшим авторитетом пользуются деятели, выступающие за политический путь решения арабо-израильского конфликта, что привело к поляризации сил в палестинском движении и появлению таких группировок, которые придерживаются откровенно экстремистских позиций.

Говоря о возможных конкретных действиях американской администрации в условиях "новых реальностей", авторы доклада отмечали, что эффективность действий США во многом будет зависеть от того, сможет ли администрация действовать достаточно согласованно с конгрессом, поскольку произраильские настроения многих конгрессменов затрудняют политическое маневрирование официального Вашингтона. Если такая согласованность будет иметь место, то, как советуют авторы доклада, особое внимание следовало бы обратить на подключение Сирии к мирному процессу.

Признав впечатляющий рост популярности ООП, авторы доклада, однако, ничего не сказали о том, что она может и должна стать полноправным участником мирного процесса и партнером на возможных многосторонних переговорах по урегулированию, ограничившись указанием на то, что палестинцы на таких переговорах могут быть представлены лицами, специально выбранными для этой цели. Этот пункт доклада вначале прошел как бы незамеченным многими политическими наблюдателями. Однако как показало дальнейшее развитие событий, на этом вопросе оказались сфокусированными последующие соображения США, Израиля и Египта.

Доклад обращал внимание на необходимость промежуточных шагов, которые подвели бы стороны в конфликте к действиям по достижению всеобъемлющего урегулирования. Но включать в число промежуточных мер прекращение состояния войны между арабскими странами и Израилем или отказ арабских государств от мер по политическому и экономическому бойкоту Израиля без указания, в частности, на необходимость вывода израильских войск с захваченных в 1967 г. территорий, значило

бы априорно отдавать Израилю практически все "козыри" и лишить арабскую сторону практически всех позиций для политического торга, за исключением обоюдоострого момента - угрозы новой арабо-израильской войны.

Поездки госсекретаря Шульца на Ближний Восток весной 1988 г. завершились появлением плана Шульца, предусматривавшего начало переговоров Израиля с каждым из его арабских соседей на основе предварительной договоренности о необходимости выполнения Резолюций 242 и 338 Совета Безопасности. В соответствии с этим планом процедура и повестка дня переговоров должны определяться их участниками без какого-либо давления со стороны ООН, Совета Безопасности или великих держав. Палестинское представительство на переговорах с Израилем предполагалось осуществить формированием иордано-палестинской делегации. План Шульца подчеркивал временной фактор: переговоры израильской и объединенной иордано-палестинской делегаций должны начаться с мер переходного периода и завершиться в течение шести месяцев. Затем должны были бы начаться переговоры об окончательном статусе оккупированных территорий, которые могли бы завершиться в течение года. Через три месяца после заключения переходного соглашения начнется переходный период, который будет продолжаться три года.

Основой указанных переговоров план Шульца называл Резолюцию 242 Совета Безопасности, т.е. призывал к соблюдению принципа "территории в обмен на мир". Предусматривалось активное участие американской стороны в тех и других переговорах и более того - говорилось о том, что именно американская делегация представит в самом начале переговоров о переходных мерах проект будущего соглашения.

План Шульца предусматривал созыв мирной конференции по Ближнему Востоку, приглашения на которую мог бы направить Генеральный секретарь ООН. Конференции в плане Шульца отводилась роль своеобразного "зонтика", так как особо оговаривалось, что она "не будет иметь возможности навязывать решения или налагать вето на достигнутые договоренности".

Оценку плану Шульца, который встретил сопротивление Израиля, в конечном итоге его похоронившего, дало межарабское совещание в верхах в Алжире в начале июня 1983 г., в решении которого "констатировалась медлительность и неэффективность этих усилий, а также их бессилие перед лицом Израиля, упорствующего в отказе от поисков мира".

Для понимания существа политики администрации Буша в ближневосточных делах представляет интерес опубликованный

в сентябре 1988 г. доклад Исследовательской президентской группы; он появился в условиях изменения ближневосточной ситуации, которое стало следствием начала и расширения восстания палестинцев на оккупированных территориях.

В докладе говорилось, что стороны в конфликте явно не созрели для того, чтобы решить проблему урегулирования за столом переговоров и поэтому американская сторона не должна форсировать созыв мирной конференции, больше пользы принесет тактика малых шагов, линия на подталкивание сторон в конфликте на небольшие взаимные уступки, что постепенно создаст необходимый для начала конструктивных переговоров "благожелательный климат". В докладе утверждалось, что интифада может служить доказательством стремлений палестинцев утвердить свою власть на всей территории бывшей подмандатной Палестины, что может быть достигнуто лишь путем ликвидации израильского государства. Характерная деталь, которая в дальнейшем стала присутствовать во многих акциях администрации Буша применительно к Ближнему Востоку: в докладе делался упор на необходимость установления контактов с палестинцами оккупированных территорий, а не с ООП, которая якобы выражает исключительно точку зрения палестинской диаспоры.

Даже американские комментаторы отмечали откровенно произраильский характер выводов доклада, поскольку о возможностях мирного процесса говорилось только в увязке с позицией Израиля, с решением вопроса об избрании из среды палестинцев, проживающих на оккупированных землях, специальных представителей для возможных переговоров с представителями Израиля. Дело в том, что в соответствии с израильской позицией палестинцы из диаспоры, депортированные израильскими властями палестинцы и жители арабской части Иерусалима не могут быть допущены к участию в переговорах: первые - потому, что они, по мнению израильтян, не могут выражать интересы тех своих собратьев, которые живут бок о бок с израильтянами уже многие годы, вторые и третьи - потому, что их участие в переговорах вновь поставит вопрос о возвращении палестинцев к родным очагам непосредственно на израильской территории и оживит интерес арабской и мировой общественности к проблеме Иерусалима, который израильтяне считают своей "навечно воссоединенной" столицей.

С первых дней пребывания в Белом доме администрация Буша продемонстрировала, что она не намерена выступать с серьезными инициативами в вопросах ближневосточного его

урегулирования. Поэтому когда весной 1989 г. в Вашингтон с официальным визитом направился глава израильского кабинета Шамир, американская сторона выразила пожелание, чтобы высокий гость в своем дипломатическом багаже привез какие-либо свежие идеи. Шамир выступил с идеей проведения выборов в целях создания органов местного самоуправления на Западном берегу р. Иордан и в Газе, однако каких-либо уточняющих деталей не предложил, поэтому целый ряд вопросов остались как бы "за скобками", например, вопрос об участии в предлагавшихся выборах палестинцев из восточного Иерусалима, который, естественно, может быть отнесен к Западному берегу.

Понимая, что палестинская проблема осталась в конце 80-х гг. главной областью американо-арабской конфронтации, наиболее серьезным препятствием на пути развития политических отношений США с арабскими государствами, американская сторона инспирировала широкое обсуждение в арабских и некоторых западноевропейских СМИ обсуждение вопроса о необходимости создания палестинского "правительства в изгнании". За несколько месяцев до провозглашения Государства Палестина (15 ноября 1988 г.) и, видимо, получив конфиденциальную информацию о планах руководства ООП в этом отношении, американцы пытались "подсказать" палестинцам, каким методам им предпочтительнее пользоваться при борьбе за достижение стратегических целей ПДС. 23 августа 1988 г. "Нью-Йорк Таймс", подчеркивая "незаинтересованность" американской стороны в выборе палестинцами какой-либо формы будущего государственного устройства, писала: "Потенциально, декларация о (палестинской) государственности может принести мир в (ближневосточный) регион. Когда ООП провозгласит создание палестинского государства, она параллельно должна предпринять следующие шаги:

1. Необходимо распустить ООП, превратить ее во временное правительство с новой хартией, оставив тем самым старую палестинскую хартию для истории.

2. Необходимо заявить, что новое государство будет находиться в состоянии мира с Израилем, что оно претендует только на территории Западного берега и Газы и что оно готово вступить в прямые переговоры с израильтянами на межправительственном уровне. Оно также могло бы назначить своего посла в Израиль и поручить ему выступить в кнессете.

3. Необходимо принять закон, запрещающий все активные методы терроризма и нападения на израильских военнослужащих, которые продолжают оккупировать Палестину.

4. Необходимо объявить о готовности вести переговоры с израильтянами по вопросам демилитаризации и специальных гарантий безопасности. Единственное, что в этих условиях потребуется от американской еврейской общины и правительства Соединенных Штатов, это заявить, что они не возражают против создания палестинского государства в принципе и если провозглашение (палестинской) государственности будет идти параллельно с ясным и недвусмысленным заявлением о необходимости жить в мире с Израилем, они должны будут признать палестинское государство и побудить Израиль встретить его на полпути к столу переговоров".

Комментарии официального Израиля в связи с планами создания палестинского "правительства в изгнании" были недвусмысленными. Выступая в кнессете 10 августа 1988 г. премьер-министр Шамир прямо заявил: "Если найдутся маньяки, которые выдвинут эту идею (палестинского "правительства в изгнании"), они встретят наш железный кулак, который не оставит и следа от подобных попыток". Американская сторона не скрывала своего раздражения в связи с этим и аналогичными заявлениями высокопоставленных израильских официальных лиц. В американских СМИ четко проводилась мысль (видимо, по подсказке представителей администрации), что если ООП будет действовать "по алжирскому примеру" и объявит о создании "правительства в изгнании", это не только ускорит общее международно-правовое признание ПДС, но и облегчит проведение американо-палестинских контактов, поскольку США дали Израилю официальное обязательство не вступать в контакт с ООП, а не с "правительством в изгнании."

В течение лета 1989 г. американская сторона настойчиво, но безуспешно пыталась добиться от ООП и египетского руководства (а затем от ООП через посредство египетского руководства) согласия с идеей проведения выборов в органы палестинского самоуправления.

В сентябре появились так называемые десять пунктов Мубарака, которые, судя по всему, отражали мнение не только египетского президента, но и руководства ООП. По сообщениям печати, указанные десять пунктов, переданные Израилю 15 сентября 1989 г., сводились к следующему:

- Израиль призывался признать любые результаты выборов на оккупированных территориях, которые должны проходить под контролем международных наблюдателей и в которых должны принять участие палестинцы, проживающие в восточном Иерусалиме;

- из районов проведения выборов должны быть выведены израильские войска, в день проведения выборов присутствие израильских официальных лиц, представителей оккупационных властей в районах голосования не допускается;

- исключается всякое преследование юридического характера в отношении избранных палестинцев, кандидатам предоставляется полная свобода выражения своего мнения;

- Израиль призывался взять на себя обязательство о начале переговоров об окончательном урегулировании палестинского вопроса в течение 3-5-летнего периода, рассматриваемого как переходный;

- должно быть прекращено строительство израильских поселений на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа;

- Израиль должен принять принцип урегулирования "территории в обмен на мир".

Израильское руководство отрицательно отнеслось к десяти пунктам, что вызвало раздражение американской администрации, которая после длительных переговоров с египтянами посчитала, что она добилась от палестинцев согласия на переговоры с израильтянами на вполне сбалансированных условиях. С десяти пунктами согласилась израильская Партия труда, однако отказ Шамира и его коллег по кабинету - членов группировки Ликуд с этим документом вызвал правительственный кризис в Израиле, который закончился формированием самого правого правительства в истории этой страны.

В результате к началу лета 1990 г. проблема ближневосточного урегулирования вновь оказалась в подвешенном состоянии. 13 июня 1990 г. госсекретарь Бейкер произнес свою знаменитую фразу о том, что когда израильтяне будут готовы к серьезным переговорам, они смогут позвонить по хорошо известному им телефону в государственный департамент и сообщить об этой своей готовности. Другими словами, американская администрация, видя неудачу своих попыток сдвинуть мирный процесс с мертвой точки, не нашла в себе силы выступить с новыми инициативами и предпочла взять тайм-аут. Как писала "Нью-Йорк Таймс", "должностные лица администрации считают, что ничто в общем-то не заставляет сосредоточивать свою энергию на арабо-израильских проблемах и что есть много вещей, заставляющих их направить свою энергию на другие цели".

События второй половины лета 1990 г. на первый взгляд заставили забыть о всех хитросплетениях арабо-израильского конфликта перед лицом реальной опасности глобальной вой-

ны в регионе как следствия реакции США и их союзников на захват Кувейта Ираком. Но и в кувейтском кризисе подоплекой событий были не только претензии Саддама Хусейна на Кувейт, "плавающий на нефтяном озере" (20% запасов всего капиталистического мира). Неурегулированность ближневосточного конфликта - вот что лежало в основе предельно обострившейся, крайне напряженной ситуации в регионе.

Как уже неоднократно случалось на протяжении последних десятилетий, нерешенность арабо-израильского конфликта вновь породила серьезнейший конфликт-спутник. Конечно, размах кувейтского кризиса значительно превышает масштабы любого из конфликтов-спутников. Но нет никакого сомнения в том, что только в условиях постоянной напряженности, неконтролируемой гонки вооружений, распространения в регионе химического, ракетного, бактериологического оружия и его использования (в ходе восьмилетней ирано-иракской "войны в заливе") возросли аннексионистские аппетиты у отдельных лидеров ближневосточных государств. Сохраняющийся раскол арабского мира также явился благодатной почвой для различного рода военно-политических комбинаций, только усилившихся напряженность в регионе накануне войны многонациональной коалиции во главе с США против Ирака - печально известной "Бури в пустыне".

VIII. Мадридская международная конференция: надежды и тревоги

Еще на Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку 1973 г., созванной во исполнение единогласно принятой (внесенной по предложению СССР и США) Резолюции Совета Безопасности ООН, было общепризнано, что решения всех аспектов такой чрезвычайно сложной и весьма деликатной проблемы как ближневосточное урегулирование можно достичь, сочетая многосторонние переговоры в рамках пленарных заседаний конференции с двусторонними переговорами в комитетах и комиссиях, причем договоренности, достигнутые в ходе работы этих комитетов, должны увязываться со всем комплексом проблем урегулирования и "освящаться" авторитетом, соответствующим решением конференции в целом. Вокруг этой процедуры возникли многочисленные политические спекуляции; читатель помнит, что двусторонние египетско-израильские договоренности о разъединении войск обе стороны, а также "незаинтересованный посредник" (США) пытались представить перед мировым общественным мнением, как достигнутые "в рамках Женевы" , что, конечно, не соответствовало действительности.

За восемнадцать без малого лет, прошедших от Женевской до Мадридской конференции, утекло немало воды; но характерно, что большинство предложений по ближневосточному урегулированию, выдвигавшиеся в этот период, имело в качестве непременной составной части упоминание, пусть даже выдержанное в общей форме, о желательности созыва международной конференции.

Возникает вполне законный вопрос: почему понадобилось целых восемнадцать лет, чтобы все стороны "дозрели" до понимания важности созыва новой международной конференции по Ближнему Востоку? Почему не вызывали интереса и проходили по сути дела незамеченными предложения о созыве некой мини-конференции, выдвигавшиеся, в частности, израильской сторо-

ной? Никто не отрицает, что согласие США с необходимостью созыва мирной конференции, настойчивые усилия американской администрации по сведению за столом переговоров непосредственных участников конфликта, признание исключительной важности конструктивного решения палестинской проблемы явились одним из результатов скоротечной антииракской войны многонациональной коалиции во главе с США. Но нельзя сбрасывать со счетов настойчивые, многолетние усилия советской дипломатии, императивом деятельности которой применительно к Ближнему Востоку длительное время был призыв к созыву широкомасштабной мирной конференции, наработанный годами позитивный потенциал наших многочисленных предложений по урегулированию конфликтной ближневосточной ситуации.

Надо честно признать одно немаловажное обстоятельство, которое явно смягчило всегда откровенно негативное отношение Израиля к конференции и подтолкнуло США к проведению целой серии мер, имевших целью убедить ее потенциальных участников в целесообразности созыва международного форума именно осенью 1991 г. Это обстоятельство - внутренние сложности, нарастание внутриполитического хаоса, с которым столкнулся Советский Союз и который привел в конечном итоге к его распаду зимой того же года; прогрессивно ухудшавшееся и обострявшееся внутриполитическое положение нашей страны вело к заметному ослаблению ее международных позиций, к невозможности и дальше играть активную роль в процессе ближневосточного урегулирования. Мне могут возразить: а как же институт сопредседательствования, договоренность о котором была достигнута накануне Женевской конференции 1973 г. во время переговоров с советскими руководителями тогдашнего государственного секретаря Г.Киссинджера, на сохранении которого настаивала американская сторона.

Дело в том, что в международных условиях, сложившихся на начало 90-х гг., институт сопредседательствования на конференции вполне отвечал интересам американской стороны, так как в Вашингтоне были априорно уверены в безусловном согласии другого сопредседателя со всеми возможными политическими и дипломатическими маневрами США. В этих условиях институт сопредседательствования для США превратился и является вплоть до настоящего времени, пока в Кремле у власти находится "друг Борис" и его команда, в которой важное место занимал "друг Андрей", удобной и надежной ширмой; в сохранении института сопредседательствования на конференции американская сторона видит реальную возможность придания ореола согласованности и политической сбалансированности тем сво-

им идеям и предложениям, которые США стали бы вносить в ходе конференции. Американцы были уверены - и эта их уверенность полностью оправдалась, - что влияние нашей страны на ход и решения конференции или ее рабочих органов ощутимо сократятся, что российским (недавним советским) участникам конференции останется одно: соглашаться с предлагаемыми американской стороной модификациями и дополнениями формулы ближневосточного урегулирования.

Первые, достаточно робкие шаги Мадридской конференции помогли тем не менее прояснить некоторые стороны ближневосточной ситуации, вскрыли существо позиций участников переговорного процесса, степень их готовности идти на взаимные уступки, подлинную цену заверений сторон об искренности их стремления к миру.

Необходимость продолжения переговорного процесса, начатого в столице Испании, была признана всеми участниками мадридского форума, несмотря на очень глубокие, застарелые расхождения в позициях, что вызвано укоренившимися за десятилетия стереотипами поведения и оценки ситуации.

В ходе уже первых заседаний конференции стали заметны осложнения в российско-палестинских отношениях, что не могло не вызвать удовлетворения США и Израиля. Дело в том, что даже созыв конференции проходил полностью по американскому замыслу, представители Организации освобождения Палестины (в соответствии с известной израильской позицией) отстранялись от участия в конференции, в состав объединенной иордано-палестинской делегации включались палестинцы, представляющие только оккупированные территории (исключая Восточный Иерусалим), но не палестинскую диаспору. Палестинцы были вынуждены согласиться с этими откровенно дискриминационными условиями, когда убедились, что российская сторона принимает любые американские предложения по "формату" конференции, ее существу, что представители России не намерены обострять отношения с США и Израилем, настаивая на своих, ранее сделанных предложениях о необходимости самостоятельного участия палестинской делегации в работе конференции. По сути дела палестинцы не пользовались на конференции статусом, равным статусу других участников конференции.

Накануне конференции палестинские представители согласились на ограниченное представительство при условии, что на ее последующих этапах (после Мадридского) в составе иордано-палестинской делегации появятся и представители палестинской диаспоры.

Однако накануне московского раунда конференции, на котором ожидалось "программное" выступление президента РФ и обманутые ожидания вызвали появление различных слухов и двусмысленных ухмылок большинства участников, стало известно, что сопредседатели, не поставив в известность палестинских делегатов, решили распространить "мадридскую формулу" палестинского участия и на последующие этапы конференции, что, естественно, вызвало негативную реакцию палестинцев. Официальный представитель палестинской делегации Ханан Ашрауи заявила на пресс-конференции 29 января 1992 г., что "без полного, всеобъемлющего, законного, эффективного представительства палестинского народа прогресс невозможен, поскольку ключ к стабильности в этом регионе находится в руках у палестинцев", что на конференции "палестинцам отводится частичное, неполное представительство одной трети палестинского населения, а то и меньше", что "ограничение и расщепление" палестинского представительства на мирной конференции недопустимы.

На московском раунде конференции палестинцы не получили приглашения для участия в рабочих комиссиях конференции по проблемам водопользования, контролю за вооружениями, по окружающей среде, по экономическому развитию и по беженцам. Со своей стороны, палестинцы предложили создать две новые рабочие группы (комиссии) - по Иерусалиму и по правам человека, однако эти предложения не были "услышаны" другими участниками конференции. В своих официальных заявлениях в ходе московского раунда конференции палестинские представители подчеркивали, что они приехали "для того, чтобы принять участие, а не стоять в стороне от работы конференции и рабочих групп", что они "готовы принимать участие в этой работе, однако не на основе решений, принимаемых Израилем или на основе каких-либо предварительных условий". Палестинские представители указали, что в ходе многосторонних переговоров они должны быть представлены "как полный народ, который в полном объеме и эффективно будет участвовать в этих переговорах". Палестинские представители сделали правильный, но весьма негативный в том, что касается оценок российской позиции и поведения российских представителей вывод, что сопредседатели конференции "не были заинтересованы в обеспечении участия палестинцев" в деятельности комиссий и рабочих групп МКБВ.

Справедливое недовольство и естественную обиду палестинцев вызывало стремление некоторых участников конференции всячески подчеркивать фактическое отсутствие у них государственно-правового статуса, несмотря на известный факт провозглашения Государства Палестины. Отвечая на один из вопросов в ходе пресс-конференции, Ашрауи особо отмечала: "Мы хотим, чтобы мы участвовали как равноправный член сообщества государств. Мы считаем, что к нам не следует относиться как к обездоленным, обделенным, к сироткам. С точки зрения чисто практической, любой процесс поиска мира должен быть основан на поисках такого равновесия. Нельзя отрицать права какой-то одной стороны, необходимо обеспечить развитие этого процесса на прочной основе, придать этому процессу верное направление, и не следует искать справедливости с позиции силы". "Нельзя относиться к палестинцам с позиций превосходства, к нам нужно относиться как к равным партнерам", - подчеркивала Ашрауи. В резкой форме, но справедливо по существу оценила палестинская делегация действия российской делегации. "Российская позиция весьма близка американской позиции, если не идентична ей", - указывалось на брифинге, организованном палестинской делегацией в Москве 28 января 1992 г. Там же было отмечено: "Тот факт, что израильские условия, израильские обеспокоенности были утверждены как условия на многосторонней конференции, которая имеет международное участие и международный статус, является четкой попыткой навязать политику господства вместо политики равенства и примирения".

Убедившись в сговорчивости российской делегации, США и Израиль получили возможность по своему усмотрению манипулировать конференцией и были весьма изумлены, когда это манипулирование срывалось по причине неуступчивости, скажем, сирийской делегации. Оказалось, что даже без поддержки России арабы в состоянии успешно противостоять объединенному американо-израильскому диктату на конференции. Нежелание сирийской и ливанской делегаций участвовать в обсуждении некоторых вопросов в знак протеста в связи с откровенно антиарабскими выпадами американской и израильской делегаций, их отказ приехать на московский раунд конференции создавало серьезные затруднения в работе американской делегации, вынуждало ее к усиленному маневрированию и (неслыханное дело!) к оказанию нажима на делегацию Израиля и в ходе самой конференции и на уровне межгосударственных американо-израильских отношений.

Вообще в ходе конференции стало заметно, что в начале 90-х гг. произошло известное снижение роли Израиля в ближневосточной политике США, чему способствовали два обстоятельства - уверенная "расправа" над Ираком без какой-либо помо-

щи со стороны Израиля, имеющего статус "стратегического союзника" США в регионе, и фактическое прекращение советско(российско)-американской конфронтации, резкое ослабление или полное свертывание советской(российской) военной и экономической помощи арабским радикальным режимам (в частности, сирийскому) и палестинцам, традиционно выступавшим с антиамериканских позиций.

Находящиеся под контролем произраильских сил некоторые американские СМИ утверждали в этой связи, что охлаждение в американо-израильских отношениях стало возможным в силу "молчаливого и пассивного" восприятия американскими евреями некоторых акций американской администрации на Ближнем Востоке, которые якобы носили откровенно антиизраильский характер (прямые американо-палестинские переговоры, сочувственное отношение американского общественного мнения к палестинской интифаде и т.д.). Возникшая отчужденность в американо-израильских отношениях проявилась и в решении президента Буша отложить решение вопроса о предоставлении Израилю займа в сумме 10 млрд. долл. для трудоустройства и расселения еврейских иммигрантов из России (Советского Союза). Это решение побудило Израиль согласиться на участие в мирной конференции, но оно, вопреки расчетам республиканцев, вызвало негативную реакцию американских евреев, которые проголосовали против Буша на президентских выборах 1992 г.

В ходе первого этапа конференции перед всем миром подтвердился непреложный факт, что израильский режим оккупации на захваченных в 1967 г. арабских территориях давно изжил себя, что он уже не может служить предметом политического торга, так как противоречит даже интересам Израиля, что палестинская интифада переросла рамки некой внутриизраильской "неприятности" и превратилась в постоянно действующий фактор ближневосточной ситуации. В израильском обществе к тому времени четко утвердилось представление о том, что - как писал известный государственный и общественный деятель Израиля Ш.Перес - "наше принудительное правление другим народом (палестинцами. *Е.П.*) и насильственное установление общественного порядка в районах, находящихся под военным контролем, влияют на действия государственной власти не только на этих территориях. Хотя мы преследовали одну цель - положить конец терроризму, само существование военной администрации достаточно для того, чтобы возбудить недовольство населения. Недовольство вызывает прежде всего само положение вещей, возбуждающее враждебность обеих сторон. Народ, силой подчиняющий себе другой народ, даже в целях самозащиты, не в состоянии воздерживаться от насилия из-за динамики самого процесса завоевания".

Как показало начало конференции в Мадриде, все ее участники пришли к взаимопониманию по наиболее важному вопросу - о необходимости сохранения и продолжения переговорного процесса. На лидирующую роль в этом процессе всерьез претендовала Сирия, что встретило сопротивление Израиля, который всеми силами стремился предотвратить выработку единого арабского подхода к проблемам, вынесенным на конференцию. Подчеркивая готовность координации своей позиции с США, Израиль одновременно подавал достаточно отчетливые сигналы ливанской и иордано-палестинской делегациям, демонстрировал готовность к достижению компромиссных решений. Такая линия поведения израильской делегации стала значительно более заметной, когда в результате парламентских выборов 23 июня 1992 г. ушло правительство Шамира, постоянно демонстрировавшее свою неуступчивость в вопросах урегулирования, и новым главой кабинета стал ветеран израильской политики, лидер "Авода" И.Рабин, предложивший пост министра иностранных дел Ш.Пересу. Соперничество, противоборство Рабина и Переса в рамках Партии труда, а затем партии "Авода" общеизвестны. "Тем более, - пишет посол России в Израиле А.Бовин, - хочется отметить мужество и мудрость И.Рабина, который, несмотря на предостережения "доброхотов", пригласил Ш.Переса в свое правительство на роль первой скрипки. Но не менее важно сказать о мужестве и мудрости самого Переса, который, достаточно высоко оценивая свое значение и возможности, согласился вместо дирижерской палочки взять в руки скрипку, хотя и первую. Разум победил эмоции. Чувство ответственности взяло верх над личными амбициями. В результате - впечатляющий прорыв на мирных переговорах, прорыв, позволяющий не только мечтать, но и всерьез говорить о Новом Ближнем Востоке, который был бы невозможен, если бы не тандем Рабин - Перес".

Израильское правительство, сформированное в результате июньских (1992) выборов, с самого начала своей деятельности дало понять, что в своей ближневосточной политике намерено придерживаться принципа "земля в обмен на мир"; именно такой подход Вашингтон посчитал вполне реалистичным и могущим привести к успеху. Принцип "земля в обмен на мир" не делит процесс ближневосточного урегулирования на две стадии - сначала возвращение территорий, потом установление мира, речь идет об одновременности, синхронности указанного процесса. По логике же предшественников правительства Рабина - Переса - кабинета Шамира - Леви - положение Резо-

люции 242 от 22 ноября 1967 г. о том, что каждое государство на Ближнем Востоке имеет "право жить в мире, в безопасных и признанных границах" следует понимать как предоставление примата переговорному процессу, признанию Израиля его арабскими соседями, заключению мира, установлению "признанных" границ и только затем возвращению арабских территорий. Точка зрения крайне правых израильских националистов сводится к тому, что возвращение арабских территорий, оккупируемых с 1967 г., будет означать "расчленение" Израиля. Национальный директор американского отделения крайне правой израильской партии "Техия" Дж.Тобин, претендующий на выражение мнения всего американского еврейства, утверждал на страницах журнала "Мидстрим", что "для американских евреев цена политики, которая приводит к падению значимости Израиля для Штатов, утрате прав Израиля на (восточный) Иерусалим и (оккупируемые) территории, неприемлема".

Американская администрация, как республиканская Буша, так и пришедшая ей на смену Клинтона, считала Мадридскую мирную конференцию не только средством разрешения ближневосточного конфликта, но и методом укрепления своего единоличного влияния в ближневосточном регионе. Такой подход неизбежно предусматривает стремление американской администрации к достижению в ходе конференции пусть небольших, но конкретных результатов, которые свидетельствовали бы о "продвижении к миру", что предопределяет оказание американского давления на всех участников конференции, в том числе и Израиль.

После крупного военного успеха США в вооруженном конфликте с Ираком, который привел к восстановлению территориальной целостности Кувейта и разгрому иракской военной машины и экономической инфраструктуры, после созыва под американским давлением и по американским планам Мадридской мирной конференции стало очевидным, что в интересах США закрепление следующих параметров ближневосточном ситуации:

- продолжение сотрудничества между Москвой и Вашингтоном при главенствующей роли последнего, ограничение инициативных шагов России в вопросах ближневосточного урегулирования только теми, которые совпадают с общей американской линией в отношении этого региона;

- упрочение принципов и моральных ценностей, которыми привыкли руководствоваться страны "свободного мира";

- закрепление принципа решения спорных проблем путем двусторонних переговоров, возможно при американском "незаинтересованном" посредничестве;

- обуздание политических амбиций некоторых лидеров ближневосточных государств, что предпочтительнее делать путем демонстрации военной и политической мощи Штатов, а не их прямым вооруженным вмешательством, которое неизбежно ведет к росту и расширению антиамериканских настроений не только общественности, но и некоторых правящих кругов стран ближневосточного региона;

- сохранение в регионе некоторых политических режимов - надежных и верных союзников США, - которые по всем современным мировым стандартам считаются откровенными анахронизмами.

Вместе с тем, несмотря на явное стремление США к созданию "пакс американа" на Ближнем Востоке, США видят для себя определенную выгоду в сохранении участия России, пусть чисто номинального, в деле поисков ближневосточной "формулы мира".

Некоторые политические наблюдатели считали, что созыв МКБВ стал возможным потому, что ее участники пошли на такие уступки, которые противоречили сути и принципам их прежней ближневосточной политики; дело в том, что в соответствии с американскими предложениями, которые были положены в основу принципов, на основании которых созывалась конференция, она не должна была навязывать своих решений и после первых заседаний превратилась в двусторонние переговоры между Израилем и его соседями. Казалось бы, что трансформация мирной конференции в двусторонние арабо-израильские переговоры укрепит позиции тех арабских радикалов, которые видят в этой процедуре лишь путь к сепаратным сделкам. Однако время ушло вперед и непримиримость, бескомпромиссность сторон может только вызвать очередной виток вооруженных арабо-израильских столкновений.

Говоря о выборе момента для созыва конференции, известный американский политолог-ближневосточник У.Квандт указывал: "Мы слышим разговоры об "окне возможностей" для арабо-израильских мирных переговоров. Как и большинство штампов, это лишь ограничивает ценность выяснения гораздо более сложной реальной обстановки. Но правда и то, что настал (эти строки написаны в июле 1991 г., по горячим следам "Бури в пустыне". *Е.П.*) один из тех моментов, когда возможен прогресс в арабо-израильских переговорах. Значительные круги избирателей и в Израиле, и во многих арабских странах готовы пойти на уступки ради мира... На арабо-израильской арене мы должны мыслить терминами длительных усилий с многими перерывами, пока противоборствующие стороны не привыкнут к новой обста-

новке. Но важно начать этот процесс и не упускать из вида цель. Это подводит нас к роли Америки... Мало кто будет спорить сегодня, что американским интересам вполне отвечало заключение мира между Египтом и Израилем. То же самое будет справедливо, если и сегодняшние усилия администрации принесут плоды".

Действительно, американская администрация активно использовала выгодную для Штатов ситуацию, сложившуюся после разгрома и военно-политического и экономического ослабления Ирака, чтобы убедить своих "клиентов" на Ближнем Востоке, а также сирийское руководство и палестинцев, что более удачное время для созыва конференции в будущем вряд ли представится.

Поскольку мирная конференция практически вскоре после своего открытия трансформировалась в двусторонние арабо-израильские переговоры, было логичным ожидать вязких, длительных переговоров в комиссиях конференции и усилий сторон по достижению реального прогресса в случае проведения конфиденциальных переговоров, изъятых из "рамок" конференции и огражденных от навязчивого внимания мировой общественности. Такие закрытые от посторонних нескромных взоров переговоры имели место и их результаты не случайно были названы "прорывом к миру".

IX. Закономерность сенсации. О ходе достижения палестино-израильской договоренности о взаимном признании

Палестино-израильские отношения определяют общее развитие ближневосточной ситуации; очевидно, что если на смену крайней напряженности и враждебности в этих отношениях придут нормализация и сдержанность, серьезный выигрыш будет у обеих сторон, да и у всего "невралгического" ближневосточного региона. Основная сложность на пути к палестино-израильской договоренности длительное время состояла в нежелании сторон вступать в переговоры друг с другом: израильтяне отказывались сидеть за одним столом с "палестинскими террористами", а палестинцы не видели необходимости в контактах с представителями "сионистского образования".

Автор уже имел возможность указать, что ближневосточный конфликт явился проявлением никогда не прекращавшегося противоборства двух национализмов - еврейского, с момента образования Израиля могущего быть квалифицированным как иврит-ский, израильский, и арабского, прежде всего палестинского. Трагическое развитие событий на Ближнем Востоке, свидетелем и непосредственным участником которого является не одно поколение евреев и арабов, стало возможным потому, что и арабы и евреи имеют равное право претендовать на Палестину как на землю предков. С точки зрения практической политики это означает, что исключительным правом на Палестину не обладают ни арабы, ни евреи. Еще в 1947 г., когда в ООН решалась судьба подмандатной Палестины, советский представитель А.А.Громыко указывал: "При анализе разного рода проектов о будущем Палестины необходимо прежде всего учитывать специфику этого вопроса. Необходимо принимать во внимание тот бесспорный факт, что население Палестины состоит из двух народов - арабов и евреев. Каждый из них имеет исторические корни в Палестине. Палестина стала родиной обоих этих народов, каж-

дый из которых занимает видное место в экономике и культурной жизни страны. Историческое прошлое, равно как и условия, создавшиеся в Палестине, не могут оправдать любое одностороннее решение палестинского вопроса как в пользу создания независимого арабского государства без учета законных прав еврейского народа, так и в пользу создания независимого еврейского государства, игнорируя законные права арабского населения. Оба таких крайних решения не принесли бы справедливого решения этого сложного вопроса, так как прежде всего они не обеспечили бы урегулирования отношений между арабами и евреями, что является важнейшей задачей. Справедливое решение его можно найти только при условии, когда будут в достаточной степени приняты во внимание законные интересы обоих этих народов". Жизнь неоднократно подтверждала правильность, сбалансированный и справедливый характер такой позиции, однако стороны в ближневосточном конфликте, ставя перед собой "глобальные" задачи, не задумывались над тем, что выполнение этих задач - будь то "сбрасывание евреев в море", будь то создание "Великого Израиля" - ставит мир на грань крупномасштабного военного столкновения с непредсказуемыми последствиями.

Враждебность между арабами и евреями, которая скапливалась и искусственно нагнеталась в течение многих десятилетий и которая дошла до крайних форм именно в Палестине, многим политическим наблюдателям представлялась до недавнего времени непреодолимым препятствием на пути к прочному и гарантированному миру на Ближнем Востоке, основанному на справедливости для всех. С годами крепло и пробивало себе дорогу и в арабском мире и в Израиле мнение о том, что только на путях равноправного арабо-израильского диалога может быть найдено решение всех сложных и подчас нарочито запутанных аспектов ближневосточного конфликта.

Трагическая судьба президента Египта А.Садата, казалось бы, надолго сняла вопрос об арабо-израильских прямых контактах; однако стало очевидным, что никакие косвенные переговоры, никакая "родосская формула" не заменят контактов "лицом к лицу". Начиная с октябрьской войны 1973 г. в настроениях израильской общественности произошел заметный сдвиг в сторону признания существующих на Ближнем Востоке реалий, понимания того, что палестинцы имеют все основания быть полноправной стороной в процессе ближневосточного урегулирования и иметь право решающего голоса при решении всех вопросов, которые непосредственно касаются их судьбы, их статуса, их будущности, их роли и места в международном сообществе.

Наряду с этой, неуклонно набиравшей силу тенденцией, после октябрьской войны в практической деятельности Организации освобождения Палестины стал активно развиваться процесс преодоления нереалистических и экстремистских тенденций, что повело к заметному укреплению позиций ООП на международной арене, выразившемуся, в частности, в известных решениях XXIX и последующих сессий Генеральной Ассамблеи ООН.

В этих условиях установление и налаживание сперва неофициальных израильско-палестинских контактов представляло собой попытку найти точки соприкосновения в позициях по ряду основных проблем ближневосточной ситуации. Дальнейшее развитие израильско-палестинского диалога, в который постепенно оказались вовлеченными и официальные представители обеих сторон (так, председатель Исполкома ООП Я.Арафат неоднократно встречался с израильскими парламентариями, политологами и журналистами), оказало благоприятное воздействие на выработку новых, значительно более реалистических и учитывающих развитие ближневосточной и мировой ситуации, концепций политического руководства и Израиля и ООП. Первые израильско-палестинские контакты были установлены благодаря инициативе, с которой выступили израильские "умеренные сионисты" - активисты общественной организации "Израильский совет за израильско-палестинский мир", и некоторые представители ближайшего окружения Арафата, в частности трагически погибший впоследствии И.Сартауи. Члены ИСИПМ четко высказывались в поддержку права арабского палестинского народа на самоопределение, признавали ООП в качестве законного представителя палестинцев, призывали к пересмотру правительственной политики Израиля в палестинском вопросе.

В поддержку широкого израильско-палестинского диалога выступила XVI сессия (Алжир, 1983 г.) Национального совета Палестины. После израильской агрессии в Ливане (лето 1982 г.), квалифицированной Ш.Пересом как "трагическая и ненужная операция", в позиции израильских участников диалога стало очевидным стремление получить от палестинской стороны заверения в готовности пойти на некоторые уступки, если диалог перейдет на официальные рельсы. Палестинцы в ходе указанных контактов последовательно выступали за созыв мирной конференции, в ходе которой можно было бы, по их мнению, найти формулу взаимного признания ООП и Израиля.

Однако вполне очевидно, что израильско-палестинский диалог представителей общественности изначально носил ограниченный характер. Известный палестинский юрист Дж.Куттаб ука-

зывал в этой связи: "Не надо забывать, что в палестино-израильских встречах участвуют, как правило, представители умеренных кругов той и другой стороны и им очень хотелось бы достигнутые в ходе встреч результаты расценивать как универсальное средство решения существующих сложностей в палестино-израильских отношениях. Жизнь, однако, значительно сложнее, за участниками диалога стоит широкая палестинская и израильская общественность с множественностью мнений, с оттенками точек зрения, которая вправе не соглашаться с концепциями, выдвигаемыми участниками диалога. Для палестинских участников диалога это означает, что они должны помнить, что есть другие палестинцы, что это не только получившие образование на Западе профессора колледжей, живущие в Иерусалиме, может быть даже с иностранными паспортами; это палестинский народ, живущий в диаспоре, в лагерях для беженцев, может быть даже без документов, удостоверяющих личность, это могут быть лица, которым не разрешается вернуться в родные места, даже приехать туда на короткое время. Для израильских участников диалога нельзя забывать, что они относятся к привилегированным кругам, что, хотят они этого или нет, они представляют оккупирующую нацию и даже правительство страны, которое они с такой горячностью готовы критиковать. Придерживаясь либеральных точек зрения, они не должны никогда забывать, что являются частью израильского общества, которое угнетает палестинцев".

Израильское руководство, в своем большинстве - представители правонационалистического блока Ликуд откровенно негативно реагировали на завязавшийся диалог. В августе 1986 г. был принят специальный закон, который предусматривал тюремное заключение для граждан Израиля, находящихся в контакте с официальными представителями "организации, объявленной правительством террористической", т.е. ООП.

Когда после парламентских выборов 1988 г. глава израильского кабинета Шамир "поделился властью" с Партией труда ("Авода"), он рассчитывал, что включение "лейбористов" в коалиционное правительство помешает им присоединиться к тем политическим силам, которые выступают за контакты с ООП и официальные переговоры с ней. Этого не случилось; широко известным стало заявление министра научных исследований (министра обороны в период октябрьской войны, в настоящее время президента) Э.Вейцмана о том, что необходимо начать прямые переговоры с ООП. Эта точка зрения была активно поддержана бывшим министром иностранных дел А.Эбаном, который в интервью лондонскому журналу "Мидл Ист" особо подчеркнул, что помимо Вейцмана "еще пять или шесть министров придерживаются такого же мнения, но пока они не сочли нужным публично изложить свое мнение - за исключением генерала Мордехая Гура, который является членом кабинета от Партии труда и который также сказал, что к ООП необходимо подходить с гораздо более реалистических позиций". В опубликованном (в марте 1989 г.) секретном докладе руководителя военной разведки Израиля генерала Шахака прямо говорилось, что восстание палестинцев на оккупируемых Израилем территориях будет продолжаться бесконечно, если Израиль не предпримет существенных шагов в направлении переговоров с ООП.

Постепенно израильская общественность признала, что только сосуществование палестинцев и израильтян, основанное на мирных, должным образом оформленных и гарантированных отношениях, должно явиться приемлемым и реальным будущим для Палестины, что выход из тупика может быть найден в случае, если начнутся официальные прямые палестино-израильские переговоры, причем израильтяне должны априорно согласиться, что палестинскую сторону на этих переговорах будут представлять или непосредственно функционеры ООП, или лица, тесно связанные с ООП, действующие в тесном контакте с ней и выражающие ее точку зрения.

Такой подход молчаливо подразумевался в предвыборной программе партии "Авода", одержавшей победу на очередных парламентских выборах в июне 1992 г. Характеризуя значение этой победы для придания новых импульсов поискам сбалансированного решения ближневосточного конфликта, Ш.Перес отмечал: "Если бы израильская общественность не решила в июне 1992 г. сменить политику "топтания на месте" на политику "преодоления трудностей", не возникло бы никакой реальной возможности осуществить тот резкий поворот во внешней политике, который сегодня стал основой взаимного признания между Израилем и ООП и создал перспективу достижения всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке". Как известно, на участие в Мадридской конференции согласилось еще правительство Шамира, но только после прихода к власти правительства Рабина - Переса переговоры стали более интенсивными. Посол Бовин справедливо отмечает, что после выборов 23 июня "позиция израильтян стала более конструктивной, более гибкой, что позволило им требовать соответствующих перемен в позициях партнеров по переговорам".

Именно политическая гибкость в сочетании с уверенностью в своих силах позволила новому израильскому руководству выступить с инициативой проведения максимально конфиденци-

альных, тщательно скрытых от общественности и прессы переговоров с руководством ООП, параллельных с переговорами в рамках конференции. Даже в нашей печати сообщалось, что переговоры велись "более десяти дней"; на самом деле они продолжались почти восемь месяцев, но благодаря умелой конспирации была ликвидирована малейшая возможность утечки информации. Этому способствовал также выбор места переговоров - столица Норвегии Осло, отдаленная от шумных "дипломатических перекрестков" Европы и Америки. "Место для переговоров было идеальным, - пишет Ш.Перес. - В Норвегии никто не гонялся за сенсациями. Именно от того, что переговоры в Осло, в отличие от переговоров в Вашингтоне, были изолированы от средств массовой информации, мы могли вести их месяцами. Стороны прямо, с глазу на глаз обсуждали свои проблемы, а не ораторствовали напоказ".

Стороны в ходе закрытых переговоров договорились о взаимном признании. Это было сенсацией для мировой печати; для политологов, которые давно и профессионально занимаются ближневосточной проблематикой, это было ожидаемой сенсацией.

С израильской стороны была официально выдвинута и подвергнута всестороннему обсуждению в ходе бесед в Осло идея "Газа, Иерихон - сначала". Соглашение о взаимном признании предоставляет палестинцам широкую автономию в секторе Газа и Иерихоне, а также некоторую автономию в других районах, причем в ходе дальнейших переговоров автономия будет постепенно расширяться, пока не охватит всего Западного берега р. Иордан, который недавно еще назывался в израильской пропаганде "библейскими провинциями" Израиля - Самарией и Галилеей.

Официально израильская сторона объясняла свой выбор Газы и Иерихона желанием предоставить ООП "то, что можно назвать собственным домом". В действительности сектор Газы - это "полюс бедствий" палестинцев, социальная напряженность и обостренные отношения между палестинцами и оккупационными властями там проявлялись значительно резче, чем в других удерживаемых Израилем палестинских территориях. Район Иерихона - это малонаселенный край иудейской пустыни недалеко от р. Иордан и Мертвого моря, город-курорт.

Было условлено, что сначала палестинцы получат большую автономию в секторе Газа и в районе Иерихона и меньшую - в прочих районах оккупированных территорий. В Газе и Иерихоне палестинские автономные власти будут самостоятельно решать вопросы образования и культуры, здравоохранения, социального обеспечения и налогообложения жителей этих территорий. В соответствии с израильско-палестинской договоренностью было предусмотрено создание палестинской полиции, но израильской армии поручалось охранять палестинскую автономию по периметру и израильские поселения на территории автономии. Договоренность также предусматривала проведение всеобщих выборов в Палестинский совет, который будет править всеми палестинскими территориями, до его созыва на первую, инаугурационную сессию израильские войска должны были покинуть все населенные пункты Палестины, а из Газы и Иерихона они должны были быть выведены в течение четырех месяцев со дня подписания палестино-израильской договоренности о взаимном признании.

Договоренность была оформлена специальным соглашением, которое было подписано в Вашингтоне 13 сентября 1993 г. в присутствии президента Клинтона, премьер-министра Рабина и председателя исполкома ООП Арафата.

Хотя 13 сентября 1993 г. по праву считается "большим днем" в многотрудной и зачастую трагической истории израильско-палестинских отношений, подписание соглашения о взаимном признании, обусловленное отказом ООП от принципов Палестинской хартии 1964 г. (вооруженная борьба с Израилем вплоть до победы, непризнание прав еврейских иммигрантов, прибывших в Палестину после начала сионистского движения), не решило и не могло за один раз решить все сложные проблемы этих отношений. Различное трактование положений достигнутого соглашения было очевидным с самого начала. По мнению палестинцев, которое не разделял Израиль, в соответствии с соглашением все оккупированные территории должны были пользоваться широкой автономией в равной степени, просто из Газы и Иерихона должны были быть раньше выведены израильские войска. Палестинцы считали, что палестинская юрисдикция должна распространиться на Восточный Иерусалим, в то время как Израиль по-прежнему придерживался своей старой позиции, заключавшейся в том, что Иерусалим - это навеки объединенная его историческая и официальная столица. В дальнейшем, правда были сделаны два заявления Ш.Переса (не дезавуированные израильским правительством) о возможности неких арабских анклавов в пределах города (например, в местах, где находятся святые места мусульманской религии, с небольшими территориальными участками в придачу, над которыми будет установлен палестинский суверенитет). Палестинцы (судя по заявлению председателя исполкома ООП Я.Арафата) также считали, что соглашение предоставляет всем палестинским беженцам,

покинувшим свои родные места после воины 1967 г., право вернуться домой, при этом речь может идти о 800 000 или даже одном миллионе беженцев. Израильтяне предпочли обойти этот вопрос молчанием, а Перес попытался опровергнуть заявление Арафата.

"Чтобы достичь нынешнего рубежа, - писала "Нью-Йорк Таймс", - от израильского руководства во главе с премьер-министром И.Рабином и министром иностранных дел Ш.Пересом и от внутреннего круга палестинцев вокруг председателя (исполкома) ООП Я.Арафата потребовались мужество, широкое видение и тонкость. В еще большей мере эти качества понадобятся для того, чтобы превратить договоренность, достигнутую на секретной стадии переговоров в Норвегии, в подлинный мир на Ближнем Востоке". Американская сторона была приятно удивлена сдвигом в израильско-палестинских отношениях; конечно, вряд ли для Вашингтона достигнутая договоренность была неожиданностью, однако, судя по всему, многие детали переговоров в Осло были для них неизвестны. Уже после 13 сентября 1993 г. американская печать писала: "Завершившиеся переговоры в Норвегии стали прямым результатом многолетних контактов между правящей в Норвегии Рабочей партией, израильской Партией труда и ООП. В 1988 г. связанный с профсоюзным крылом Рабочей партии Норвегии исследовательский институт в сотрудничестве с правительством Израиля и ООП приступил к изучению условий проживания населения на оккупированных территориях. После того как в прошлом году к власти в Израиле пришло правительство И.Рабина, проводившие исследование сотрудники института оказались в числе инициаторов серии неофициальных обсуждений между руководителями ООП и представителями израильского правительства. В конечном итоге эти обсуждения вылились в состоявшиеся в Осло секретные переговоры".

Конечно, для многих западных политических наблюдателей случившееся было сенсацией. При всей неожиданности поворота событий в израильско-палестинских отношениях свое взяла логика жизни. Палестинцы подали ясный сигнал об отказе от формулы "все или ничего"; на одном из последних израильско-палестинских форумов перед достижением договоренности было четко подтверждено желание руководства ООП провести встречу с израильтянами на высшем уровне, Арафат вновь заявил о своей готовности направиться с этой целью в Тель-Авив. Все это сказалось на результатах переговоров в Осло, где было решено отнести рассмотрение та-

кого сложного, например, вопроса как судьба Иерусалима на последующие этапы переговоров. Согласие палестинцев вступить на путь поэтапных решений палестинской проблемы заставило Израиль отказаться от длившихся долгие годы бесплодных попыток найти альтернативу ООП и ее лидеру.

В некоторых поспешных действиях израильского руководства накануне подписания соглашения с палестинцами просматривался замысел расколоть палестинцев на соглашателей и непримиримых; однако следует признать, что правительство Израиля нашло в себе силы отказаться от "дипломатии с двойным дном", понимая, что она в стратегическом плане самоубийственна для Израиля. Политический обозреватель "Правды", известный ближневосточник Ю.Глухов писал в те дни: "Ахиллесова пята Тель-Авива - мирный процесс, необходимость выполнения Резолюций 242, 338 и 425 Совета Безопасности ООН об освобождении земель, захваченных у палестинцев, Сирии, Ливана. Обмен "земля на мир" болезнен для израильтян, больше привыкших рассчитывать на собственный кулак, чем на международные гарантии. Начавшийся мирный процесс мучителен, как восхождение на Голгофу, для палестинцев. Но у тех и у других нет иного выбора, если они думают о завтрашнем дне". Справедливое замечание, хотя и отдающее устоявшимися в нашей пропаганде антиизраильскими стереотипами в том, что касается болезненного восприятия в Израиле принципа урегулирования "земля в обмен на мир". Действительно, этот принцип встречается в штыки израильскими правыми националистами, религиозными фанатиками и "политиками вчерашнего дня". Но он во многом определяет отношение к урегулированию партии "Авода", которая с июня 1992 г. находится у власти и своей последовательной линией на установление мирных и равноправных отношений с палестинцами заслужила несомненный авторитет в глазах израильской и мировой общественности; ее руководство отдает себе отчет, что позиция израильских правых антинациональна, что она провоцирует экстремистские элементы в ПДС, антиарафатовские группировки в ООП, которые вплоть до настоящего времени, несмотря на укоренение и расширение процесса палестино-израильских договоренностей, считают, что с Израилем нельзя договориться.

Соглашение 13 сентября 1993 г. встретило неоднозначный прием в арабском, израильском и мировом общественном мнении, возникал естественный вопрос (на который не дано исчерпывающего ответа вплоть до настоящего времени) - является ли палестино-израильское соглашение подновлен-

ным вариантом кэмп-дэвидских договоренностей 1978 г. или это определенный прорыв, серьезный шаг на пути к справедливому миру на Ближнем Востоке.

Прошедшие с момента подписания соглашения два года, во время которых продолжались с различной степенью интенсивности палестино-израильские переговоры по широкому спектру двусторонних отношений дают основание верить, что обе стороны, несмотря на стоящие перед ними серьезные внутренние трудности, активное и открытое противодействие палестино-израильской нормализации, исходящее от экстремистских кругов и в Израиле и внутри палестинского движения, намерены шаг за шагом расширять палестинское самоопределение. Конечно, потенциал насилия, которым обладают экстремистские меньшинства в обоих лагерях, палестинском и израильском, бесспорен и достаточно весом. Но большинство израильтян и палестинцев по-прежнему видят в документе, подписанном в Вашингтоне 13 сентября 1993 г., реальный шанс добиться казалось бы невозможного - мирного палестино-израильского урегулирования. Палестинцы справедливо считают - и это не вызывает былой аллергии в Израиле, - что процесс создания палестинских автономных структур, их практическая деятельность способны проложить путь к учреждению будущей палестинской государственности, к наполнению конкретным содержанием понятия Государство Палестина.

Наконец, очень важно отметить, что палестино-израильская договоренность, несмотря на ее неполноту и проистекающие отсюда несовершенства, способствовала поддержанию необходимой политической "температуры" в иордано-израильском, сирийско-израильском и ливано-израильском урегулировании. Откровенный сепаратизм кэмп-дэвидского "миротворческого процесса" не смог завлечь в свои тенета ни Иорданию, ни Сирию, хотя на это очень рассчитывали его творцы. Но палестино-израильская договоренность послужила сигналом и для Иордании и для Сирии. Следовательно, она может считаться определенным прорывом на пути к всеобъемлющему миру в ближневосточном регионе, конструктивным вкладом в дело полного урегулирования конфликтной ситуации в этом районе.

Такая, могущая показаться явно завышенной, оценка палестино-израильской договоренности о взаимном признании и соглашения от 13 сентября 1993 г. априорно исходит из того, что на пути к своей реализации эта договоренность должна преодолеть много препятствий. Было бы просто неестественно, противоречило бы закономерностям развития исторического процесса и динамике международных отношений на Ближнем Востоке, если бы таких препятствий не было.

Надо признать, что доверие палестинцев к мирному процессу, к возможностям осуществления соглашения от 13 сентября, зафиксировавшего принципы палестино-израильского урегулирования, пошатнулось прежде всего потому, что проходящие в настоящее время палестино-израильские переговоры о выводе израильских войск с Западного берега р. Иордан, о проведении выборов в Палестинский совет продвигаются вперед явно черепашьими шагами. Когда в конце июня 1995 г. государственный секретарь У.Кристофер за два с половиной года пребывания на посту главы внешнеполитического ведомства уже в тринадцатый раз посетил Ближний Восток, он не скрывал своей главной задачи - подтолкнуть мирный процесс на основных его направлениях - сирийском и палестинском. Но здесь опять просматривалась американская тактика "малых шагов", которая больше устраивает израильтян: Кристофер уговаривал Арафата согласиться на отвод израильских войск сначала только из четырех городов Западного берега, что, разумеется, не отвечает интересам палестинцев. 23 сентября 1995 г. делегациям Израиля и Палестины удалось завершить переговоры и парафировать договор о проведении в жизнь второй стадии решений, упоминавшихся ранее, которые получили название "Осло-2", так как были достигнуты в Осло более двух лет тому назад. Вторая стадия решений касалась отвода израильских войск из палестинских городов и проведения выборов в палестинский парламент. Сам договор был подписан несколько позднее, на официальной церемонии в Вашингтоне. Согласно положениям договора, Западный берег р. Иордан - официально неаннексированная Израилем часть Палестины, 21% территории всей Палестины в границах британского мандата (до 1947 г.), по договору делится на три части и только одна треть подлежит автономизации.

Договор, с большим "скрипом" ратифицированный израильским кнессетом 61 голосом против 59, не удовлетворил ни палестинцев, ни израильтян. Палестинцев потому, что вывод израильских войск растянется на многие месяцы, что еврейские поселенцы не подпадают под палестинскую юрисдикцию и неподсудны палестинским судам; израильтян потому, что их не устраивает переход к более современной системе контроля над палестинскими территориями, потому, что израильские поселенцы не намерены подчиняться указаниям

и предписаниям палестинских автономных властей.

В ходе дебатов, предшествовавших ратификации договора в кнессете, представители израильского правительства раскрыли некоторые детали договоренности с палестинцами. По словам покойного премьер-министра Рабина, израильская армия будет выведена только из центров городов, большая часть оккупированных территорий остается по сути дела в прежнем положении. В свою очередь представители правонационалистической оппозиции в кнессете требовали в ходе дебатов расширения еврейских поселений и "трансфера" (перемещения, а на деле вытеснения) неевреев с оккупированных арабских земель.

Наиболее трудной и затяжной представляется третья часть палестино-израильских переговоров, когда речь будет идти о постоянном решении палестинской проблемы, о международно-правовом статусе арабских земель, пока еще находящихся под израильской оккупацией, о судьбе Иерусалима.

В израильско-палестинских отношениях сохраняется еще очень много "взрывчатых" проблем, которые в случае обострения общей ближневосточной ситуации в состоянии пустить под откос весь процесс ближневосточного урегулирования.

Так, затяжка с выводом войск Израиля с палестинских территорий льет воду на "мельницу" палестинских экстремистов, а их террористические акции, вроде взрыва мины в израильском автобусе 24 июля 1995 г., дает израильским "кунктаторам" необходимые аргументы для оправдания своей тактики затяжек и проволочек. Затягивая вывод войск и проведение выборов в Палестинский совет, израильтяне ссылаются на соображения безопасности, они требуют, чтобы палестинская национальная автономия приняла эффективные меры против вооруженных противников урегулирования, прекрасно понимая, что сделать это очень непросто. "Мы понимаем потребности Израиля в безопасности, - подчеркивает Арафат. - Но тупик подыгрывает фанатикам, создает атмосферу, которую они используют в своих целях. Выход - только в ускорении "мирного процесса".

Министр планирования и международного сотрудничества ПНА Набиль Шаат справедливо считает автономию палестинцев, реализацию лозунга "Газа и Иерихон - сначала!" началом необратимого процесса возвращения палестинцев на родину и практического создания палестинского государства.

Вместе с тем палестинцы главную вину за затяжки с реализацией соглашения о принципах урегулирования справедливо возлагают на израильскую сторону, несмотря на то, что ее политическая гибкость сделала возможным подписание совместного документа от 13 сентября. "Проблемы, с которыми столкнулись (палестино-израильские) переговоры, - сказано в заявлении исполкома ООП от 27 февраля 1995 г., - есть результат намеренной политики правительства Израиля. "Мирный процесс" вращается и замкнутом круге, теряя доверие и способность к продолжению".

Но тупик в "мирном процессе" во многом носит искусственный характер, он вполне преодолим, так как в его преодолении заинтересованы не только палестинцы, но и Израиль. Понимание важности кардинальных перемен в ближневосточной ситуации определяет отношение руководства Иордании и Сирии к важности нормализации отношений с Израилем.

X. О достижении израильско-иорданской договоренности о нормализации отношений

О короле Иордании Хусейне Бен Талале, который возглавляет свое государство с 1952 г. (как и королева Великобритании Елизавета II) и умело ведет свою политическую линию, успешно избегая многочисленных подводных камней и минных полей, которыми так богат Ближний Восток, сложилось мнение как о политике прозападного толка. Придерживающиеся этого мнения политологи при аргументации своей точки зрения ссылаются на полученное им в Великобритании образование (замечу попутно - блестящее), на то, что Иордания, руководимая Хусейном, как правило поддерживает акции западных государств, в частности США на Ближнем Востоке и выступает против прогрессивных арабских режимов, например, она выступила против создания Объединенной Арабской Республики в 1958 г., против антимонархической революции в Ираке в том же году, не испытывала больших симпатий к насеровскому Египту и учинила военный разгром Палестинских отрядов в 1970-1971 гг.

"Прегрешений", как видите, достаточно, чтобы обвинить Хусейна в прозападных политических симпатиях, а Иорданию безапелляционно отнести к числу тех арабских государств, на которые при любых обстоятельствах может рассчитывать Запад при проведении своей политики в ближневосточном регионе, которые якобы только и ждут удобного момента, чтобы вступить в отношения с Израилем.

Скажу сразу: дело не в моих личных глубоких симпатиях к королю, с которым всегда исключительно интересно и полезно беседовать, не в том, что короля можно смело отнести к первой пятерке арабских лидеров последних сорока лет, живых и уже ушедших от нас, дело в том, что профессиональные политики, журналисты, ученые, считающие Хусейна прозападным политиком, почему-то не принимают во внимание, что все "прозападные" акции короля отвечали прежде всего интересам его государства, что они способствовали укреплению международного и внутреннего положения Иордании.

Мои друзья-палестинцы в свое время весьма резко оценивали политику короля, сравнивали Хусейна с российским "героем момента" - А.Ф.Керенским, но они никогда не отказывали ему в уме, политической гибкости и умении любыми путями достигать поставленной цели. "Всякий путь хорош, если он ведет к победе", - говорил покойный М.М.Ботвинник. Это высказывание мне всегда вспоминается, когда речь заходит о международной, межарабской и внутренней политике короля Иордании Хусейна Бен Талала. Есть и другое популярное высказывание, приписываемое британскому политику XIX в. Дизраэли - "у нас нет постоянных союзов, у нас есть постоянные интересы". Эти слова могут служить ключом к пониманию "прозападной" политики короля. Если с этих позиций рассмотреть политическую линию Иордании при Хусейне, нетрудно убедиться, что все политические акции главы этого государства были направлены на его упрочение, на повышение международного авторитета Иордании, они были "прозападными" только постольку, поскольку отвечали интересам укрепления трона, интересам иорданской политики на Ближнем Востоке.

Одно из стереотипных обвинений короля, выдвигаемых его политическими оппонентами, заключается в том, что Хусейн якобы всегда был готов "пойти на мировую" с Израилем, о чем свидетельствуют его конфиденциальные встречи в Западной Европе с некоторыми израильскими лидерами - ныне покойным И.Аллоном, А.Эбаном, Ш.Пересом. С позиций сегодняшнего дня эти обвинения выглядят смехотворно, поскольку король в ходе этих встреч занимался тем же самым, чем сегодня усердно занимаются многие арабские лидеры - поисками точек соприкосновения в позициях своей страны и Израиля по всему комплексу вопросов ближневосточного урегулирования, обсуждением взаимоприемлемых путей достижения сбалансированного мира в регионе. Эти встречи могут свидетельствовать только об одном: король Иордании раньше очень многих арабских руководителей понял, что интересы живущего и будущих поколений арабов и израильтян требуют нахождения устраивающей и арабов и израильтян "формулы мира". Можно с полным основанием утверждать, что эти же мысли тревожили покойного Гамаля Абд эль-Насера, который еще в ноябре 1967 г., когда весь арабский мир буквально кипел ненавистью по отношению к Израилю, назвал евреев (в интервью главному редактору французского журнала "Эвенман" д'Астье де ла Вижери) "двоюродными братьями" арабов, напомнил, что их сосуществование длилось на протяжении

многих веков и что судьбой им выпало жить "в одном доме". Первые, достаточно робкие и не встретившие понимания у израильтян попытки "наведения мостов" в арабо-израильских отношениях предпринял дед короля Хусейна - король Трансиордании Абдалла, заплативший за эти попытки собственной жизнью. Большой портрет деда не случайно висит над головой Хусейна в его рабочем кабинете - король принял к неуклонному и повседневному исполнению завет предка делать максимум возможного для упрочения иорданского государства.

Король Хусейн отказался примкнуть к кэмп-дэвидским соглашениям, несмотря на настойчивые уговоры американцев и египтян; он критически воспринял план Рейгана и последовательно отвергал все американо-израильские идеи о ближневосточной "мини-конференции"; король не побоялся выступить в поддержку кувейтской авантюры Саддама Хусейна, так как считал, что только политический шок, каковым была иракская аннексия Кувейта, заставит американцев пойти на мирную ближневосточную конференцию и на поиски политического решения палестинской проблемы; он, не задумываясь, отказался в пользу палестинцев от ответственности за судьбы Западного берега р. Иордан, хотя ранее был автором плана создания Объединенного арабского королевства в составе двух автономных районов - Иорданского и Палестинского. Только эти шаги говорят о короле как о решительном и смелом мыслителе и политике-практике, прекрасно разбирающемся в хитросплетениях ближневосточной ситуации в контексте современных международных отношений.

Западный берег р. Иордан занимает особое место в соображениях и планах иорданской королевской семьи. Общеизвестно, что этот район по Резолюции ГА ООН от 29 ноября 1947 г. должен был входить в состав арабского государства в Палестине. Но в результате арабо-израильской войны 1948-1949 гг. (называемой в Израиле "войной за независимость", каковой она действительно была в применении к судьбе еврейского государства в Палестине) Западный берег и Восточный Иерусалим отошли под контроль Иордании. Соответствующим решением Совета Лиги арабских государств иорданский контроль над указанными территориями был признан в качестве временной меры, действенной только до момента создания в Палестине арабского государства. Именно это решение ЛАГ выполняется сейчас, когда на Западном берегу постепенно вводится палестинское самоуправление (равно как и в секторе Газа, находившемся с момента Палестинской войны вплоть до войны 1967 г. под египетским контролем.) После потери Иорданией в результате "шестидневной войны" 1967 г. Западного берега и Восточного Иерусалима некоторые члены королевском семьи (королева-мать Зейн, младший брат Хусейна наследный принц Хасан) высказывались за то, чтобы хашимитская династия во главе с королем Хусейном основное внимание уделила территориям к востоку от р. Иордан, т.е. собственно Трансиордании. Король, судя по его плану создания ОАК, придерживался иной точки зрения. Хотя с момента выдвижения плана в 1972 г. обстоятельства заметно изменились и король сделал официальное заявление о том, что Иордания более не несет ответственность за судьбы Западного берега, трудно предположить, что он легко расстался с мыслью о создании иордано-палестинской федерации под своим верховенством. Правда, в нынешних условиях присоединение к Иордании Западного берега было бы равносильно "глотанию ежа".

Палестино-израильская договоренность о взаимном признании во многом развязала руки королю Хусейну, хотя о секретных палестино-израильских переговорах и содержании будущей договоренности он не был информирован заранее. Но Хусейн заявил, что решил "пустить все личные возражения побоку", чтобы сделать все, дабы соглашение заработало. "Если и оно провалится, то помочь всем нам сможет разве один только Всевышний", - сказал король. Хотя король и заверил в поддержке палестинцев, заявил о признании за ними права договариваться насчет будущего управления оккупированными территориями с Израилем напрямую, вряд ли он смог смириться с утратой своей роли стража святых мест ислама в Иерусалиме. Заявив о своем желании установить какую-то форму арабского правления в Восточном Иерусалиме, король указал: "Как знать, может удастся найти какую-то грань, отделяющую религиозную сторону проблемы от прочих ее аспектов, так, чтобы хотя бы в демографическом аспекте возникла какая-то надежда превратить Иерусалим в столицу обеих сторон". Действительно, Иерусалим - это основная проблема урегулирования. Если она не будет решена на основе справедливости, то это разрушит весь "мирный процесс". Несмотря на то что Восточный Иерусалим официально аннексирован Израилем и бывший глава израильского правительства И.Рабин не уставал повторять, что "объединенный Иерусалим останется израильской столицей навечно", палестинские жители "вечного города" не являются израильскими гражданами. В палестино-израильской декларации о принципах урегулирования записано, что жители Восточного Иерусалима могут участвовать в выборах палестинской автономной администрации. Но израильтяне трактуют это положение весьма своеобразно. Они утверждают, что "участвовать" - значит только го-

лосовать, но не выставлять кандидатуры на выборах. Такую трактовку арабская сторона, естественно, отвергает.

Только после подписания палестино-израильского соглашения король Хусейн согласился выступить с общей декларацией с премьер-министром Рабином о завершении состояния войны между Израилем и Иорданией, об установлении мира, нормальных дипломатических отношений и обмена посольствами между ними. В результате этого соглашения Израиль публично признал особый статус короля Иордании в Иерусалиме как хранителя святых мест ислама, что вызвало недовольство Арафата. Несмотря на то что эта уступка Израиля носит проиорданский характер, в общем плане ее можно расценить как подвижку в традиционно негативистской позиции Израиля по проблеме Иерусалима.

В развитие иордано-израильской декларации, через несколько дней после ее подписания в Вашингтоне, в начале августа 1994 г. на берегу Мертвого моря встретились главы внешнеполитических ведомств трех стран - Перес, Кристофер и Маджали. В ходе встречи были достигнуты практические договоренности: новые дороги соединят Иорданию с израильскими средиземноморскими портами и с Египтом через пустыню Негев, откроется дополнительное число пограничных застав для перехода туристов из третьих стран, начнет работать прямая телефонная связь, будут решены пограничные споры и вопрос о дележе водных ресурсов. Все это уже делается.

Согласно единодушной оценке политических наблюдателей, в вопросе принятия иордано-израильской декларации король Хусейн выступил как реалист и прагматик; эта договоренность была дополнена целым рядом конкретных двусторонних соглашений и кроме того США списали Иордании ее долги, оцениваемые некоторыми наблюдателями в 6 млрд. долл. Договоренность практически не встретила протестов ни в Иордании, ни в Израиле (в отличие, как известно, от палестино-израильской договоренности).

Таким образом, за небольшой промежуток времени в мозаику ближневосточного урегулирования были вставлены многие недостающие и очень важные составные части; египетско-израильский мирный договор от 26 марта 1979 г. был дополнен палестино-израильским и иордано-израильским соглашениями. Действительно, "крот истории" роет в правильном направлении.

В случае благоприятного развития событий, при честном выполнении сторонами достигнутых договоренностей, при активном подключении к “мирному процессу” Сирии и Ливана можно будет говорить об оформлении общих контуров системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке. Думается, что в идее установления такой системы все ближневосточные государства нашли бы привлекательные для себя стороны - от проблем безопасности, сокращения вооружений до широких мер взаимного доверия и планов последующего комплексного и согласованного экономического развития региона. Установление системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке закрепило бы и должным образом гарантировало бы переговорный арабо-израильский процесс.

XI. Сирия-Израиль: лед тронулся, но до его таяния еще далеко

Вскоре после прихода к власти правительства Рабина в западных СМИ начали появляться сообщения о том, что глава израильского кабинета принял решение возвратить Сирии принадлежащие ей Голанские высоты, захваченные в результате "шестидневной войны". Даже сторонники создания "великого Израиля" признают, что Голаны никогда не были исконной еврейской территорией, что коренные обитатели этого региона - арабы и друзы.

Упорное "цепляние" Израиля за Голанские высоты объясняется прежде всего чисто военными соображениями, так как Голаны как бы "нависают" над северной частью израильской Галилеи, размещенная (до войны 1967 г.) на Голанах сирийская артиллерия и ракетные установки неоднократно обстреливали израильские территории. Во время октябрьской войны 1973 г. сирийские войска неожиданным ударом освободили большую часть Голанских высот, но затем были вынуждены отойти назад. После первого (и единственного) сирийско-израильского соглашения о разъединении войск на Голанах от 31 мая 1974 г. израильтяне ушли из района города Аль-Кунейтра, а в 1981 г. кнессет принял официальное решение об аннексии Голан, провозгласив их "неотъемлемой частью Израиля", что было осуждено Резолюцией 497 Совета Безопасности.

Существовали планы полной демилитаризации Голанских высот как непременном условии их возвращения Сирии, однако ни сирийцы, ни израильтяне не давали каких-то "сигналов" о приемлемости этих планов в качестве основы для решения проблемы Голан, являющейся одной из важнейших проблем сирийско-израильских отношений.

Несмотря на заявления о готовности решить проблему Голан, Сирия и Израиль расходились в оценке последовательности шагов в этом вопросе, что является расхождением принципиального характера. Сирийцы до самого последнего времени видели последовательность шагов в вопросе нормализации отношений с Израилем следующим образом: сначала Израиль возвращает Голанские высоты, затем готовится и подписывается мирный договор, включающий гарантии взаимной безопасности. В соответствии с точкой зрения Израиля выстраивалась следующая последовательность действий сторон: заключается мирный договор, вводятся в действие необходимые гарантии безопасности и наконец Сирии передаются Голанские высоты, но только поэтапно.

В конце мая 1995 г. обе стороны достигли необходимых "рамок взаимопонимания" в отношении мер безопасности; объявление об этом сделал в Вашингтоне госсекретарь Кристофер, что было подтверждено высокопоставленными официальными представителями Сирии и Израиля. "Рабочий документ" по мерам безопасности, основанный на принципе равенства сторон и предварительно согласованный с Израилем, был передан американцами в Вашингтоне министру иностранных дел Сирии Фаруку Шараа. Меры безопасности включают такие шаги, как создание демилитаризованных зон и систем раннего предупреждения по обеим сторонам границы, определение районов передислокации войск, разъединение вооруженных сил сторон международными силами по поддержанию мира; введение мер взаимной безопасности призвано исключить возможность возникновения нового вооруженного сирийско-израильского конфликта. По мнению экспертов, принцип равенства в отношении мер безопасности отнюдь не обязательно означает полную симметрию, но в целом баланс должен быть соблюден.

Последовательно выступая за уход Израиля с Голан, Сирия смогла добиться от израильской стороны важного признания, что Голанские высоты являются неотъемлемой частью Сирии и если Израиль хочет всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке, то он должен вернуть эту территорию законному владельцу и отменить закон об аннексии Голан. Нельзя исключать, что израильская правящая коалиция, идя на мирное урегулирование с Сирией, оглядывается на предстоящие в 1996 г. очередные парламентские выборы, надеясь, что нормализация сирийско-израильских отношений даст ей на выборах дополнительные голоса. Поскольку США выступают в качестве посредника, то они также заинтересованы в "прорыве к миру" на сирийско-израильском участке, что весомо пополнило бы копилку внешнеполитических успехов демократов накануне президентских выборов. "Но сирийцев не интересует мир любой ценой, - пишет корреспондент "Правды" в Каире В.Беляков. - Они знают,

что на их стороне и справедливость, и право. Фактор времени Дамаск не подпирает, главное для него - восстановить законные национальные права. Об эту спокойную твердость сирийцев и разбиваются израильские политические маневры".

Показателем серьезности намерений Израиля уйти с Голанских высот многие политические наблюдатели считают тот факт, что находившийся в Вашингтоне в конце июня 1995 г. для обсуждения мер взаимной безопасности со своим сирийским коллегой начальник генерального штаба вооруженных сил Израиля обратился с просьбой об оказании американской военной помощи в размере 2,5 млрд. долл. в качестве компенсации за вывод израильских войск с Голан.

Большое значение придавали израильтяне возможности личной встрече премьер-министра И.Рабина и президента Х.Асада, которая могла бы снять остающиеся трудности в сирийско-израильском урегулировании. Заместитель министра иностранных дел Израиля И.Бейлин, находившийся в Москве в рамках заседания рабочего комитета мирной ближневосточной конференции в июле 1995 г. заявил, что мечта Израиля - "завершить мирный процесс, включив в него Сирию, а, следовательно, и Ливан, что ознаменует конец конфликта. Трудность заключается в невозможности прямого общения. Если же встреча двух государств на высшем уровне состоится, можно добиться даже того, чего не ожидаешь". В организации встречи Рабин - Асад израильтяне возлагали основные надежды на российскую сторону, "ведь Москва, по словам того же Бейлина, поддерживает с рядом стран (ближневосточного) региона более тесные контакты, чем американцы и сами израильтяне".

Сирийцы активно используют в политических целях свое военное присутствие в Ливане, оказывают давление на его правительство с тем, чтобы не допустить достижения ливано-израильской сепаратной договоренности по проблеме ливанского юга, где располагается содержащаяся на израильские деньги так называемая Армия освобождения юга Ливана. Сирийцы считают, что все договоренности Ливана с Израилем, в рамках мирной конференции или вне ее, должны быть согласованы с Дамаском, поскольку если израильтянам удастся договориться с Ливаном, минуя Сирию, то заметно осложнится достижение сирийско-израильской договоренности по Голанским высотам.

Сирийская сторона предупреждала Арафата, что достижение палестино-израильской договоренности вызовет ответную негативную реакцию палестинских организаций, ориентированных на Дамаск, что, как известно, и случилось. В антиарафатовской кампании, начатой такими высокоавторитетными палестинскими организациями как Народный фронт освобождения Палестины (Ж.Хабаш), Демократический фронт освобождения Палестины (Н.Хаватме), Народный фронт освобождения Палестины - Главное командование (А.Джебриль) после подписания палестино-израильской договоренности 13 сентября 1993 г., не обошлось без сирийской "режиссуры".

За твердой линией сирийцев, сочетающейся с их стремлением добиться договоренности с Израилем по Голанским высотам и по вопросу израильского присутствия в южном Ливане, просматривается железная воля, политическое мастерство и великолепное дипломатическое чутье президента САР Х.Асада, которого Киссинджер называл "Меттернихом Ближнего Востока". Думается, что именно понимание Вашингтоном ключевой роли Сирии в ближневосточном урегулировании, во внутриливанском конфликте заставляет США вести длительную и сложную политическую игру с Дамаском. В отношении ливанской проблемы, например, американцы в конечном итоге согласились с сирийским подходом и расценили "сирийский фактор" во внутриливанском урегулировании как стабилизирующее и потому устраивающее американскую сторону начало.

Проведя внимательный сопоставительный анализ политики американской администрации в отношении Сирии и действий президента Асада в вопросах ближневосточного урегулирования и в межарабских делах, английская "Индепендент" писала: "Даже большинство врагов Асада признает, что он выработал в себе две характерные черты, связанные с его полной кризисных ситуаций биографией. Во-первых, и у него есть все основания этим гордиться, Асад обладает исключительным политическим чутьем. На минных полях ближневосточной политики он часто был вынужден делать непопулярные в народе шаги, такие как подключение к руководимой американцами антииракской коалиции, но он шел на это, будучи убежденным, что в конечном итоге успех будет ему сопутствовать. Во-вторых, он обладает, при своем политическом упрямстве, лисьим инстинктом. Ему пришлось прибегать к грязным методам действий в Ливане, делая ставку даже на терроризм. Но когда возник вопрос о послевоенном урегулировании в Ливане, ответственная роль Асада не могла оказаться недооцененной Западом".

Тесные политические и стратегические связи Сирии и Ливана предопределили их намерение добиваться урегулирования с Израилем синхронно; действительно, как показывает практика, именно такой путь отвечает интересам обоих государств.

Многие аналитики считали, что достижение иордано-израильской и палестино-израильской договоренностей облегчит

задачу президента Асада в вопросе урегулирования с Израилем и в подходе к определению судьбы Голанских высот; считалось, что возвращение Голан Сирии будет частью процесса нормализации сирийско-израильских отношений.

Но эта оценка была изначально ошибочной, поскольку она "оставляла за скобками" сирийскую позицию в палестинском вопросе, которая, как мы видели, исходит из того, что израильско-палестинская договоренность, достигнутая Арафатом, совсем не обязательна для некоторых весьма влиятельных палестинских организаций, штаб-квартиры которых расположены в Дамаске. Позиция Сирии была бы внутренне противоречивой и губительной для той роли авангарда арабского мира, на какую она претендует и на что направлены многолетние усилия сирийского руководства, если бы она пошла на форсированное заключение мирного соглашения с Израилем. Естественно, что сирийская поддержка антиарафатовских выступлений и действий таких палестинских организаций как НФОП, ДФОП, НФОП-ГК не может сочетаться с линией Дамаска на достижение договоренности с Израилем. Поэтому и топчутся на месте, "буксуют" конфиденциальные сирийско-израильские переговоры. Но дело, конечно, не только и не сколько в позиции Сирии.

Как сообщала пресса, в конце июля 1995 г. глава израильского правительства И. Рабин выразил сомнение в том, что его стране удастся достичь мирного соглашения с Сирией до назначенных на конец 1996 г. парламентских выборов в Израиле. Конечно, если сирийско-израильская договоренность будет достигнута до этих выборов, это явится большим достижением находящейся у власти партии "Авода", увеличит ее шансы на победу на выборах, хотя израильско-палестинская и израильско-иорданская договоренности сами по себе являются весомыми слагаемыми возможного успеха этой партии на выборах.

Сложность складывающейся после достижения двух выше названных договоренностей обстановки в том, что официальная позиция Израиля в значительно большей мере чем прежде стала учитывать позицию сил правого фланга израильского политического спектра, в частности так называемых религиозных партий. Отсюда нарочитые задержки с выполнением палестинско-израильской договоренности, в частности, в том, что касается вывода израильских войск с Западного берега; под влиянием этих искусственно создаваемых израильтянами проволочек Арафат даже обронил фразу об "ошибочности" своего согласия с содержанием израильско-палестинской договоренности. Очевидно, что и высказывание начальника генерального штаба сирийской армии о том, что Сирия не намерена уступать Израилю

ни пяди своей территории также вызвано ужесточением позиции Израиля.

Нельзя, конечно, упускать из вида, что правительство Израиля идет на уступки правым силам, руководствуясь предвыборными соображениями. Но вместе с тем никто не может отрицать, что эти уступки и ужесточение позиции Израиля ставят под угрозу срыва с таким трудом налаженный "мирный процесс" на Ближнем Востоке.

Что же касается тона и содержания заявления Х.Шехаби, баасиста скорее "по должности", а не по глубине убеждений (человек его положения - начальник генерального штаба - в Сирии не может не быть членом правящей партии), то оно во многом предназначено "для внутреннего употребления", поскольку содержит недвусмысленное предупреждение возможным "соглашателям", даже находящимся на вершине партийной иерархии, что армия не потерпит компромиссов с Израилем, достигаемых за счет уступок с сирийской стороны.

Говоря о возможностях достижения сирийско-израильской договоренности, нельзя не учитывать сложного, во многом двойственного положения Сирии, которая, с одной стороны, подталкивает влиятельные палестинские организации на выступления против договоренности проарафатовского крыла ООП с Израилем, а с другой - заявляет о собственной заинтересованности в достижении сирийско-израильской и ливано-израильской нормализации двусторонних отношений. "Усидеть на двух стульях" невозможно; поэтому следует ожидать не только новых "подвижек" в сирийской позиции, но и методичного американского давления на Дамаск, подталкивания Сирии на урегулирование отношений с Израилем, на внесение сложностей в ливано-сирийские отношения, на отрыв Ливана от Сирии, которая, по мнению американской стороны, станет значительно "сговорчивее", оставшись в одиночестве и отстав от "поезда мира" на Ближнем Востоке.

Общепризнанно, что достижение сирийско-израильской договоренности о прекращении всех взаимных претензий и состояния войны между двумя государствами - длительный и трудный процесс, мучительный для обеих сторон. Тем более если говорить и об установлении нормальных дипломатических отношений между ними. Можно ожидать, что в процессе достижения и оформления сирийско-израильской договоренности об условиях нормализации отношений стороны прибегнут к методам "тихой дипломатии"; равным образом, в процессе сирийско-израильских контактов наверняка будут такие моменты, когда стороны будут прибегать к "пусканию пробных шаров", к некоторой

утечке информации, с тем чтобы как-то зафиксировать свою позицию и снять обвинения в чрезмерных уступках. Поэтому появление время от времени противоречивой и в чем-то даже взаимоисключающей информации о ходе закрытых сирийско-израильских переговоров, о месте проведения этих переговоров, о том, к чему стороны уже пришли или приходят не должно удивлять. Ведь надо иметь в виду, что сирийско-израильская договоренность, какой бы скромной по результатам она не была, явится недостающим, исключительно важным звеном во всей мозаике ближневосточного урегулирования, что это "звено" имеет непосредственное отношение не только к Сирии и Израилю, но также к Ливану и к влиятельному и пользующемуся значительной поддержкой палестинцев левоцентристскому крылу палестинского движения. Ведущиеся вдалеке от вездесущих репортеров израильско-сирийские переговоры в американском штате Мэриленд продвигаются медленно; ради их ускорения и успешного завершения государственному секретарю предстоит совершить не один "челночный" рейс в Дамаск и Иерусалим. Однако игра, без сомнения, стоит свеч.

Трудности американской стороны в вопросах поисков устраивающей обе стороны "формулы" сирийско-израильского урегулирования проистекают не только из твердой позиции Сирии. Некоторые американские идеи и соображения встречают негативный прием у израильской стороны. Так, израильское руководство довольно резко квалифицировало сделанное министром обороны США Перри 8 января с.г. предложение разместить на Голанских высотах - после их передачи Сирии - американские войска. Такое предложение не встретило бы поддержки и у сирийской стороны. В результате вновь возникла идея размещения на Голанах "многонациональных сил"; видимо, фактор предстоящих парламентских (в Израиле) и президентских (в США) выборов подталкивает израильтян и американцев к быстрейшему нахождению указанной "формулы" сирийско-израильского урегулирования. Есть все основания предполагать, что 1996 г. может стать (если не произойдет ничего экстраординарного) годом достижения мира между Сирией и Израилем и прекращения состояния войны между ними, которое длится уже 48 лет (с момента создания Израиля в 1948 г.)

Убийство правым еврейским экстремистом-фанатиком 4 ноября 1995 г. премьер-министра Израиля И.Рабина вряд ли сможет затормозить миротворческий процесс на Ближнем Востоке. Его во многом необратимый характер объясняется усталостью и израильтян и их арабских соседей от многолетней вооруженной конфронтации, истощавшей жизненные силы и арабской и израильской нации. Как справедливо отмечалась в комментариях большинства мировых СМИ, лучшим памятником И.Рабину стало бы достижение всеобъемлющего, конструктивного и справедливого арабо-израильского урегулирования, к достижению которого - пусть даже понимаемого по-своему - стремился в недавнем прошлом "человек войны", кадровый военный, генерал, ставший лауреатом Нобелевской премии мира, сумевший отказаться от многих антиарабских стереотипов, которые вплоть до настоящего времени не дают определенной части израильтян широко и непредвзято взглянуть на состояние и перспективы арабо-израильских отношений, покойный премьер-министр Израиля Ицхак Рабин.

Заключение

Судьба всех планов ближневосточного урегулирования, долгосрочного решения таких его важнейших аспектов как палестинская проблема, установление безопасных и гарантированных арабо-израильских границ довольно печальна: ни один из них не был выполнен. Но это не значит, что появление таких планов прошло незамеченным сторонами; они побуждали многочисленных экспертов разбирать достоинства и недостатки этих планов, а журналистов-международников или эмоционально (и не всегда доказательно) критиковать их или столь же эмоционально превозносить.

Все планы, даже самые сбалансированные, решения международных конфликтов (тем более такого многоаспектного как ближневосточный) неизбежно носят на себе печать политических симпатий автора, что вполне естественно. Нельзя в кабинетной тиши создать такую схему урегулирования, которая бы сразу оказалась обоюдоприемлемой или стала подходящей основой для выстраивания сторонами в конфликте хитроумных схем, разрешения запутанных и сложных проблем двусторонних или многосторонних отношений. Ценность даже нереализованных планов ближневосточного урегулирования в том, что они будили мысль, заставляли докапываться до причин и побудительных мотивов выдвижения тех или иных положений, даже отдельных формулировок. Общеизвестно что в таком, оказавшемся приемлемым для членов Совета Безопасности ООН плане как проект Резолюции 242 от 22 ноября 1967 г. отсутствие определенного артикля в английском тексте проекта перед словом "территорий", что не влияет на смысл в русском, испанском или французском переводе, обернулось длительной полемикой, когда одна сторона с жаром доказывала, что речь идет не обо всех территориях, "оккупированных во время недавнего конфликта", а другая с тем же жаром утверждала, что речь идет именно обо всех территориях. Мне вспомнилось, как вскоре после принятия этой

Резолюции специальный представитель Генерального секретаря ООН на Ближнем Востоке, назначенный на свой пост именно этой Резолюцией, посол Швеции в Москве Гуннар Ярринг полушутя, полусерьезно заметил в беседе со мной в Нью-Йорке, что "хорошо еще, что толкователи Резолюции 242 не добрались до слов "вывод израильских войск", так как в английском тексте и здесь нет определенного артикля перед словами "израильских войск", что вполне можно трактовать как вывод не всех войск". Пример с Резолюцией 242 лишний раз убеждает, насколько "до микрона" выверенными должны быть соображения и планы, представляемые на рассмотрение сторон в конфликте и на одобрение международной общественности.

Планы решения той или иной международной конфликтной ситуации всегда направлены на примирение сторон в конфликте, они не могут трактоваться как попытка навязать политику господства одной стороной над другой; выдвигать односторонние планы, прикрытые рассуждениями об их нейтральности и сбалансированности, значит априорно обрекать их на неудачу и забвение.

Позиции сторон в ближневосточном конфликте, планы урегулирования постоянно модифицировались, дополнялись и исправлялись, что требовала сама жизнь, динамика международных отношений на Ближнем Востоке. Конечно, отказ от формировавшихся годами (если не десятилетиями) стереотипов - процесс болезненный, но неизбежный, упрямое повторение застывших на многие годы формул, серый догматизм не могут выдаваться их адептами за "новое слово" в международной политике и дипломатии. Можно, конечно, закрыть глаза и упрямо повторять, что вокруг не видно чего-либо нового, но в этом случае политик уподобится ребенку, пытающемуся ладошкой закрыть солнце.

Не могла не претерпеть серьезной эволюции позиция нашей страны по вопросам ближневосточного урегулирования. Если "по горячим следам" "шестидневной войны" 1967 г. ключевым пунктом всех наших предложений было требование вывода израильских войск со всех оккупированных в июне 1967 г. территорий, то затем центральной частью наших предложений стала необходимость уважения и реализации законных национальных прав арабского народа Палестины, а в дальнейшем двумя ведущими, тесно связанными между собой императивами урегулирования, стали необходимость удовлетворения законных национальных прав арабского народа Палестины и международно-признанное и надежное гарантирование безопасного существования Израиля. Постепенно все государства пришли к такому пониманию

существа ближневосточного урегулирования, даже Израиль согласился с таким подходом с тех пор, как стал рассматривать формулу "земля в обмен на мир" ведущим принципом своей ближневосточной политики. Действительно, эти две проблемы вобрали в себя все многоцветье ближневосточной политической палитры и их справедливое решение является по сути дела двумя сторонами одной медали - палестинцы не вправе решать свои проблемы за счет Израиля, путем какого-то нарушения его освященного решениями ООН права на мирное и безопасное существование; равным образом Израиль не может нарушать и игнорировать права палестинцев, удерживать под своим военным и административным контролем палестинские территории, на которых вполне может разместиться независимое палестинское государство, формальное провозглашение которого уже, как известно, имело место 15 ноября 1988 г.

Казалось бы, поскольку в основу подхода России к ближневосточным проблемам положены два выше названных принципа, ее политика на Ближнем Востоке должна отличаться взвешенностью и сбалансированностью; однако к глубочайшему сожалению всех, кто практически занимается ближневосточными проблемами, будь то в сфере конкретной, далеко не всегда делаемой "в белых перчатках" политики, будь то на ниве "чистой" науки, наш политический курс в ближневосточном регионе, в отношении путей решения ближневосточного конфликта и в отношении отдельных ближневосточных государств страдает явным проамериканским креном, постоянным оглядыванием на то, что будет говорить или делать заокеанская "княгиня Марья Алексеевна" и проистекающими отсюда неэффективностью, импульсивностью и непоследовательностью.

Можно согласиться с тем, что в годы пресловутого "застоя" действия нашего государства на Ближнем Востоке подчас имели эффект бенгальского огня и эффект пропагандистский явно перевешивал эффект политический. Но когда после октябрьской арабо-израильской войны 1973 г. арабские матери называли своих новорожденных малышей непривычным для арабского уха именем Миг (не зная, конечно, что МиГ - это аббревиатура фамилий двух выдающихся советских авиаконструкторов - армянина Микояна и еврея Гуревича), то в этом выражалась признательность арабов - пусть в несколько своеобразной форме - за всегдашнюю линию нашей страны на поддержку справедливых арабских прав и требований. Когда в момент "пика" обострения в арабо-израильских отношениях наши официальные представители подтверждали законность права Израиля на существование и указывали на необходимость политическими средствами

решать ближневосточный конфликт, в этом проявлялась необходимая сбалансированность, которая должна быть характерной чертой любого, претендующего на "равноудаленность" и справедливость по отношению к сторонам в конфликте, подхода к развязыванию запутанного ближневосточного узла.

К сожалению, отнюдь не равноудаленность, а необдуманность и поспешность характеризуют многие наши действия на Ближнем Востоке в последние годы. Вместе с тем автор далек от мысли отрицать реальную заслугу Соединенных Штатов в решении такого исключительно сложного и деликатного вопроса как созыв Мадридской мирной конференции, в сведении сторон в конфликте за столом переговоров. Многочисленные поездки на Ближний Восток государственных секретарей Бейкера и Кристофера, заполненные напряженными переговорами - это не "дипломатия улыбок" Шеварднадзе или "Мистера "Да" - Козырева, это тяжкий, изнуряющий труд. Но разве в ходе этих переговоров Вашингтон не добивался, последовательно, упорно и настойчиво, претворения в жизнь своего сценария ближневосточного "спектакля"? Было, конечно, странно, если бы Вашингтон не ставил во главу угла свои собственные интересы. Мнением Москвы при этом можно и пренебречь, тем более, что самостоятельная политика России на Ближнем Востоке практически сошла на нет, что налицо отказ российского руководства от инициативных действий и полное следование за курсом новоявленных друзей - "партнеров во имя мира". Так, к сожалению, обстоит дело с внешнеполитической активностью России вообще, не только на Ближнем Востоке.

Последние годы дают немало доказательств уверенности официального Вашингтона в том, что его акции на Ближнем Востоке будут безоговорочно поддержаны Москвой. Многочисленные конкретные примеры убеждают в этом.

Аннексия Ираком Кувейта. Никто не отрицает незаконности, откровенно агрессивного характера этого необдуманного акта Ирака и его руководства во главе с нашим недавним другом Саддамом Хусейном. Если внимательно проанализировать весь объем информации по этому вопросу, которым, надеюсь, располагало руководство нашей страны, то нельзя отделаться от мысли, что идея возможности якобы безболезненного и быстрого захвата Кувейта была "подброшена" Саддаму извне. Непомерные амбиции иракского лидера - вот на чем умело сыграли те политические силы, которым было выгодно втравить Ирак в авантюру, разрешение которой потребовало бы вооруженного вмешательства Вашингтона и дало бы ему возможность продемонстрировать свои "мускулы" не только Ираку, но и другим

государствам региона, даже своим союзникам. Следует напомнить, что успешная попытка подобного рода более чем пятнадцатилетней давности - стремление убедить Саддама, что мощный удар иракской армии сметет послешахское иранское руководство - имела уже место, в западной прессе открыто писалось, что такую, весьма успешную попытку предпринял Бжезинский в ходе секретной встречи с Саддамом в Рутбе, недалеко от ирако-иорданской границы, 30 марта 1980 г., за пять месяцев до начала бессмысленной, бесперспективной, трагической для обеих сторон ирано-иракской войны.

Действия "многонациональной коалиции". Заручившись нашей поддержкой, получив "законное основание" в виде Резолюции 678 от 29 ноября 1990 г. Совета Безопасности, за которую во исполнение откровенно ошибочных, на мой взгляд, указаний из Москвы проголосовал и наш представитель, США четко взяли курс на подготовку широкомасштабной антииракской "акции возмездия". Конечно, они могли проигнорировать любое решение ООН или ее Совета Безопасности, но почему бы не позаботиться о внешнем декоруме для своих далеко идущих акций, почему бы не воспользоваться любезными услугами министра Шеварднадзе, который пытался откровенно "выкручивать руки" своему китайскому коллеге на встрече в Урумчи, что, правда, на китайскую сторону не подействовало и подействовать не могло. Последствия хорошо известны. Действия "многонациональной коалиции", по сути дела американских вооруженных сил, "несколько превысили" мандат, данный Советом Безопасности, как стыдливо писали некоторые российские СМИ. Это "превышение мандата" обернулось многотысячными жертвами среди мирного населения Ирака, тотальным разрушением его экономической и, конечно, военной структуры, вмешательством контролируемых американской стороной международных комиссий в некоторые "святая святых" иракской внутренней политики.

Свалить Саддама Хусейна во что бы то ни стало - это доминанта американской политики в отношении Ирака. Проблема предельно ясна - Саддам Хусейн мешает американской политике в ближневосточном регионе, поэтому его необходимо убрать, с тем чтобы его печальная участь послужила предупреждением всем, кто не согласен с диктатом США. Все это делается фактически с одобрения Москвы, российского руководства, до сих пор, видимо, не понимающего одну простую истину: послушным следованием за Вашингтоном можно добиться только одного - окончательной утраты Россией ее позиций на Ближнем Востоке.

Мне могут возразить - можно ли было найти иное решение

кризиса вокруг Кувейта, кроме военного. Убежден, что можно, но для этого надо было поверить в потенциал арабской солидарности, почему-то игнорируемый и явно невостребованный, вести дело к "арабскому решению" проблемы, как-то стимулировать достижение такого решения.

Или взять осуждение Ливии и ливийского лидера М.Каддафи "за потворствование международному терроризму", за якобы имевшее место "соучастие" в известном "деле Локкерби". Опять подключается Совет Безопасности, опять российский представитель послушно голосует за предлагаемые американской стороной (и уже несколько лет регулярно продлеваемые) политико-экономические санкции против режима Каддафи, а соответствующие российские ведомства срочно отзывают своих гражданских и военных специалистов из Ливии, теряя на разрыве связей с Ливией миллиарды долларов.

Но почему Россия должна придерживаться вашингтонских "правил игры"? Ведь они являются частью долгосрочной стратегии Вашингтона, направленной на тотальное вытеснение нашей страны из "третьего мира", на предметное демонстрирование перед всем миром нашей внешнеполитической "импотенции".

Катастрофическое падение авторитета российской политики на Ближнем Востоке, распад Советского Союза, исчезновение былой притягательности социализма для широкого арабского общественного мнения привели еще к одному серьезному, во многом необратимому последствию, весь трагизм которого еще скажется в будущем, хотя ощущается уже сейчас. Речь идет о резком ослаблении позиций левых сил в государствах Ближнего Востока, наличие и активность которых всегда были своеобразным показателем политической культуры этих стран. Левые силы на Ближнем Востоке растеряли политические ориентиры и перспективы, в результате они оказались отброшенными на обочину политической жизни своих стран, что в значительной, если не в решающей степени лишило их прежних возможностей воздействия на массы.

Отношения со странами Ближнего Востока всегда были одним из главных приоритетов внешней политики бывшего СССР. До сих пор сохраняется вполне надежная база, на которой могут быть предприняты необходимые усилия по налаживанию широкомасштабных отношений России со всеми странами региона. Ведь отношения России со странами Ближнего Востока, как арабскими государствами, так и Израилем, представляют для нас не только общеполитический, но и чисто практический интерес. Творческое и умелое использование потенциальных возможностей развития отношений России со странами ближне-

восточного региона вполне реально, если, конечно, не будет усугубляться процесс "растворения" российской линии поведения в политическом курсе США, которые отлично понимают, чего им надо добиваться на Ближнем Востоке, имеют точно определенные цели и знают свои национальные интересы, энергично используют годами, десятилетиями совершенствовавшийся внешнеполитический "инструментарий", неоднократно апробированный на практике.

С позицией России в ближневосточных делах в мире привыкли считаться. "Эту позицию высоко ценят все народы, борющиеся за свободу, ценят характер, размеры и надежность этой помощи", - говорил президент Насер в 1970 г. "Российская позиция весьма близка американской позиции, если не идентична ей", - говорила официальный представитель иордано-палестинской делегации Х.Ашрауи на одном из брифингов в ходе московского раунда ближневосточной мирной конференции в январе 1992 г.

Сопоставление двух высказываний весьма красноречиво. В кругах российских ближневосточников популярно высказывание, что у нас "нет ближневосточной политики, а есть политика на Ближнем Востоке". Бездействие и пассивность России в ближневосточном регионе убеждают в том, что прежние ее ориентиры и в их числе главнейший - борьба за урегулирование конфликтного ближневосточного узла на основе справедливости для всех - преданы забвению, что сделано, судя по всему, ради налаживания единого с США подхода к региональным конфликтам, ради укрепления российско-американского взаимопонимания, о чем так любят разливаться некоторые наши доморощенные политические "соловьи". Но их звонкие "трели" дают основание заподозрить худшее и утвердиться в предположении о том, что некомпетентность и дилетантизм - как минимум - все чаще определяют линию поведения России во внешнеполитических вопросах, в том числе и на Ближнем Востоке.

Не хотелось бы заканчивать на пессимистической ноте. Думается, что возрождение России, к которому искренне стремятся и на которое постоянно работают все российские патриоты, приведет к тому, что наша внешняя политика станет политикой, достойной великой державы, которой была и остается наша Россия, несмотря на непрекращающиеся попытки унизить ее достоинство и лишить ее возможности играть весомую самостоятельную роль в международных отношениях конца XX в.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 4
Введение 5
I. Что такое ближневосточный конфликт 7
II. От Палестинской войны 1948-1949 гг. до "шестидневной войны" 1967 г. 13
III. "Пять пунктов" президента Джонсона. Резолюция 242 Совета Безопасности, ее значение и эффективность 19
IV. Женевская мирная конференция 1973 г.; соглашения о разъединении войск 53
V. Кэмп-дэвидские договоренности 68
VI. Саудовский "план мира", план Рейгана, Фесская инициатива, план Брежнева 76
VII. В поисках магической "формулы мира" 85
VIII. Мадридская международная конференция: надежды и тревоги 95
IX. Закономерность сенсации. О ходе достижения палестино-израильской договоренности о взаимном признании....105
X. О достижении израильско-иорданской договоренности о нормализации отношений 118
XI. Сирия - Израиль: лед тронулся, но до его таяния еще далеко....124
Заключение 132

ПЫРЛИН
Евгений Дмитриевич

Ближневосточный лабиринт

Оформление и макет *В. Михайлов*
Художники *И. Айдаров, А. Сидорук*
Компьютерная верстка *С. Хозин*
Корректор *Т. Лазебная*

Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура прагматика. Печать офсетная.
Усл. печ. л 9. Тираж 2000. Зак.

Издательство "Граница".
101000, Москва, Главпочтамт, а/я 711
Типография издательства "Граница"

Частное охранное предприятие

Дельта-В

☞ *"Дельта-В"* - была создана для оказания услуг в сфере охранной деятельности и обеспечения безопасности компаниям, занимающимся разработкой месторождений цветных металлов, золота и экспортом нефтепродуктов.

☞ *"Дельта-В"* - оказывает широкий спектр услуг в области обеспечения физической безопасности и информационного обслуживания.

☞ *"Дельта-В"* - имеет возможность оперативно найти интересующие Вас сведения в значительном числе баз данных в России и за рубежом, эффективно использовать независимых экспертов в области информационных исследований на территории многих стран.

☞ *"Дельта-В"* - это подразделения хорошо оснащенных, квалифицированных специалистов, имеющих опыт работы по борьбе с терроризмом и организованной преступностью

ЧЕМ МЫ МОЖЕМ ВАМ ПОМОЧЬ

- Выработка *концепции безопасности* фирмы с учетом специфики ее деятельности
- Обеспечение *физической охраны* Вас и Вашего офиса
- Маркетинговые услуги
- Анализ риска конкретных коммерческих сделок, проектов
- Информация о потенциальных партнерах по бизнесу
- Консультации для Ваших служащих по вопросам обеспечения собственной безопасности
- Проверка надежности Ваших партнеров и Вашего персонала
- Анализ возможных криминальных ситуаций и помощь в критических ситуациях

Мы работаем с Вами по индивидуальной схеме, приемлемой только для Вас и способной разрешить Ваши проблемы в сфере обеспечения безопасности и информации

При заключении договоров об оказании охранных и информационных услуг подразделения "Дельта-В" предоставляют каналы связи для оперативного контакта с нашими специалистами

Вы можете с нами связаться по телефону и факсу в Москве:
(095) 149-9642
или по телефону
(095)125-5510

Группа Гросс

Общество с ограниченной ответственностью

Россия, 121359, г.Москва, а/я 21

Russia, 121359, Moscow, box 21

- ***"Группа Гросс"*** - была создана в качестве фирмы, занимающейся издательской и информационной деятельностью на российском и зарубежном рынке.
- ***"Группа Гросс"*** - оказывает широкий спектр услуг в сфере предоставления аналитической информации по общественно-политической, коммерческой и иной тематике.
- ***"Группа Гросс"*** - имеет возможность оперативно найти интересующие Вас сведения в значительном числе коммерческих баз данных в России, и за рубежом, эффективно использовать независимых экспертов в области информационных исследований на территории многих стран.
- ***"Группа Гросс"*** - это коллектив специалистов, ученых, исследователей, имеющих многолетний опыт работы в различных подразделениях Российской Академии наук и других научно-исследовательских учреждениях России.

Чем мы можем Вас заинтересовать?

- Оказание помощи в издании произведений по общественно-политической, научной, публицистической и иной тематике.
- Предоставление руководителям предприятий и ведомств информационно-аналитических сообщений и справок по регионам России и зарубежья.
- Подготовка научных обзоров по интересующей проблематике в сфере общественно-политической, социальной, регионоведческой, экономической.
- Предоставление сведений о надежности потенциальных партнеров по бизнесу.
- Оказание иного рода услуг в издательской и информационной сферах.

Заявки на обслуживание принимаются телефону и факсу:

(095)149-9642

32 (2.4)
П-95

Многочисленные друзья и знакомые Евгения Дмитриевича Пырлина часто выражают законное недоумение, кем же он является: многоопытным практическим работником внешнеполитического фронта, не один десяток лет занимающимся ближневосточными проблемами, побывавшим (и неоднократно) в большинстве государств региона, или ученым, доктором исторических наук, профессором, автором интересных монографических исследований ("Ближневосточный лабиринт" его пятая книга), или острым публицистом, статьи которого неоднократно появлялись на страницах центральных газет и солидных журналов. Ответ можно найти в тех дружественных надписях, которые сделали многие ближневосточные политические деятели на фотографиях, подаренных ими Е.Д.Пырлину. "Моему доброму другу", - написал король Иордании Хусейн, "нашему другу" - такие слова принадлежат палестинскому лидеру Я. Арафату.

Действительно, Е.Д.Пырлин - искренний друг Ближнего Востока, с которым у него связаны долгие годы напряженной работы и творческой активности. Широкое знание, глубокое понимание ближневосточных проблем, которые возможны только на основе большой чисто человеческой симпатии к народам Ближнего Востока, гарантируют всегдашний интерес к публикациям этого компетентного автора.